

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории языка и литературы УрО РАН
Кафедра истории России УдГУ
Центр изучения истории средневековой Руси УдГУ

ЕВРОПА В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ: ОБЩЕСТВО. ВЛАСТЬ. КУЛЬТУРА

Материалы Всероссийской, с международным участием,
научной конференции молодых ученых
Ижевск, 1–2 декабря 2015 г.



ИЖЕВСК

2016

УДК 94(470)"04/15" (063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431
Е 241

Рецензенты:

А.Б. Головкин – д.и.н., проф. (Киев)
А.Ю. Дворниченко – д.и.н., проф. (С.-Петербург)
А.А. Кузнецов – д.и.н., проф. (Н.-Новгород)

Редколлегия:

А.Е. Загребин, В.В. Иванов, М.В. Корепанова, Д.В. Пузанов,
Д.Р. Сентякова, С.О. Тарасов, Д.В. Чиркова

Отв. ред. и сост. В.В. Пузанов

Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура : материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 1–2 декабря 2015 г. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. – 232 с.

ISBN 978-5-4344-0356-6

В сборнике представлены материалы Третьей Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых, которая проходила 1–2 декабря 2015 г. в г. Ижевске.

Издание подготовлено кафедрой истории России и Центром изучения истории средневековой Руси УдГУ. Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, всех интересующихся историей Средних веков и Раннего нового времени.

ISBN 978-5-4344-0356-6

© Авторский коллектив, 2016
© ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

- Д.В. Пузанов* (Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, г. Ижевск) **Мифология северного сияния в Поволжье X в.: этнокультурный аспект**.....7
- Н.А. Кутявин* (Удмуртский гос. ун-т, г. Ижевск) **Неоязыческий миф о князе Святославе**.....17
- М.В. Корепанова* (Удмуртский гос. ун-т, г. Ижевск) **Изменение судьбных функций наместников по материалам русских законодательных актов XIV – середины XVI веков**.....31
- Д.Р. Сентякова (Шакурова)* (Удмуртский гос. ун-т, г. Ижевск) **Русская земля в этнополитической картине мира автора «Казанской истории»**.....39

ПЛЕНАРНО-СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

- В.Г. Циватый* (Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, г. Киев) **Символы и социокультурные образы власти во внешней политике и дипломатии европейского общества: политико-институциональные практики Средневековья и Раннего нового времени**.....46
- С.М. Омаров* (Каменец-Подольский национальный ун-т им. Ивана Огиенко, г. Каменец-Подольский, Украина) **Можно ли считать Батюгу руководителем западной кампании монгольских войск 1235–1242 годов?**..... 53
- Е.С. Гончарова* (Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т, г. Волгоград) **Фракционная борьба при дворе Генриха VIII (на примере взаимоотношений Анны Болейн и Томаса Кромвеля в 1531–1536 г.)**.....60
- Р.В. Болдырев* (Липецкий гос. пед. ун-т, г. Липецк) **К проблеме взаимоотношений новгородцев и шведов в 1611–1615 гг.**.....67
- Е.М. Кончакова* (Липецкий гос. пед. ун-т, г. Липецк) **Лицо власти в период смуты: Якоб Делагарди в роли новгородского наместника**.....76

<i>Е.М. Симонженкова</i> (Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, г. Москва) Особенности восприятия России начала XVII века испанскими литераторами.....	82
<i>Д.В. Чиркова</i> (Удмуртский гос. ун-т, г. Ижевск) Торжественные въезды в Москву в правление Лжедмитрия I глазами иностранцев.....	88
<i>И.А. Калугин</i> (Удмуртский гос. ун-т, г. Ижевск) Русско-венгерские контакты в ходе движения мадьяр в Паннонию глазами русского летописца и венгерского хрониста.....	96
<i>Н.М. Колеватов</i> (Удмуртский гос. ун-т, г. Ижевск) Противостояние русских и тевтонов глазами Генриха из Ливонии: особенности осады городов и замков.....	101
<i>В.И. Лясевич</i> (Башкирский гос. ун-т, г. Уфа) Упоминания о древнем Башкортостане в письменных источниках раннего и развитого Средневековья.....	107
<i>А.Д. Козлова</i> (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, г. Казань) Проблема взаимодействия аграрных и кочевых обществ на примере Болгарского городища в Татарстане.....	114
<i>А.Н. Зарипова</i> (Удмуртский гос. ун-т, г. Ижевск) Влияние половецкого фактора на межкняжеские коалиции Южной Руси.....	120
<i>Е.Ю. Абрамова</i> (Тюменский гос. ун-т, г. Тюмень) Образ св. Бригитты Ирландской как экзорциста.....	127
<i>В.И. Мухин</i> (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, г. Казань) Образ Александра Македонского в средневековой литературе Востока и Запада.....	131
<i>М.А. Мочалова</i> (Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, г. Москва) Образ Салах Ад-Дина в латинских хрониках.....	137
<i>А.Д. Мокрополова</i> (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, г. Казань) «Славнейший король норманнов»: Адам Бременский об Олаве Святом.....	150
<i>Р.Р. Хазиахметова</i> (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, г. Казань) Представления о болезни в раннее Средневековье.....	156

<i>А.В. Даркина</i> (Воронежский юридический техникум, г. Воронеж) Ведьма, дьявол, протест как изобретённые традиции Раннего Возрождения	162
<i>Р.А. Соловьева</i> (Удмуртский гос. ун-т, г. Ижевск) Образ идеальной семьи по «Домострою»	171
<i>А.А. Преображенская</i> (Высшая школа экономики, г. Москва) «И неправедное мое есть собрание неправедно погибнет»: материальное благосостояние первого придворного поэта Симеона Полоцкого	178
<i>Н.А. Федонников</i> (Высшая школа экономики, г. Москва) Подходы к изучению De ordine palatii Хинкмара Реймского как исторического источника	185
<i>Л.Р. Кафар-заде</i> (Институт истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана, г. Баку) Религиозный аспект Византийско-Сасанидской геополитической борьбы за Азербайджан (по материалам англоязычной историографии)	191
<i>Гимадеев Т.В.</i> (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, г. Казань) Ян Гус и гуситское движение в отечественной историографии Первой мировой войны (1914–1918)	197
<i>А.А. Александрова</i> (Гос. гуманитарно-технологический ун-т, г. Орехово-Зуево) Женское историческое письмо во второй половине XVIII века: проблема гендерных ролей	203
<i>С.С. Бытко</i> (Нижевартовский гос. ун-т, г. Нижневартовск) Старообрядческие сборники и традиции их составления: наследие средневековой книжной культуры	208
<i>А.С. Ошонков</i> (Пермский гос. гуманитарно-педагогический ун-т, г. Пермь) Практика «объявления вне закона» и феномен изгнания в норвежском и исландском обществах VIII–XIII вв.	218
<i>А.А. Белькова</i> (Высшая школа экономики, г. Москва) Таможенное делопроизводство Российского государства в XVII – начале XVIII века: основные черты и особенности правового регулирования	225

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Д.В. Пузанов
Ижевск (Россия)*

Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН

МИФОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ X ВЕКА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ¹

В работе анализируется сообщение Ибн Фадлана о восприятии населением Волжской Булгарии северного сияния как вечной битвы верных и неверных джинов. Данное сообщение сопоставляется со свидетельствами древнерусских летописей о небесных битвах, финно-угорскими мифами о духах сполохов, сражающихся между собой, германскими языческими представлениями о вечно сражающихся отрядах, тюркскими представлениями об участии джинов в земных битвах. По мнению автора, обстоятельства распространения по Восточной Европе описанного Ибн Фадланом мотива до конца неясны и вряд ли могут быть выяснены, т. к. полного совпадения с сообщением арабского путешественника в других источниках не найдено. Тем не менее, наиболее вероятно, что миф был перенят булгарами у финно-угров или скандинавов.

Ключевые слова: посольство Ибн Фадлана на Волгу, северные сияния, тюркская мифология, финно-угорская мифология, скандинавское язычество.

В современной этнографии довольно прочное место занимает идея особого консерватизма традиционного общества, что позволяет рассматривать этнические группы как достаточно

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 14-18-03573 «“Поля несуществующего”: неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

устойчивые единицы, сохраняющие свои обряды, обычаи, традиции, этос на протяжении многих веков. Поэтому материалы письменных источников, как правило, исследователи пытаются сопоставить с этнографическим материалом той территории, на которой они распространены. Такой подход оправдан тогда, когда традиции актуальны для общества, но он вряд ли поможет в том случае, если объект, актуализировавший знания исчезает из поля зрения этнической группы.

В этом плане совершенно особое положение занимают представления о явлениях природы. Ведь некоторые из них универсальны, одинаковы на территории всего земного шара и во все времена. Например, по свету солнца и луны определяли погоду в Древнем мире, по цвету луны во время затмения 27 сентября 2015 года современные ученые предсказали похолодание, невольными свидетелями которого мы недавно стали². Есть природные явления, актуальные для определенного климата. Они могут существенно влиять на хозяйственную деятельность коллектива, а их осмысление может носить этнические характеристики. С другой стороны, климат, как и человек – единица изменчивая. Поэтому некоторые природные явления могут менять границы своего существования, исчезать и появляется на новой территории. В какой-то мере, таким явлением является северное сияние. Район распространения и насыщенность сполохов зависит от интенсивности солнечных бурь, а потому, эта величина непостоянная.

В X в., как показал еще Д.О. Святский, наблюдался второй максимум солнечной активности³. Это свидетельствует о возможном распространении рассматриваемого природного явления в это время на огромные пространства. Магнитные бури, отмечаемые «одновременно по всей Земле» могут сопровождаться северными сияниями, которые видны даже в тропи-

² URL: <https://www.gismeteo.ru/news/klimat/16272-lunnoe-zatmenie-stalo-dokazatelstvom-globalnogo-poholodaniya/>

³ Святский Д.О. Северное сияние в русской литературе и науке с X по XVIII век // Архив истории науки и техники. Вып. 4 / под ред. Н.И. Бухарина. Л., 1934. С. 47.

ках⁴. И действительно, полярные сияния красного света были зафиксированы в X в. арабскими источниками на Пиренеях и Северной Африке⁵.

Одно из крупных северных сияний, возможно, наблюдал Ибн Фадлан в Поволжье: «Мы [долго] смотрели на отряд, нападающий на отряд, оба они смешивались вместе на некоторое время, потом оба разделялись, и таким образом это явление продолжалось некоторую часть ночи. Потом оно скрылось от нас. Мы спросили об этом царя, и он сообщил, что деды его говорили, что эти [всадники] принадлежат к верным и неверным джиннам. Они сражаются каждый вечер и, подлинно, с тех пор, как они существуют [на свете], ни одной ночи они не бывают отсутствующими в этом [сражении]»⁶. Как отмечает А.П. Ковалевский, идея сражающихся друг с другом джинов имеет параллели в исламских верованиях, и поразительно напоминает сюжет из «1000 и одной ночи», когда «Булукия, забравшись на край света, видит перед собой долину, на которой сражаются две армии ‘верных’ и ‘неверных’ джиннов»⁷. Однако в наличии местного источника данной информации у ибн-Фадлана А.П. Ковалевский не сомневается. По справедливому замечанию исследователя, гораздо более близкие параллели можно встретить в эстонском эпосе⁸.

Но не только у эстонцев северное сияние представлялось как битва героев, живущих на небе. Представление о северном сиянии как небесной битве достаточно развитый сюжет у прибалтийских и скандинавских финно-угров. В мифологии саамов северное сияние – это небесная битва, которую ради по-

⁴ *Воронцов-Емельянов Б.А.* Очерки вселенной. Изд. 6-е, перераб. и доп. М., 1969. С. 434.

⁵ *Vaquero J.M., Gallego M.C.* Two early observations of aurora at low latitudes // *Annales Geophysicae* (2001) 19. P. 809–811.

⁶ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 134–135.

⁷ *Ковалевский А.П.* О степени достоверности Ибн-Фадлана // *Исторические записки.* М.; Л., 1950. Т. 35. С. 281.

⁸ *Там же.* С. 281–282.

техи ведут дружинники Найнаса⁹. С битвой ассоциировался красный свет, которым орошалась поверхность земли во время природного явления. В саамской сказке, кровавая дорога приводит девушку в дом, пол у которого также полит кровью. В этом доме резали друг друга спутники Найнаса: «Это не люди шумели и резались, а по небу бегали кувскес – сполохи»¹⁰. Северное сияние с орошением земли кровью ассоциировано и в Лаврентьевской летописи: «[Т]ое же зимы знаменьа бы^с многи на нбси . едино^ж ѿ ни^х скаже^м : бы^с во едину ношь въ . ѿ . ча^с ноши . потече нбо все . и бы^с черно . по земли же и по хоро^м . снѣгъ . мнѣти^ж всѣ^м члѣкмъ зраче . аки кровь прольана на снегу»¹¹. В поздних русских летописях напрямую полярные сияния сравниваются с небесными баталиями¹². К восточным славянам представления о северном сиянии как небесном сражении, вероятно, пришло поздно, либо ранние летописцы, по какой то причине не фиксировали его. В.Н. Татищев приводит более раннее сообщение под 912 годом: «погоре небо, и столпы огненные ходили от Руси ко Греции сражающесе»¹³. Но данному свидетельству вряд ли следует доверять¹⁴. Сомнительна

⁹ Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М., 2005. С. 166.

¹⁰ Саамские сказки / под ред. Г.М. Керта. Мурманск, 1980. С. 94.

¹¹ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ) Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 419.

¹² См. напр.: Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. М., 2007. С. 263–264.

¹³ Татищев В.Н. История Российская. М.;Л, 1963. Т. 2. С. 39.

¹⁴ Как показал М.Л. Городецкий, «это сообщение... не имеет параллелей в известных списках летописей. Татищев явно заимствовал это сообщение у Ликостена, который упоминает его как раз под 912 г.». При этом речь идет, скорее, не о северном сиянии, а о комете Галлея (Городецкий М.Л. Комментарии // Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. С. 275, прим. 7). Подр. о так называемых «известных только В.Н. Татищеву» летописях см.: Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., 2005. Также следует добавить, что В.Н. Татищев, в указанном сообщении, искусственно объединяет две традиции: представление о северном сиянии как огненных столпах – зловещего знаменья (встречается в Византийской

также предложенная Д.О. Святским интерпретация летописного сообщения о небесном войске, которого испугались половцы в 1111 году, как свидетельства об увиденном половцами северном сиянии¹⁵. Идея небесного воинства и его помощи одной из сторон конфликта вообще распространенный штамп в авраамических религиях. Например, войско Аллаха разгоняет хазар в фантастическом сообщении Гарнати об исламизации Булгарии¹⁶.

Красный свет от северного сияния также вызывал ассоциации с небесным огнем («Тогда я поднял голову, и вот недалеко от меня облако, красное, подобное огню»¹⁷; «В мачты пламенем плеснули. Ужаснулись мореходы»¹⁸; «Акы пожарная зара . ѿ вьстока . и оуга . и запада . и сѣвера . и быѣ тако свѣтъ всю ночь . акы ѿ луны полны свѣтащса»¹⁹), а бегаящие световые столбики с копьями и другим оружием («И вот в нем подобия людей и лошадей, и вот в руках отдаленных находящихся в нем фигур, похожих на людей, луки, стрелы, копья и обнаженные мечи»²⁰; «Вскинув огненные копья, Золотом щитов играя»²¹).

традиции, но не известно ранней древнерусской, где огненные столпы однозначно воспринимались в библейском контексте исхода из вавилонского плена) и битвы двух воинств. Сложно представить, чтобы эти два, абсолютно разных по семантике символа были соединены средневековым хронистом.

¹⁵ *Святский Д.О.* Северное сияние в русской литературе и науке с X по XVIII век. С. 48.

¹⁶ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153) / под ред. О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М., 1971. С. 31.

¹⁷ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 134.

¹⁸ Сын Калева: Эстонский народный эпос / собрал и обработал Фр. Крейцвальд; перев. с эстон. Вл. Державин и А. Кочетков. М., 1949. С. 180.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 276.

²⁰ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана... С. 134.

²¹ Сын Калева... С. 180.

Если с представлением о северном сиянии как небесном огне или заре почти все понятно (так явление описывают не только люди хорошо с ним знакомые, но также книжники видевшие «чудо» впервые²²; иногда аврору²³ ошибочно принимали за пожар²⁴), то с представлением о небесной битве все гораздо сложнее. В настоящее время очень сложно определить прародину этого мифа. По территории Волжской Булгарии в тот момент проходила главная торговая магистраль, соединявшая Скандинавию и страны Арабского Востока. Население государства было полиэтнично, а болгары имели контакты как со славянами, так и с финно-уграми и скандинавами. В своем фольклоре прямое отождествление сполохов с небесной битвой сохранили финно-угры Скандинавии и Прибалтики. Тем не менее, в финно-угорском небесном сражении отсутствует дуализм, характерный для сообщения Ибн Фадлана. В мифологии духи соревнуются меж собой, а не выходят на битву двумя отрядами. Как справедливо отметил А.П. Ковалевский, представление о верных и неверных джинах сугубо мусульманское²⁵. Непонятно, существовал ли записанный Ибн Фадланом дуализм в первоначальном представлении болгар, которое дошло до нас в явно исламизированном виде. Одно роднит это сообщение с фольклорной традицией – отсутствие страха автохтонного населения перед необычным явлением. В авраамической традиции «горение» небес и столпы могли вызывать ассоциации с апокалипсисом, поэтому и в Древней Руси, и в Византии северные сияния воспринимались как зловещие знамения²⁶. Напугало оно и впервые увидевших чудо арабов²⁷. В эстонском эпосе,

²² *Vaquero J.M., Gallego M.C.* Op. cit. P. 810.

²³ Как иногда называют полярные сияния.

²⁴ *Мизун Ю.Г.* Полярные сияния. М., 1983. С. 4–5.

²⁵ *Ковалевский А.П.* О степени достоверности Ибн-Фадлана. С. 281.

²⁶ *Лев Диакон.* История. М., 1998. С. 90–91; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 454–455.

Исключением является северное сияние, описанное под 1102 г. в Лаврентьевской летописи и предрекавшее победу над половцами (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 276).

²⁷ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана. С. 134.

напротив, северное сияние явно обладает положительной семантикой, Калев-сын воспринимает его как подарок доброго громовержца:

«Калев-сын неустрашимый
Крикнул грозной рати неба:
– Духи севера! Мечите
В нас серебряные копья,
Золотом щитов играйте,
Наполняйте блеском небо,
Блеском огненно-пурпурным
Озаряйте нам дорогу!
Нас давно покинул месяц,
С нами солнышко рассталось.
Подарил нам добрый Укку
Взмахи северных сияний!»²⁸.

Несмотря на то, что сообщение Ибн Фадлана можно считать одним из самых древних упоминаний мифа, вряд ли он родился в Поволжье. Скорее всего, его прародину следует искать там, где северные сияния встречаются более регулярно – в Скандинавии, или на территории севера России. Интересным является наблюдение В.Я. Петрухина, согласно которому эстонские представления о небесных баталиях на небе похожи на скандинавские мифы о Вальхалле²⁹. В скандинавской мифологии распространено также представление о вечно сражающихся отрядах. Непрерывающаяся распря между Хёгни и Хедином была условием, при котором Один вернул Фрее ее ожерелье. По скандинавским мифам, Хаддинг, отправляясь в загробный мир, переходит через реку «из потока мечей и копий» и встречает два вечно сражающихся войска³⁰. Торстейн наблюдает в кургане битву двух вооруженных отрядов имеющих красные и черные одеяния³¹ (такие же одежды были у болгарских джинов). Если допустить, что викинги могли стать распростра-

²⁸ Сын Калева... С. 180.

²⁹ *Петрухин В.Я.* Мифы финно-угров. С. 19.

³⁰ *Петрухин В.Я.* Мифы древней Скандинавии. М., 2003. С. 165.

³¹ *Там же.* С. 166.

нителями мифа, можно было бы объяснить его появление на страницах западных хроник³². Однако все описанные скандинавские сюжеты относятся к преисподней³³, а идея о северном сиянии как небесном сражении не известна в северогерманской мифологии (возможно не сохранилась). Племена балтийских финнов и саамов в древности, возможно, занимали большие (по сравнению с современными) территории и, в условиях особой солнечной активности, миф мог прийти в Булгарию посредством финно-угров. Вероятно, представление о северном сиянии как небесном сражении было широко известно в средневековой Восточной Европе, но сохранилось только у финно-угорских народов Скандинавии и Прибалтики.

А.Г. Юрченко первым подверг критике устоявшееся в науке мнение о явлении, описанном Ибн Фадланом, как о северном сиянии³⁴. Он обратил внимание на то, что в классических средневековых описаниях северного сияния отсутствует шум, который слышали представители посольства Ибн Фадла-

³² На отражение представления о северном сиянии – битве в западных хрониках обратил внимание Д.О. Святский (*Святский Д.О.* Астрономия Древней Руси. С. 262). В то же время, к сообщениям Д.О. Святского надо подходить с осторожностью, ведь судя по всему, как северное сияние он интерпретировал любую небесную битву.

³³ Правда, и в финно-угорской мифологии сполохи сопоставлены с загробным миром. После неудачного сватовства сына Солнца дочери Луны Солнце объявляет Луне войну, и на стороне последней выступает все ночные существа, включая северное сияние и загробный мир [*Анхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А.* К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. С. 168]. Солнце, как брачный соперник Найнаса и Луны выступает и в других вариантах брачного мифа (*Там же.* С. 169; Саамские сказки. С. 96). С умершими героями сопоставляется северное сияние эстонского эпоса. В мифологии родственных финно-уграм самодийцев-селькупов северное сияние – свет солнца покойников (*Зелинская Е.А.* Мифы тюркских народов Сибири о небесных светилах // Молодой ученый. 2011. № 4. Т. 2. С. 158).

³⁴ *Юрченко А.Г.* Книга катастроф. Чудеса мира в восточных космографиях. СПб., 2007. С. 63.

на. Пытаясь определить характер этого шума, исследователь отметил, что в реальности его могло и не быть. Запись Ибн Фадлана – всего лишь литературный сюжет, элемент фантастического описания далеких стран в стиле арабской литературы. Правда, в основе этих сюжетов, как признает и сам автор, лежало реальное наблюдение «оформленное в рамках той или иной мифологемы»³⁵. Сообщение Ибн Фадлана о небесной битве А.Г. Юрченко сопоставил с арабскими произведениями, в которых описывается шумная туча, вызванная шаманами тюркских народов перед битвой с арабами, которая несла с собой смертоносный град, но не обрушилась на мусульман, а по воле Аллаха пролилась на головы самих неверных³⁶. Это сообщение исследователь сопоставляет с верой тюркских народов в то, что до того как войска сойдутся на поле брани, происходит война между джинами враждующих земель, от исхода этой битвы зависит исход земной баталии³⁷. По мысли А.Г. Юрченко, болгары поведали Фадлану «самый важный миф» арабо-тюркских войн³⁸. А он интерпретировал это сообщение в виде сражения добрых и злых духов, аллегории земных войн воинов Аллаха с неверными.

Следует согласиться с исследователем, в том, что Ибн Фадлан интерпретировал сообщение в исламском стиле. Так же не вызывает сомнений то, что точно понять какое именно явление описывает тот или иной средневековый автор весьма сложно. Отдельный интерес представляет критика, осуществленная А.Г. Юрченко, попыток Д.О. Святского во всякой небесной битве видеть поэтизацию авроры. Однако, описание Ибн Фадлана не менее похоже на северное сияние, чем те сюжеты, которые А.Г. Юрченко приводил как указание на типичные северные сияния. Даже появление шума характерно для северных сияний (правда, слышен он крайне редко). Кроме того, исследователь, во многом искусственно объединяет представление о

³⁵ Там же. С. 64.

³⁶ Там же. С. 65–66.

³⁷ Там же. С. 67–68.

³⁸ Там же. С. 67.

вечной небесной битве и об участии духов в земных баталиях. Булгары, как уже было отмечено, не испугались явления (в то время как перед битвами тюрки опасаются выходить из шатров, чтобы не быть задетым враждующим джином). А сражений с неверными у булгар в то время, когда Ибн Фадлан наблюдал небесное явление, не намечалось. Фактически, перед нами миф о двух вечно сражающихся отрядах, знакомый скандинавской и финно-угорской мифологии, а также монотеистическим культам, интерпретировавшим эти битвы как аллегория войны добра и зла.

Таким образом, сообщение Ибн Фадлана о небесной битве имеет широкие паралели как в средневековой письменной, так и в фольклорной традициях народов Восточной Европы. Обстоятельства распространения данного мотива (как и само его содержание) до конца не ясны, и вряд ли могут быть выяснены (полного совпадения письменного сообщения и какого-либо мифа не выявлено ни в одной из предложенных интерпретаций). В то же время, сложность объяснения текста подтверждает гипотезу о синкретичном характере верований булгар. Находясь на стыке разных культур, болгарская цивилизация действительно претендовала на большую уникальность. К сожалению, ее развитие оказалось исторически коротким.

Н.А. Кутявин
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

НЕОЯЗЫЧЕСКИЙ МИФ О КНЯЗЕ СВЯТОСЛАВЕ

Статья посвящена исследованию формирования одного из исторических мифов, связанных с деятельностью славянских неоязычников – «родноверов», а именно «мифа о Святославе». Опираясь на нарративные источники, созданные идеологами данного движения, анализируется изменение взглядов на данную историческую личность, на роль князя в борьбе с Хазарским каганатом и Византией, его отношение к христианству, своему сыну Владимиру (будущему крестителю Руси) и матери, княгине Ольге. Проводится сравнение некоторых положений неоязыческой идеологии с данными исторической науки.

Ключевые слова: неоязычество, фольк-хистори, князь Святослав, национализм, политические идеологии, актуализация истории.

Актуализация истории в религиозном и политическом контексте – один из серьезнейших вызовов исторической науке в современном мире. Если история используется для отстаивания той или иной ангажированной точки зрения, то в результате часто образуется исторический миф, распространяющийся в массовом сознании. Из всех возможных значений термина «миф» в данном случае подразумеваются либо «относительно устойчивый стереотип массового обыденного сознания, обусловленный недостаточным уровнем информированности и достаточно высокой степенью доверчивости»¹, либо «пропагандистское и общественное клише, целенаправленно формирующее общественное сознание»². Исследованию одного из таких

¹ Козолупенко Д.П. Миф на гранях культуры. М., 2005. С. 3.

² Там же.

мифов посвящена данная статья. Речь пойдет о князе Святославе Игоревиче и его образе в мировоззрении современных неоязычников.

В историософии современных восточнославянских неоязычников фигура князя Святослава Игоревича – одна из ключевых. Это обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, это последний яркий языческий правитель древней Руси. Во-вторых, его имя неизбежно всплывает в связи с неоязыческим мифом о князе Владимире³. В таких случаях подчеркивается противоположность исторических судеб и религиозного выбора отца и сына. В-третьих, в глазах политически активной, националистически настроенной молодежи князь, описываемый в исторических источниках как могучий воитель, неизбежно становится примером для подражания. Неслучайно в конце книги Л.Р. Прозорова, одного из виднейших неоязыческих почитателей Святослава, упомянуто, что «крепкие славянские парни бреют наголо головы, словно дружинники Святослава... и называют голубоглазых сынишек в честь последнего полубога Руси»⁴.

Однако, как будет показано ниже, несмотря на свою значимость, фигура Святослава Игоревича не всегда воспринимается в неоязыческих кругах положительно. Обратившись к нарративам, попробуем проследить развитие представлений об этом князе.

Начать стоит с первого поколения новых славянских нативистов, возникшего в семидесятых годах прошлого века. Одним из его представителей был В.И. Скурлатов, физик по образованию, борец с «мировым сионизмом», один из первых апологетов поддельной «Велесовой книги» в СССР. Личность Святослава этот автор затронул в статье «О поле, поле...» опубликованной им в журнале «Техника – молодёжи» под псевдонимом Иван Саратов. В ней он рассматривает варианты происхождения названия города Харьков. Согласно одному из них, как он утверждает, название выводится из этнонима «хазары».

³ О нём см.: *Шиженский Р.В.* Неоязыческий миф о князе Владимире // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2009. № 6. С. 250–256.

⁴ *Прозоров Л.Р.* «Иду на вы!»: Подвиги Святослава. М., 2013. С. 502.

В связи с этим он и упоминает Святослава, как «подлинного освободителя подъярёмного хазарского люда» от «фальшиво-лицемерного ”царя”» и его «ростовщически-жадных сатрапов»⁵.

Другой апологет нового язычества А.М. Иванов (Скура-тов) упоминает в своём программном тексте 1978 г., что Святослав, «истинный герой», был лидером языческой «партии» в Киеве, которая противилась религиозным исканиям княгини Ольги. Он ставит сыну Игоря в заслугу «создание из России великой империи» без помощи христианства, уничтожение «разбойничьего иудео-хазарского царства», покорение многих народов и его военные удары по Византии⁶.

Из этого поколения авторов главную лепту в формирование неоязыческой историософии внес В.Н. Емельянов, написавший книгу «Десионизация» (впервые опубликованную в 1979 г. в Сирии по инициативе Хафеза Асада)⁷. Основными действующими силами в его картине мира являются идеология Сиона (мирового еврейства) и то, что он называет «арийской идеологией», центром которой, до 988 г., была Русь⁸. Однако князь Святослав упоминается в этой книге почти исключительно в контексте истории его связи с Малушей (которую Емельянов первым из неоязычников начал называть не рабыней, как считает большинство профессиональных историков, а дочерью раввина). Ссылку Малуши Ольгой в село Будутино он объясняет «идеологической несовместимостью». То есть предполагается, что смешение с евреями считалось у славян преступлением. Однако произошедшее, ставшее причиной рождения князя Владимира и, в определенном смысле, крещения Руси, этот автор не ставит в вину Святославу, хотя называет инцидент «мимо-

⁵ Саратов И. О поле, поле... // Техника – молодежи. 1977. № 8. С. 56.

⁶ Иванов (Скура-тов) А.М. Христианская чума: URL:<http://velesova-sloboda.vho.org/christ/plague.html>

⁷ Шнирельман В.А. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и её истоки М., 2012. С. 124.

⁸ Емельянов В.Н. Десионизация М., 2001. С. 3.

лётной связью по пьянке»⁹. Его отношение к младшему сыну он находит презрительным, что не может его не радовать, а далее приводит стихи И. Кобзева, содержащие хвалебные строки в адрес князя-язычника¹⁰.

В 1993 г. вышла книга В.Б. Авдеева «Преодоление христианства». О Святославе в ней не сказано почти ничего, однако она все-таки стоит упоминания. В ней этому князю впервые приписываются слова «вера христианска уродство есть»¹¹, ставшая одной из наиболее популярных частей мифа. На самом деле эти слова не принадлежат Святославу. Это цитата из «Повести временных лет», но там это слова автора, комментирующего отказ князя-язычника от предложений креститься: «...Ибо «для неверующих вера христианская юродство есть»; Ибо «не знают, не разумеют те, кто ходят во тьме», и не ведают славы Господней...»¹². Эти слова, в свою очередь, отсылают к цитате из новозаветного «Первого послания к коринфянам святого апостола Павла»: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» (1 Кор. 1:18).

Практически полностью заимствует идеи предыдущих авторов другой неоязыческий публицист, автор книги «Удар Русских Богов» В.А. Истархов. Он упоминает уничтожение Святославом Хазарского каганата, однако считает одним из его негативных последствий внедрение рассеявшихся хазарских евреев на Русь, куда их манило выгодное расположение Киева¹³. Представительницей такого рода переселенцев была, по мнению В.А. Истархова, ключница Ольги Малуша, которую он, в полном соответствии с теорией Емельянова, считает дочерью

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 7.

¹¹ Авдеев В.Б. Преодоление христианства (опыт адогматической проповеди): URL:http://bookz.ru/authors/avdeev-vladimir/preodole_648/1-preodole_648.html

¹² Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 1: URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869>

¹³ Истархов В.А. Удар Русских Богов. М., 2000. С. 140.

раввина. Он обвиняет ее в том, что она «...в один прекрасный момент отдыха подпоила и соблазнила князя Святослава и забеременела»¹⁴. «Внедрение своих кадров в высшие эшелоны власти и совращение властителей через еврейских женщин»¹⁵ В.А. Истархов называет любимыми методами внедрения евреев во властные структуры. Упоминается и неприязненное отношение Святослава к своему младшему сыну, причем текст здесь местами почти дословно цитирует Емельянова¹⁶. Дважды упоминается приписываемая князю фраза об «уродстве» христианства¹⁷. Зато Истархов впервые проводит параллель между сокрушителем Хазарии и Адольфом Гитлером, который, по его мнению, «поставил задачу повторить подвиг Святослава и раздавить старинное жидовское гнездо Итиль-Сталинград»¹⁸. Так же он включил князя Святослава в свой список «великих антисемитов», призванный показать, что среди людей, поддерживающих эту форму ксенофобских взглядов, всегда было много «гениальных и выдающихся» личностей¹⁹.

Особняком стоит впервые опубликованная в 2001 г. работа А.А. Широпаева «Тюрьма народа». Этот публицист смотрит на исторический процесс с точки зрения противостояния свободного языческого духа Европейской Руси и созданного не без участия иудеев «Евразийского проекта» закабаления русских в азиатском имперском государстве. Он пишет, что «...История изначальной Руси – это драматическая летопись борьбы окраинного европейского государства с Азией – будь то Византия или Хазария»²⁰. А.А. Широпаев считает благотворным влияние воспитателя Святослава норманна Асмуда, благодаря которому первый вырос воином, способным сокрушить каганат и избежать искушения принять вслед за матерью хри-

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 29, 140.

¹⁸ Там же. С. 167.

¹⁹ Там же. С. 38.

²⁰ Широпаев А.А. Тюрьма народа. М., 2001. С. 5.

стианскую веру. Вновь упоминается фраза об «уродстве» христианства, в этот раз, однако в сопровождении действительно в соответствии с «Повестью временных лет» принадлежавших Святославу слов о том, что «...дружина смеяться будет»²¹. Хазарию этот публицист называет прообразом «Евразийского союза», но только «с более расово однородным и элитным слоем»²². Вообще тема рас и расовой несовместимости занимает у него особое место, поэтому связь Святослава с Малушей, национальность которой этот автор с точностью не определяет, рассматривая два варианта её происхождения – хазарский и древлянский (а последних он тоже считает расово неполноценными), он называет вопиющим нарушением расово-кастовых норм²³. Далее он пишет: «Доблестный Святослав преступил древний закон и тем самым невольно наложил на Русь проклятие Евразийского Проекта – Проекта “Россия”, в основе которого, как мы видим, лежит преступление против Крови»²⁴. При этом, как считает А.А. Широпаев, если признать наиболее вероятной гипотезу о еврейском происхождении Малуши, то можно считать ее связь со Святославом и последующее рождение Владимира «...хитроумным реваншем религиознорасового антипода Руси, каковым, на ряду с Византией, являлся Каганат»²⁵. Так же этот автор цитирует мысль В.А. Истархова, о том, что Гитлер ассоциировал Сталинград с Итилем и хотел повторить подвиг Святослава.

Однако, из всех неоязыческих авторов, наиболее развернутый взгляд на биографию последнего видного языческого правителя Руси дал Л.Р. Прозоров, историк по образованию, иногда пишущий под псевдонимом «Озар Ворон». Его представления об истории Святослава Игоревича изложены в книге, впервые опубликованной в 2006 г. издательством «Белые Альвы» под названием «Святослав Хоробре: Иду на вы!». В после-

²¹ Там же.

²² Там же. С. 6.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 8.

дующих изданиях название немного менялось. Например, в цитируемом в данной статье девятом издании оно звучит как «“Иду на вы!”: Подвиги Святослава». Несмотря на название, книга посвящена не только Святославу – много внимания автор уделил описанию языческих верований славян, критике норманнской теории происхождения Руси, фактам из истории Византии, а также доказательству своего предположения о наличии у славян кастового деления. Последняя идея не раз подвергалась справедливой критике со стороны других историков. Как и А.А. Широпаев, он предполагает, что большое влияние на молодого князя оказывал его воспитатель Асмуд, которого он считает сыном Олега Вещего. И так же как многие из предыдущих авторов, Л.Р. Прозоров вписывает фигуру Святослава в событийный ряд глобального противостояния двух основных действующих цивилизационно-культурных сил – языческого Севера («бросавшего свирепые ватаги норманнов и вендов в набег, главной мишенью которых, особенно в первое время, были монастыри»²⁶) и «иудеохристианского» Юга. Он предполагает, что имевший скандинавские корни воспитатель, мог вложить в голову ученика идею тождественности скандинавского божества-трикстера Локи и Иисуса Христа²⁷, наступление почитателей которого предвещает скорое наступление Рагнарёка. Тем самым все действия Святослава оказываются мотивированными противостоянием двух цивилизаций. Например, перенесение столицы в Переяславец было необходимо, чтобы постоянно быть на линии столкновения враждующих сил²⁸. Происходивший процесс христианизации Европы автор обозначает словосочетанием «Drang nach Osten»²⁹, очевидно пытаясь, в отличие от В.А. Истархова, перенести негативные ассоциации с нацистской Германией с героя своей книги на его религиозных оппонентов.

²⁶ Прозоров Л.Р. Указ. соч. С. 176–177.

²⁷ Там же. С. 173–175.

²⁸ Там же. С. 385.

²⁹ Там же. С. 207.

Нельзя не отметить, что многое в своей книге Прозоров основывает исключительно на догадках. Выше уже был приведен один пример – никто не знает доподлинно, чему мог учить Асмуд Святослава. Точно так же сомнительно предположение о том, что ненависть к Византии возникла у юного Святослава, когда он побывал там в 957 г. вместе со свитой своей матери³⁰. В «Повести временных лет» об этом нет никаких упоминаний. Автор биографии Святослава в серии ЖЗЛ историк Александр Королёв пишет, что молодой князь дождался своей матери дома³¹, хотя и допускает, что «анепсием» (кровным родственником), упоминаемым в византийских источниках в составе свиты, мог быть Святослав³². Л.Р. Прозоров ссылается на те же источники. Но даже если это действительно правда и молодой сын Ольги сопровождал её в этой поездке, то абсолютно не обязательно, что путешествие оставило у юноши негативные впечатления. «Анепсий» получил при дворе императора самые большие подарки после княгини³³, он находился в городе, манившем купцов со всей Европы, городе, куда наемники из Скандинавии ехали в поисках славы. Этот город был крупнейшим в обозримой для Святослава ойкумене. Архитектура, которую он мог там увидеть, превосходила своей технологичностью и масштабами все, что он мог к тому времени увидеть в других городах. Вполне понятным было бы после этого его желание покорить Константинополь или военным путем потребовать с него богатую дань. Но Л.Р. Прозоров просто домысливает ощущения юного Святослава. Например: «Константинополь встретил русское посольство неласково... Пекло солнце, парили гнилые воды Суда, сточной ямы исполинского средневекового мегаполиса... Язычникам ароматы порта могли навевать мысли о сказочной Смородине – реке, отделявшей мир людей от владений Кощея... Можно представить себе глазающих на северных варваров ромеев – жгучую смесь обезьяньего любопытства

³⁰ Там же. С. 187.

³¹ Королёв А.С. Святослав. М., 2011. С. 82.

³² Там же. С. 90.

³³ Там же. С. 89.

ожной толпы и крысиной порочности столичной черни. И посреди жара, тяжелой душной вони, галдежа смуглых зевак – отрок Святослав...»³⁴. Определенно, Л.Р. Прозоров имеет талант к художественному литературному творчеству, перед читателем встает яркая картина прошлого и на этом фоне он может не заметить, что ему рассказывают не доподлинно известные факты, а абсолютно вольное размышление автора. И таких моментов, как этот, в книге чрезвычайно много. Например, заключение Святославом мирного договора после битвы под Аркадиополем он мотивирует тем, что в этой битве погиб не указанный ни в одном источнике старший сын князя, чей меч попал в руки ромеев. Последние подарили его обратно Святославу и за это тот согласился на договор³⁵. Эта гипотеза состоит из фантазий по поводу возможных субъективных факторов, повлиявших на решение князя. Объективные факторы, вроде боевых потерь, уходят при таком описании на второй план, несмотря на то, что в реальности они могли быть более важными, чем личная трагедия. А ведь не только мирный договор объясняет своей гипотезой Л.Р. Прозоров! Он предполагает, что после этого Святослав был психологически сломлен, что повлияло на исход всей военной кампании. Таким образом, под всем последующим после этого эпизода текстом лежит «фундамент» из предположений основанных на домысливании белых пятен истории.

Немаловажным является обозначение культуры ромеев как «азиатчины». То есть, как и в книге А.А. Широпаева, возникает мотив вedomого Святославом противостояния «истинных европейцев-язычников» интернациональной азиатской «орде». Основными врагами князя-язычника показаны Хазарский каганат, чей гнет над славянами Л.Р. Прозоров старается обрисовать как можно более красочно, и Византийская империя.

Л.Р. Прозоров создает образ настоящего героя, более того, полубога. Он прямо пишет, что именно таким образом к Святославу относились печенеги, а его отказ от продолжения наступления на ромеев после битвы при Аркадиополе, по его

³⁴ Прозоров Л.Р. Указ. соч. С. 199–200.

³⁵ Там же. С. 442–443.

мнению, вызвал падение авторитета князя в их глазах и их уход из его войска³⁶.

В заключение стоит добавить, что Л.Р. Прозоров высказывается в поддержку гипотезы В.Н. Емельянова о иудейском происхождении Малуши, матери третьего сына Святослава. Этого автора Л.Р. Прозоров называет гебраистом³⁷, хотя столь гордое слово скрывает за собой человека, производившего слово Палестина от русского «Опаленный Стан»³⁸. Но особенно странно, что в книге знакомого с летописями не понаслышке Л.Р. Прозорова нашлось место даже цитате о «уродстве» христианства, пускай и в завуалированном виде: «Христианство он презирал, считая за “уродство”»³⁹.

В 2009 г. вышла книга Г.А. Сидорова с претенциозным названием «Хронологическо-эзотерический анализ развития современной цивилизации». Этот публицист является представителем «ведического» направления в восточнославянском новом язычестве. Оно отличается от остальных, верой в наличие у древних славян неких священных текстов. Обычно в таких случаях идет речь о подделках вроде «Велесовой книги» или «Славяно-Арийских Вед». Что под «ведами» имеет ввиду сам Сидоров можно только гадать, но судя по всему именно их он имеет ввиду, когда упоминает «записки русских летописцев – ведунгов», написанные не для «масонской науки», а для «потомков». Когда необходимо, этот автор ссылается на этот «источник».

В упомянутой выше книге целая глава посвящена Святославу. Последнего языческого князя Г.А. Сидоров считает жертвой хитроумного плана иудеев и неких «надиудейских жрецов», стоящих над ними. Специально для реализации этого плана был создан Хазарский каганат – государство, где была иудейская верхушка, правившая славянским большинством (хотя на самом деле большинство там составляли тюрки-

³⁶ Там же. С. 438-439.

³⁷ Там же. С. 375.

³⁸ Емельянов В.Н. Указ. соч. С. 8.

³⁹ Прозоров Л.Р. Указ. соч. С. 168.

кочевники⁴⁰). Сидоров считает это прообразом будущего общества, «где иудеи придут к власти, а их рабами станут христиане»⁴¹. Правительство Хазарии заставляло славян переходить в христианство, поэтому, когда это государство пало под натиском Святослава, его жители-славяне пришли на Русь, став там «непримиримой пятой колонной»⁴². Именно действия этой «пятой колонны», по мнению Сидорова, заставили Святослава прекратить войну с Византией и повернуть домой, где возглавивший христианскую партию Ярополк захватил власть⁴³. По пути обратно Святослав был убит не печенегами, а предателями-христианами из числа дружины⁴⁴. Этот автор все время пытается показать, что Святослав был разумным и стратегически мыслящим правителем, но событийный ряд, каким его показывает Сидоров, входит с этим в очевидное противоречие. Особый интерес вызывает написание этим автором слова «запад» с большой буквы. Под «Западом» здесь подразумевается христианская Европа, которой противостоял Святослав, но термин явно призван заставить читателя проводить параллели с современностью.

В последнее время почитание князя Святослава начало вызывать отторжение у некоторых религиозных организаций, в частности Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры и Круга Языческой Традиции. В 2015 г. двое видных представителей этих организаций (Вадим Казаков и Дмитрий «Иггельд» Гаврилов) написали статью «О князе Святославе. Развенчание современного мифотворчества». Во-первых, они выступили против празднования «дня Святослава», так как на их взгляд нельзя просто так поминать князя, умершего не своей

⁴⁰ Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 11.

⁴¹ Сидоров Г.А. Хронологическо-эзотерический анализ развития современной цивилизации. М., 2009. Кн. 1. С. 57.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 67.

⁴⁴ Там же. С. 68.

смертью и не похороненого по славянскому обычаю. Душа такого заложного покойника остается неуспокоенной⁴⁵.

Во-вторых, Святослав, воюя в чужой земле погубил себя и рисковал погубить родной город – Киев, когда его осадили печенеги. Исходя из теории архимандрита Леонида (Кавелина) они называют Святослава потомком болгарских князей по матери, рвавшимся вернуть родные для себя земли (отсюда тяга к переезду в Переяславец) и забывшем о землях отца⁴⁶. Ссылаясь на упоминаемую В.Н. Татищевым Иоакимовскую летопись, они так же обвиняют князя в убийстве своего брата – Глеба. Эти двое авторов относят себя к потомкам «вятичей и кривичей, новгородских словен, ильменской да балтской руси», которым чужд «архетип южного воина-полутюрка»⁴⁷. Среди прочего они ставят в вину Святославу, что он обложил данью вятичей после разгрома Хазарского каганата. Именно поэтому их возмутила установка памятника Святославу в Серпухове.

Вполне вероятно, что эта статья является следствием произошедшего раскола в мире восточнославянского неоязычества, связанного с войной на юго-востоке Украины. Позицию Казакова и Гаврилова нетрудно угадать благодаря следующим словам: «Пока культ Святослава был слабо выражен, с ним ещё можно было мириться. Но в первые же годы XXI века его культ перешагнул все мыслимые пределы. Вслед за ‘древними украини’, наши доморощенные ‘древние русы’ стали выбривать себе волосы на тюркский манер, оставляя айдар на бритой башке, носить на славянских праздниках широченные тюркские шаровары»⁴⁸.

Вполне справедливо Казаков и Гаврилов отмечают, что наделять конфликт Святослава с хазарами религиозно-идеологическим подтекстом нет никаких оснований, так как из

⁴⁵ Гаврилов Д.А., Казаков В.С. О князе Святославе. Развенчание современного мифотворчества: URL: <http://www.triglav.ru/forum/index.php?act=attach&type=post&id=219>

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

исторических источников это не следует: «Святослав вряд ли что-то знал об “авраамической системе”, о чем можно судить по тому убогому представлению с “выбором веры”, которое, согласно летописи, устроил его сын Владимир»⁴⁹.

Осталось проследить, как те или иные части мифа переходили от одного автора к другому. Тема еврейского заговора, связанного с Малушей и ее сыном, встречается у В.Н. Емельянова, В.А. Истархова, А.А. Широпаева, частично у Л.Р. Прозорова. Упоминание о якобы принадлежавших Святославу словах об «уродстве» христианства мы находим у В.Б. Авдеева, В.А. Истархова, А.А. Широпаева, в завуалированной форме – у Л.Р. Прозорова. Тезис о противостоянии языческой Европы «азиатчине»: А.А. Широпаев, Л.Р. Прозоров. Тезис о противостоянии языческой Руси во главе со Святославом «иудейской Хазарии» мы находим у всех авторов, кроме В.Б. Авдеева, Д.А. Гаврилова и В.С. Казакова. Тезис о противостоянии языческого мира во главе со Святославом наступлению христианства – у А.М. Иванова (Скуратова), А.А. Широпаева, Л.Р. Прозорова, Г.А. Сидорова.

Что же объединяет все эти идеи? Во-первых, это очень четкое деление мира на две части. Во многих авторских концепциях Русь X в. превращается в одного из игроков биполярной системы международных отношений, где с одной стороны – языческий мир во главе со славянами, а с другой – мир авраамических религий, мир «иудеохристианский». И в таком мире Святослав становится последним защитником увядающего языческого мира. Во-вторых, конфликт дополняется не только религиозным, но и расовым противостоянием. В-третьих, очень часто встречается мотив заговора – заговора хазарских иудеев против Руси, заговора славян-христиан против Святослава.

Какими чертами оказывается наделен Святослав? Почти все авторы отдают ему должное, как великому воину. Почти все считают его ревнителем языческой религии, с презрением относящимся к христианству. Но видны и его недостатки, такие как

⁴⁹ Там же.

его связь с Малушей, произошедшая, по мнению многих из авторов, в нарушение принципов «расовой чистоты».

Подводя итоги, нельзя не заметить, что практически все составляющие «мифа о Святославе» отсылают нас к современной действительности неоязыческого движения. Биологический и культурный расизм, мышление людей постбиополярной эпохи, тематика мирового заговора евреев, ущемление новых религиозных движений со стороны христианства, формирование Евразийского союза. Даже критический анализ мифологизированного образа Святослава внутри нового языческого движения мотивирован, к сожалению, не необходимостью установления исторической истины, а идеологическим расхождением В.С. Казакова и Д.А. Гаврилова с другими неоязычниками. На примере «мифа о Святославе» мы видим, как понятия современной действительности переносятся на Древнюю Русь, а затем преобразованный образ прошлого становится аргументом в современной политической и религиозной борьбе.

М.В. Корепанова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ИЗМЕНЕНИЕ СУДЕБНЫХ ФУНКЦИЙ НАМЕСТНИКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ XIV – СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА

Статья посвящена проблеме законодательного регулирования деятельности наместников периода возвышения Москвы и становления Русского централизованного государства. Анализируются Двинская (1397 г.) и Белозерская (1488 г.) уставные грамоты, Судебники 1497 и 1550 гг. Показаны преемственность и эволюция правового положения наместников на каждом этапе рассматриваемого исторического периода.

Ключевые слова: наместники, законодательные акты, Белозерская и Двинская уставные грамоты, Судебники 1497 и 1550 гг.

Функции наместников изменялись и эволюционировали вместе с усовершенствованием государственного устройства средневековой Руси. Изначально привилегии наместников регулировались уставными грамотами, до нас дошли только две грамоты: Двинская 1397 г. и Белозерская 1488 г.¹ Положения этих грамот были обобщены в судебнике Ивана III, а затем развиты в Судебнике Ивана Грозного. Данные документы легли в основу анализа настоящей работы.

Рассмотрим Двинскую уставную грамоту. Эта грамота дана Двинской области Великим князем Василием Дмитриевичем в 1397 г. В этом году Двинская земля отделилась от Новго-

¹ *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 164–165.

рода и признала власть Москвы. Так как по присоединении двинян к Москве и суд у них должен был быть московский, то они вошли в сношение с московским князем, прося его дать им такой устав, который бы служил для них руководством в судебных делах; результатом этой просьбы и явилась настоящая грамота².

Из первой статьи Двинской грамоты исходит, что рассмотрение уголовных преступлений, в частности убийств, подвластно ведомству княжеского наместника. При этом поимкой преступника должна заниматься община: «Оже учинится вира, где кого утепуг, ине душегубца изыщут; а не найдут душегубца, ине дадут наместником десять рублей»³.

В средневековой Руси практика пиров была широко распространена и не мудрено, что ссоры, драки и прочие столкновения случались там нередко, именно этому посвящена одна из статей Двинской грамоты: «А учинится бои в пиру, а возмут прощение, не выида ис пиру, и наместником и дворяном не взяти ничего; а вышед ис пиру возмут прощение, ине наместником дадут по кунице шерстью»⁴. Таким образом, видим, что если конфликт возник во время пира и там же разрешился, наместник и дворяне не имели право вмешиваться, если же конфликт не был исчерпан, то спорщики были подсудны наместнику, который за разбирательство получал строго фиксированную плату – шкуру куницы.

Также в Двинской грамоте подробно описан порядок судопроизводства: истец для удовлетворения в своем иске должен обратиться к наместнику, чтобы последний рассудил его с ответчиком. По данной просьбе наместник вызывал ответчика к суду через двух лиц. Слуги наместника должны были привести ответчика в суд, также оговариваются случаи, если ответчик не

² *Беляев И.Д.* Лекции по истории русского законодательства лекции. М., 1879. С. 340.

³ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 181.

⁴ *Там же.*

мог сразу явиться в суд. В случае же неявки ответчика, наместник без суда оправдывал истца, а ответчик считался виновным: «... от печати наместником по три белки...»⁵. Также эти данные сообщают о различных мелких пошлинах, например выплата наместнику пол рубля с виновного, а также особая пошлина за печать наместника равная «трем белкам».

Достаточно интересной представляется следующая статья: «А приставом моим, великого князя, в Двинскую землю не въезди, всему оуправу чинят мои наместници»⁶. Таки образом, видим, что власть наместника практически не ограничена, и не подконтрольна великокняжеским приставам. Это может быть объяснено тем, что Двинская земля только-только признала власть Москвы, поэтому центральная власть идет на различного рода уступки, предоставляя двинянам широкие права в самоуправлении. Доказательством этого может служить и факт избрания наместников из числа местной служилой знати, что, по мнению И.Д. Беляева, свидетельствует о широких привилегиях Двинской земли⁷.

Особый интерес представляет статья 13, положения которой впоследствии найдут отражение и в Белозерской грамоте, и в Судебнике 1497 г. Эта статья официально закрепляет право местного населения на защиту со стороны центральной власти от произвола наместничьего судопроизводства: «А над кем учинят продажу силно, а ударят ми на них челом, и мне, князю великому, велети наместнику стати перед собою на срок; а не станет, ино на того грамота безсудная и пристав мои доправит»⁸.

Таким образом, в Двинской уставной грамоте зафиксированы преступления подсудные наместнику и процесс судопроизводства, конкретизированы полагающиеся ему пошлины и различные выплаты.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 182.

⁷ Беляев И.Д. Указ. соч. С. 340.

⁸ Российское законодательство X–XX веков... С. 182.

Объединение Руси требовало отражения в законодательстве преимуществ центральной власти над местной. Эта тенденция была задана в Двинской грамоте и получила свое развитие в Белозерской уставной грамоте 1488 г. Новизна данной грамоты заключается в том, что она четко фиксирует размеры и время сбора корма наместникам: «А на Рождество Христова наместником нашим дадут корм со всех сох... с сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлебов десять денег, за бочку овса десять денег»⁹.

Статья 19 сообщает, что при рассмотрении дел наместником или тиуном должны присутствовать «добрые люди», которые бы контролировали деятельность наместника. В дальнейшем данная практика закрепилась в 38 статье Судебника 1497 г. «А наместником нашим и их тиуном без сотцкого и без добрых людей не судити суд»¹⁰.

Интересна статья 20, по которой наместникам и его подчиненным запрещено приходить на местные пиры без приглашения. Мне кажется, что эта статья свидетельствует о понижении социальной и политической роли наместника; если еще по Двинской грамоте наместник только ограничивался в праве суда на пирах, то теперь он вообще лишен возможности присутствовать на них без приглашения.

Заключительная 23 статья данной грамоты повторяет положения статьи 13 Двинской грамоты; она также предусматривает защиту местного населения от произвола наместника и гарантирует им защиту центральной власти.

Поскольку нам не известны другие уставные грамоты, сложно судить об их существовании и отличии друг от друга. Также вероятно, что деятельность наместника регулировалась нормами обычного права.

На протяжении длительного периода наместники были практически не ограничены в своих полномочиях, что порождало конфликты между представителем великокняжеской власти и местным населением. Самым ярким примером может по-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 195.

служить бесчинство Ивана Владимировича Лыко Оболенского в Великих Луках, который был судим Великим князем за разбой и слишком большие поборы с населения и отстранен от должности в 1479 году.¹¹ По мнению Ю.Г. Алексеева, суд над Лыко-Оболенским был первым судом над княжеским наместником. Иван III встал на сторону обиженных великолучан и наказал наместника. В сложившейся ситуации исследователь увидел столкновение нового государственного правопорядка со старой удельной традицией: наместник должен нести ответственность за свою деятельность, а власть великого князя должна распространиться по всей территории Руси¹².

Для того, чтобы центральная власть обрела реальную силу был создан единый русский Судебник, который объединил в себе нормы предшествующих документов и распространил свое влияние на всю территорию Русского государства.

Рассмотрим некоторые статьи данного Судебника.

Статья 38, повествует о том, что судебное разбирательство не может начаться без присутствия людей, которые бы контролировали деятельность наместника: «А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, имуть судити, а на суде у них быти дворяскому, и старосте и лутчимь людем. А без дворяского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити...»¹³. Подчеркнем, что положение данной статьи восходит к статье 19 Белозерской уставной грамоты; видим, что сохраняется контроль со стороны местного населения за деятельностью наместника.

Статья 45, посвященная механизму обжалования действий должностных лиц наместничьего управления, дополняет

¹¹ Полное собрание русских летописей. Т. 6: Софийские летописи. СПб., 1853. С. 222.

¹¹ *Алексеев Ю.Г.* Государь всяя Руси: URL: http://royallib.com/book/alekseev_yuriy/gosudar_vseya_rusi.html Режим доступа: 11.09.15.

¹² *Там же.*

¹³ Российское законодательство X–XX веков... С. 59.

и развивает 13 статью Двинской грамоты и 26 статью Белозерской грамоты. Ее новизна заключается в том, что отвечать за судебный произвол должен был не только наместник, но и его подчиненные¹⁴.

Судебник 1550 г. был последним законодательным актом, который регулировал деятельность наместников. Этот документ во многом заимствовал нормы Судебника 1497 г., но все статьи уточнялись и дополнялись. Царский Судебник более подробно расписывает функции подчиненных наместника, конкретизирует размеры пошлин и выплат.

Судебник 1550 г. конкретизирует понятие ответственности, которое введено Судебником 1497 года. Как свидетельствует статья 22, наместники несли ответственность за деятельность своих подчиненных – тиунов, праветчиков, доводчиков: «А которые люди учнут искати на наместникех или на волостелех и на их людех по жалобницам, и оне не за всех учнут отвечать, а исцы учнут искати на наместникех или на волостелех и на их людех всего своего иску по жалобнице и без тех. за которых людей не отвечают, и по тем их жалобницам судити во всем иску по жалобнице без тех людей, за которых не отвечают»¹⁵. По-мнению О.И. Чистякова, эта норма имела своей целью ограничение произвола кормленщиков, была начальным этапом по пути, упразднения наместничьего управления¹⁶.

Статья 23 предусматривает наказание для наместников в случае отказа нести ответственность за произвол своих подчиненных: «А которых людей исцы учнут примешивати к наместничим людям или к волостелиным людям городских людей или волостных, а наместничии или волостелинины люди за тех городцких людей или за волостных отвечать не похотят, и наместничих и волостелиных людей судити в их вытах, а на тех городцких или на волостных людей в их вытах давати пристава; а до наместничих и до волостелиных людей в тех вытах дела нет»¹⁷.

¹⁴ Там же. С. 60.

¹⁵ Там же. С. 100.

¹⁶ Там же. С. 136.

¹⁷ Там же. С. 100–101.

Статья 62 развивает нормы 38 статьи Белозерской уставной грамоты: «А боаром и детем боарьским судити, за которыми кормления з боарьским судом; а на суде у них и у их тиунов быти, где дворской – к дворскому, старосте, и лутчим людем и целовалником»¹⁸. Здесь мы тоже находим упоминание о «лучших людях», но к ним добавляются еще и целовальники.

Так же в статье 62 вводится протоколирование, с целью оградить местное население от возможных злоупотреблений со стороны наместников и их людей. Протокол судебного заседания пишется земским дьяком, удостоверяется лучшими людьми, старостой и целовальниками и хранится у наместника – «спору ддя». Копия этого протокола, переписанная дьяком слово в слово и скрепленная его печатью, дается лучшим людям¹⁹.

Подведя итог, скажем, что законодательные акты отражали изменение судебных и административных функций наместников в соответствии с изменением государственных порядков. Содержание наместничьих грамот во многом схоже: в них определяется корм наместника, судебные пошлины и уголовные штрафы наместнику, пошлины за вызов в суд.

Белозерская грамота во многом дополняет и совершенствует статьи Двинской грамоты. Например, в Двинской грамоте управленческий аппарат наместника не четко прописан, а в Белозерской четко установлен: два тиуна и десять доводчиков. Также Белозерская грамота фиксирует размеры пошлин и вы плат наместнику, подобных норм не было в Двинской грамоте. Белозерская грамота привносит и дотоле неизвестные положения. Примером может послужить статья 19, которая сообщает, что при рассмотрении дел наместником или тиуном должны присутствовать «добрые люди», которые бы контролировали деятельность наместника. Именно на базе этих уставных грамот выработался общий законодательный акт – Судебник 1497 г. По-мнению М.Ф. Владимирского, уставные грамоты местного управления, не только основной, но почти единственный источник первой и второй части великокняжеского Судебника, с

¹⁸ Там же. С. 108–109.

¹⁹ Там же.

той разницей, что относительно суда центрального заимствуется содержание уставных грамот в выдержках, а относительно провинциального переписывается почти буквально²⁰.

Совершенно по-новому к функциям наместника относится Судебник 1550 г. Он уточняет и закрепляет понятие ответственности наместника за своих подчиненных, более того, определяет ответственность наместника за вынесенный приговор. Судебник 1550 г. дополняет и развивает нормы предшествующих документов. Он предусматривает, что контроль над деятельностью наместников на заседании, осуществляется «лучшими людьми» и целовальниками. Контроль, по нормам нового судебника, усиливается требованием ведения протокола судебного заседания. Также, в русле процессов централизации, вводится единый размер оплаты деятельности наместников на всей территории государства.

²⁰ *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории Русского права. М., 2005. С. 260.

*Д.Р. Сентякова (Шакурова)
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т*

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА АВТОРА «КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ»

В статье предпринимается попытка реконструировать место Русской земли в этнополитической картине мира автора «Казанской истории». Уделяется особое внимание факту пребывания автора произведения в плену в Казани и принятия им же ислама, прослеживается, как данные события повлияли на восприятие им родины. Оценивается степень приближенности автора к «своим», т. е. русскому православному народу. На основе пространственно-географических сюжетов, встречаемых в тексте источника, анализируются территориальные представления людей XVI в. Объясняется акцентирование внимания автора на отдельных русских городах – Москве, Владимире, Новгороде. Делается вывод о том, что автор «Казанской истории» проводил идею о единстве Русской земли и обосновывал исторические предпосылки присоединения Казанского ханства к России.

Ключевые слова: Казанская история, Казанский летописец, Казань, Русская земля, ислам, православие, Москва, Владимир, Новгород.

«Казанская история» (далее – КИ) – уникальный для своего времени литературный памятник. Своеобразие проявляется, в первую очередь, в его авторстве: книжник был жителем Руси, но попал в плен к казанскому хану и долго время жил при его дворе в Казани, где и принял ислам. После взятия Казанского ханства русскими войсками автор возвратился на родину и вновь обратился в православие. Всё это поспособствовало тому, что, с одной стороны, автор отлично ориентировался в исторической ситуации России того времени. С другой же, живя в Казани, он познал быт, нравы, обычаи казанцев и их правителей,

знал их как положительные, так и отрицательные стороны. В его сознании ярко закрепились два образа, которые и отразились в КИ: 1) образ Русской земли и русского народа; 2) образ Казанского ханства и народов его населяющих.

Автор «Казанского летописца» довольно часто прибегает к географическому и политическому описанию тех или иных земель. Естественно, чаще он останавливается на Русской земле и Казанском царстве. Это внимание объясняется не только рассматриваемой темой, но и личным опытом автора, жизнь которого оказалась тесно связанной и с Русской, и с Казанской землёй. Не забывает он и о других землях, вошедших в XVI в. в состав единого Русского государства. При этом, очень важную роль здесь играли географические представления о границах Руси как древних, так и «новых».

Естественно, что для книжника на верхушке этнополитической иерархии, которую он выстраивает в своей истории, стоит Русская земля и русский народ, населяющий её. Несмотря на время, проведенное на территории Казани и принятия в этот период ислама, автор по-прежнему причисляет себя к русским, *радуется и дивится славным делам*, которые были совершены во времена правления Ивана Грозного «...в нашей земле и в наши дни...»¹. Уже во вводной части своего повествования он в описании Ивана Васильевича именует Россию *великой*: «...всеа великия Росии...»².

Начинает своё повествование автор с рассказа о Казанском царстве, предваряя его описанием территории Русской земли. Описывает он её со слов *русских людей и варваров* такими словами: «Бысть убо из начала Руския земли... *все то едина Руская земля*, идѣже стоит нынѣ град Казань, продолжающися в длину до онога Нова града Нижнего на востокъ, по объма странама великия реки Волги, вниз до Болгарскихъ рубежов, до Камы рѣки, в ширину же простирающеса на полунощие до Вяцкие земли и до Пермския, а на полудень – до половецкихъ

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 19: История о Казанском царстве (Казанский летописец). М., 2000. Стб. 1.

² Там же. Стб. 1.

предѣл. Все же бѣ держава и область Киевская и Владимирская»³. Автор рассказывает нам о границах Руси и делает акцент, что ранее территория, на которой находится Казань, принадлежала Руси. Таким образом, он исторически обосновывает, почему Казанское ханство должно было быть покорено русскими и войти в состав Российского государства.

Далее книжник еще раз делает акцент на единстве Русской земли, совершая экскурс во времена Ивана III и описывая присоединение Новгорода к Москве. По его словам, в древние времена было *единое царство* и *единое государство*, *единая Русская держава*, которая состояла из полян, древлян, новгородцев, полочан, вольнян и Подолья. Все они служили великому князю, повиновались ему и платили дань⁴.

Высоко оценивает автор Москву, ведь к тому времени она уже стала центром воссоединения всех русских земель и присоединения к ней новых. Книжник наделяет город эпитетами *стольной* и *преславный*. Москва для него – *второй Киев*, столица России. При этом автор прибегает и к религиозно-политической концепции Филофея, в соответствии с которой Москва – *третий новый великий Рим*, тем самым отмечая внешнеполитическое и религиозное значение города. Параллели Москвы с Киевом, а так же с Римом имеют непосредственно и политический, и сакральный смысл.

Помимо этого, Москва сравнивается с *солнцем* (она *красуется и просветляется церквями*) и *небом* (которое *красуется и светится пестрыми звездами и украшено православием*)⁵. Солнце в славянской семантике – источник тепла и жизни; считается, что оно является глазом Божьим. Солнечный свет отождествляется с благом: где солнце светит, туда Бог смотрит⁶. Небо же, в представлении славян, является «верхним миром», сотворенным Богом и отождествляемым с ним как высшая религиозная цен-

³ Там же. Стб. 2–3.

⁴ Там же. Стб. 5.

⁵ Там же. Стб. 9.

⁶ Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5т. Т. 5: С-Я. М., 2012. С. 101–104.

ность. Оно наделяется божественной чистотой и сакральностью⁷. Таким образом, Москва в образах солнца и неба наделяется положительными характеристиками. Сравнение с природными объектами неразрывно связывается с объектами божественного характера, что вновь показывает важную религиозную функцию этого города.

Упоминаются в произведении, помимо Новгорода и Москвы, и другие русские города. Особое место отводится Владимиру, граду *стольному* и *славному*⁸: «И прииде с Коломны в славный град Владимир, и препочи в немь неделю едину, по церквам Богу моляся и милостыню нищим дая. Из Володимеря же в Муромъ град прииде и стояшевь немь десять дней, собираяся по малу с воинством, ожидая царя Шихалъя»⁹. Заметим, что Муром автор не наделяет никаким положительным эпитетом, в то время как Владимир для него – *славный*. Это связано с тем, что в период ордынского ига ханы давали ярлык на великое княжение Владимирское, именно туда была перенесена митрополичья кафедра и, в целом же, если Владимир и не являлся столицей Руси, то, во всяком случае, в сравнении с затухающим Киевом роль его была намного выше в политической иерархии городов того периода.

Все свое повествование автор ведет через призму христианской веры, это видно не только при его использовании концепции «Москва – третий Рим», но и в целом в описании Русской земли. Она еще с древних времен *просветилась благодатью Святого Духа*, а с присоединением Казани и её перевела на светлую сторону¹⁰. Книжник находит объяснение некоторым бедам Русской земли в словах Ярослава Владимировича, князя Переяславского, согласно которым Бог посылает беды и несчастья ради спасения, тем самым за грехи призывает к покаянию¹¹.

⁷ Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3: К-П. М., 2004. С. 376–380.

⁸ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 4.

⁹ Там же. Стб. 112.

¹⁰ Там же. Стб. 171.

¹¹ Там же. Стб. 9.

После Батыевого нашествия Русская земля, по мнению автора КИ, пришла в упадок, *осиротела и обнищала, была отнята у нее честь и слава*: «...и предана бысть, яко Иерусалимъ в наказание Навходоносору, царю вавилонскому, яко да тѣм смирится»¹²; т. е. Русская земля, так же, как и Иерусалим была пленена за свои грехи. Поэтому автор с вдохновением пишет и о свержении ордынского ига как об освобождении от грехов русского народа. При описании этого события книжник использует сравнение: «И тогда великая наша Руская земля освободится от ярма и покорения бусурманскаго, и начать обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прелагаться»¹³. В славянской семантике зима – время года, когда природа «умирает» или «засыпает», а земля «заболевает» и «отдыхает» до наступления весны¹⁴, следовательно, Русь в период ига затухала, бздействовала. Весенний же период у славян связан, помимо всего прочего, с ритуалами очищения земли, в т. ч. и с избавлением от хтонических существ¹⁵. Неслучайно автор КИ зачастую представляет монголо-татар и казанцев именно в образе хтонических существ (например, в образе змей)¹⁶, следовательно, Русская земля очищается от них после свержения ига.

Таким образом, Казанский летописец явно показывает Русскую землю и отдельные ее города с положительной стороны, наделяя ее красноречивыми эпитетами и особо выделяя ее веру, православие. Это прослеживается, как и в отдельных отрывках, так и в моментах, связанных с описанием Батыева нашествия.

В КИ достаточно часто упоминаются естественные географические объекты, например, реки: «Кама бо великая рѣка, обходит три земли вкруг: Пермскую землю и Вятскую, и всю Казанскую, – и устием в Волгу падеть ниже Казани за 60 версть»¹⁷. Река в славянской семантике осмысливается как граница,

¹² Там же. Стб. 5.

¹³ Там же. Стб. 8.

¹⁴ Славянские древности... Т. 3. С. 327.

¹⁵ Там же. С. 350.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 41.

¹⁷ Там же. Стб. 104–105.

разделяющая природное пространство на «свое» и «чужое»¹⁸. Таким образом, автор говорит о том, что и Пермская, и Вятская, и Казанская земли принадлежат Российскому государству, т. к. «великая Кама» огибает их, отделяя от «чужих» территорий.

Другая река, упоминаемая в КИ, – Волга: «И Волга явися поганымъ челоуѣкомъ златоструйный Тигръ, не трудное богатство из себе издающи: злато и жемчюг, и камене драгое»¹⁹. В данном случае речь идет о реке Тигр, которая, согласно Библии, орошала рай в противовес Волге, которая помогала врагам.

Особая роль приписывается автором реке Угре, на которой произошло стояние в 1480 г., в результате которого с ордынским игом на Руси было покончено. Эта река, по его словам, обходит многие места России, лежащие на пути у варваров, и служит *поясом пречистой Боговорицы, твердыней, которая очищает и защищает Русские земли*²⁰. Таким образом, понимается роль природы и географического фактора в исторической судьбе страны.

Сюжеты описания земель, не так часто встречаемые в КИ, показывают, что её автор хорошо ориентировался в границах Русского государства на разных исторических этапах развития, имел некоторые представления об иерархии русских городов. Заостряя внимание на единстве Русского государства, автор исторически логично обосновывает, почему территория Казанского ханства должна была войти в состав России.

¹⁸ Славянские древности... Т. 3. С. 417.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 35.

²⁰ Там же. Стб. 7.

ПЛЕНАРНО-СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

В.Г. Циватый

г. Киев (Украина)

Дипломатическая академия Украины при МИД Украины

**СИМВОЛЫ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ ВЛАСТИ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ И ДИПЛОМАТИИ
ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
ПОЛИТИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

В статье анализируется внешняя политика и дипломатия европейских государств Средневековья и раннего Нового времени (XVI–XVIII веков). Особое внимание уделяется институциональному развитию общественно-политической мысли и институционально-дипломатической практике в Европе. Определены направления развития теории и практики внешней политики и дипломатии в Европе периода Средневековья и раннего Нового времени (XVI–XVIII веков) и особенности их формирования, трансформации и становления в контексте институционализации концепта «власть». Особое внимание уделяется символам власти, культурным кодам и социокультурным образам власти в контексте институционального развития государства и процессов рецепции институтов власти. Определены направления развития института власти в исследуемую эпоху как приобретение европейского историко-культурного наследия.

Ключевые слова: власть, символы власти, образы власти, внешняя политика, дипломатия, институционализация, Европа, Средние века, раннее Новое время (XVI–XVIII вв.).

Одно из центральных мест в теории, истории и практике дипломатии Средневековья и раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) занимают проблемы понимания сущности, функций и методов реализации государственной власти в сфере внешних сношений, моделей дипломатии и институтов дипломатии, пе-

реговорного процесса и дипломатической практики. В этот период происходит становление и развитие категории «государь» как важнейшего политико-правового и политико-дипломатического концепта средневекового европейского общественного правосознания. Процесс образования институтов дипломатии – институционализация – подразумевает замену спонтанного и экспериментального поведения в сфере межгосударственных отношений на поведение регулируемое, ожидаемое, предсказуемое.

Востребованной темой современных гуманитарных исследований является тема репрезентация власти, в контексте которой исследуются и анализируются взаимоотношения и институциональные взаимосвязи политической, дипломатической и социокультурной сфер деятельности человека в социуме западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени через символическую деятельность, символические практики и культурные коды.

Понятие практик (политико-институциональных, дипломатических, церемониальных и т. д.) представляет собой особый ракурс анализа человеческой активности. Войдя в научный оборот сравнительно недавно, понятие практик и целый ряд близких ему понятий активно используются учёными в гуманитаристике. Практики осуществляются с использованием особых «инструментов» (особого или специального инструментария, например – дипломатического инструментария). В процессе своей профессиональной деятельности человек (например, дипломат), использует различные инструменты и подручные средства для достижения своих политико-дипломатических целей. В подручном мире вещи, атрибуты, знаки, символы, фразы повседневного языка выступают как инструменты, а человек – как умелый пользователь, обладающий соответствующим знанием или навыками, без которых ни один вид практической деятельности не был бы возможен¹.

Анализ практик даёт возможность исследователю понять образный, метафорический, интеллектуальный и, конечно,

¹ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб., 2008. С. 72.

телесный, поведенческий, предметный инструментарий исторической эпохи или современности. Практики составляют условие любой целенаправленной деятельности и институционализируют, конституируют и воспроизводят идентичности или «раскрывают основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории»².

Исследование политико-институциональных, дипломатических и церемониальных практик предполагает наличие процедуры описания, поскольку вне конкретной реальности поступков, слов, атрибутов и вещей, анализ практик невозможен.

Формы власти в политике, культуре и обществе многообразны, от прямого принуждения и насилия до внешнего свободного выбора в различных жизненных ситуациях, в основе которого лежат скрытые властные стратегии манипулирования. Власть является частью культурно-духовных структур общественного целого и, соответственно, детерминирована исторически и связана с различными видами практик той или иной эпохи. Власть нельзя рассматривать вне контекста её практик. А отношение к власти формируется во многом на основе её репрезентаций, которые рассеяны по всему культурному пространству и представляют собой социокультурные образы власти, символы власти и культурные коды.

Социокультурные образы власти формируют в сознании западноевропейского средневекового общества символический подход к определению социокультурной среды и политико-дипломатических сообществ, возникающих на базе политико-дипломатической деятельности, через разделяемые в их рамках культурные коды и ценности. В качестве основы символической системы, общей для многочисленных и различающихся по идеологии сообществ, рассматривается власть.

² *Блохина Е.А.* Символическая деятельность и символические практики: концептуальный аппарат изучения репрезентации власти // *Современные научные исследования и инновации.* 2011. № 4; *Волков В.В., Хархордин О.В.* Указ. соч. С. 22.

Деятельность и занятие политикой и дипломатией формируют соответствующую социокультурную среду и позволяют оценить на основе наблюдений повседневные практики конкретного политико-дипломатического сообщества.

Политико-дипломатическая среда или сообщество существуют постольку, поскольку разделяют общий культурный код, обеспечивающий возможность взаимодействия. Основа «политико-дипломатического кода», центральный символ и разделяемая ценность в политической сфере – власть. Это и следует считать главным консолидирующим символом «политического класса»: сообщества в сфере политики и дипломатии консолидируются вокруг деятельности по удержанию/осуществлению власти или борьбы за власть.

Идеологическое построение придворной (официальной) культуры происходило при личном участии короля и его окружения. Область практик в Средние века и раннее Новое время составляют сами представления о власти, политике, дипломатии, войне как о благе для государства. Празднование же побед (например, во время Итальянских войн 1494–1559 гг.), по представлениям того времени. Обеспечивало покровительство государю. Ритуальный характер разнообразных символических и отчасти даже магических действий, обеспечивающих право государя на особые отношения и институциональные связи со временем и конструирование перед глазами подданных провиденциальной истории своего властвования (правления, царствования и т.д.), образуют фоновый контекст новшеств и область соответствующих политико-институциональных практик. Создание соответствующих сценариев празднований можно характеризовать как символическую деятельность³.

Идеология государственной власти и отождествление её в менталитете западноевропейского средневекового общества существовали не как система рационализированных предписаний и формулировок, а как совокупность автообразов, символики, ритуалов и церемоний, раскрывающих характер и предна-

³ *Barbiche B.* Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle. Paris, 2012. P. 369.

значение власти государя эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Таким образом, властный образ государя институционализировался через политическую систему символов власти, церемоний власти и институтов власти.

На рубеже Средневековья и раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) существовала особая модель межгосударственных отношений, теоретическое обоснование и разработка дипломатического инструментария которой во многом принадлежит Никколо Макиавелли (1469–1527), ассоциировавшего в своём лице прообраз личности дипломата исследуемого периода⁴.

Как верно отмечает Никколо Макиавелли, дипломатия – это постоянно действующий институт профессиональных посредников (переговорщиков), дипломатов, созданный в каждом государстве с определёнными целями⁵.

Теория и практика дипломатии Средневековья и раннего Нового времени нашла своё отражение в следующих трудах дипломатов: Никколо Макиавелли «Государь», Филипп де Коммин «Мемуары», Франческо Гвиччардини «История Италии», Бернар де Розьер «Краткий трактат о послахах», Абрахам де Викфор «Посол и его функции», Альберико Джентили «Три книги о посольствах», Ермолао Барбаро «О службе посла» и т.д. Дипломаты Средневековья и раннего Нового времени проводили прелиминарные переговоры, готовили проекты будущих соглашений, постигали посольский церемониал и дипломатический протокол, систему дипломатических стереотипов⁶.

⁴ Циватый В.Г. Дипломатический инструментарий Никколо Макиавелли и институты европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны: Сб. научных статей. М., 2013. С. 271–285.

⁵ Mowat R.B. A History of European Diplomacy (1451–1789). London, 1971. P. 196–203.

⁶ Chartier R. Histoire intellectuelle et histoire des mentalités. Trajectories et questions // Revue de Synthèse. Sér.3. 1983. V. 8. P. 277–307; Commynes Ph. de. Mémoires . Paris, 1924–1925. Vol. 3.

Теоретики и практики дипломатии Средневековья и раннего Нового времени, в своём большинстве, были уверены в том, что политика и дипломатия – это искусство, которое не зависит от морали и религии, когда речь идёт о средствах, а не о целях. Дипломат и политик обязан осознано или неосознанно удерживать функционально-властную универсальность в целостности посредством профессиональной компетентности, благодаря мудрости, умению вести переговоры и делать взвешенные выводы из исторических сравнений⁷.

В период Средневековья и раннего Нового времени были сформированы модели (типы) дипломатии и завершился процесс институционализации дипломатии европейских стран и их дипломатических служб. Дискурс власти является исторически обусловленным знаковым образованием, поэтому манипулирование им, оставаясь прежним методологически, будет различаться по своему содержанию в каждой эпохе. В эту политико-дипломатический ракурс прекрасно вписываются государиправители средневековой Европы, как например, Карл VIII или Людовик XII, Фердинанд Арагонский или Изабелла Кастильская и этот перечень можно продолжать по всему социокультурному пространству европейского Средневековья и раннего Нового времени. Историко-культурный контекст создавал соответствующую репрезентацию власти в политико-дипломатическом мире⁸.

Таким образом, контент-анализ оценочных суждений участников различных социальных фокус-групп европейского средневекового общества позволяет сформулировать вывод о том, что в политико-дипломатической картине мира разных социальных групп присутствуют общие черты. Дифференцирующими факторами выступают возраст, социальное положение, статусность, информированность, степень вовлечённости в по-

⁷ *Lecoite J.* L'Idéal et la Différence: La perception de la personnalité littéraire la Renaissance. Genève, 1993. P. 396; *Nordmann C.* La montée de la puissance européenne (1492–1661). Paris, 1974. P. 325.

⁸ *Black J.* A History of Diplomacy. Reaktion Books, 2010. P. 212–219, 236–249.

литико-институциональные, дипломатические и церемониальные практики, профессиональная социализация и профессиональная деятельность.

Степень вовлечённости в общественно-политические и политико-дипломатические практики существенно меняет представления о власти, институционализации власти, кодах власти, политике и дипломатии, а также – и первоначальные поведенческие установки. При этом нужно всегда помнить, что движущей силой, определяющей институциональные изменения политических, дипломатических и церемониальных практик, был и остаётся – в рамках перспективного видения тенденций развития общественных отношений – человек мыслящий и человек действующий. Анализ эмпирических данных показал, что в политико-дипломатической картине мира разных социальных групп представлен целый ряд совпадающих образов власти – центрального элемента политической картины мира. При этом однозначно можно констатировать, что самый распространённый способ презентации образа власти Средневекового социума – символы.

С.М. Омаров

г. Каменец-Подольский (Украина)

Каменец-Подольский национальный ун-т им. И. Огиенко

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ БАТЫЯ РУКОВОДИТЕЛЕМ ЗАПАДНОЙ КАМПАНИИ МОНГОЛЬСКИХ ВОЙСК 1235–1242 ГОДОВ?

В середине XIII века монгольская военная машина повернула на Запад. Дальнейшие события коренным образом изменили ход средневековой истории и повлияли на политические, а также экономические процессы почти всего евразийского мира. Значимым в контексте этого является Западный поход монгольских войск в 1235–1242 гг. В российской и украинской историографии на протяжении нескольких веков сложилось представление, что Батый, внук Чингисхана, был главным руководителем Западного похода монгольских войск в 1235–1242 г. В данной статье, на основе источников, автор делает попытку пересмотреть устоявшееся мнение о роли и значении Батыя во время этой военной акции Монгольской империи.

Ключевые слова: Бату, кампания, Монгольская империя, Угедей, улус, Чингизиды.

В существующей историографии нет единого мнения по поводу того, кто был руководителем грандиозного похода монгольских войск на Запад 1235–1242 годов. Многие историки считают, что во главе западной кампании был внук Чингисхана, сын Джучи – Бату (в древнерусских летописях упоминается как Батый¹). Можно в литературе встретить и иное мнение: Бату

¹ *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1774. Кн. 3. С. 466; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. 1, т. 3. С. 820; *Грушевський М.С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991.

лишь номинально возглавлял военную кампанию, а реально её руководителем был Субедей, один из лучших военачальников Чингисхана². Решение данного вопроса важно не только для выяснения истории борьбы народов Восточной и Центральной Европы с захватчиками, а для изучения внутреннего устройства Монгольской империи, места в ней Улуса Джучи, выяснения статуса хана Бату в иерархии монгольской верхушки, анализа системы взаимоотношений покоренных народов с монгольскими политическими формированиями.

Отметим, что Субедей, несмотря на громадный авторитет и полководческий талант, едва ли мог руководить объединенным войском монголов. По ходу кампании в разное время мы его видим то в качестве командующего одним крылом монгольского войска, то ответственным за штурм того или иного города. Но это же можно сказать и о Бурундае, принимавшем активное участие в войне с волжскими булгарами и древнерусскими княжествами. Субедей, как самый опытный нукер монголов, побывавший ранее в районе будущих боевых действий, был послан Угедеем в качестве советника, который должен был консультировать Бату и указывать правильный путь монгольским войскам. Как отметил, в свое время Е. Хара-Даван, Субедей был направляющим умом похода³. Здесь, как нам кажется, нужно чётко чувствовать разницу между понятиями «полководец» и «главнокомандующий». Субедей был именно полководцем, который не имел права давать приказы Чингизидам, наследным принцами. Субедей руководил своим туменом, под

С. 424; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 9; *Греков Б., Якубовский А.* Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). Л., 1941. С. 49; *Пауто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 287; *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татари-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 192.

² *Груссе Р.* Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан. Алматы, 2005. Т. 2. С. 17; *Хара-Даван Э.* Чингис-Хан как полководец и его наследие: Культурно-исторический очерк Монгольской империи. Элиста, 1991. С. 156.

³ *Хара-Даван Э.* Указ. соч. С. 156.

его началом находилось лишь 10 тысяч воинов, иногда больше, но никогда он не руководил всей монгольской армией.

Ключ к разгадке вопроса о руководителе похода кроется в идеологических представлениях самих монголов, в их мировоззрении, представлении об институте власти. С одной стороны, монголы как будто ничем не отличаются от остальных кочевников, и их государство во многом похоже на те политические образования, что ранее появлялись в степях Евразии. Но при пристальном изучении структуры функционирования Монгольской империи очевидным становится тот факт, что монгольская государственная система уникальна. Её суть состоит в исключительной роли Чингисхана и его потомков Чингизидов. Их власть сакральна, она имеет божественное происхождение. У монголов с древних времен центром власти в этносоциальном объединении был вождь⁴. В жизни монгольского государства он играл важную роль, все нити социально-экономической и военной жизни государства, так или иначе, сходились к нему.

В 1204–1206 гг. Чингисхан реформировал традиционной для кочевых протогосударств родовой строй, тем самым заложил основы нового государства с полноценным государственным аппаратом. Созданная держава по замыслу творца должна была стать вотчиной его уруга («золотого рода»)⁵. Поэтому, власть наследников Чингисхана, следующих каанов была по своей сути абсолютной. Хотя в империи прослеживались признаки бывшего государственного строя монголов, например, продолжал существовать такой институт как курултай (съезд монгольской знати), всё же они никоим образом не ограничивали власть каана, поскольку в государстве такого типа всё происходило лишь по воле верховного правителя. Даже родственники императора непрекословно исполняли его волю. «Все мы, братья и сыновья, стоим здесь, готовые повиноваться любому твоему приказу...», говорил Мунке каану Угедю во время ве-

⁴ Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005. С. 41.

⁵ Там же. С. 149.

ликого курултая 1235 г.⁶. Император в монгольском государстве в первую очередь был предводителем воинов, главнокомандующий всей объединенной армией монгольской державы, а уже потом политическим деятелем. Военные походы совершались исключительно от имени каана, либо во главе с ним.

Исходя из выше упомянутого, руководителем западного похода, очевидно, был Угедей. Ала-ад-Дин Ата-Мелик Джувейни, персидский автор того времени, упоминает о том, что Угедей намеревался лично возглавить поход⁷, как это уже бывало раньше, например, в Китае. Однако из-за состояния своего здоровья ему не удалось отправиться на Запад. Вместо себя каан послал Бату, а вместе с ним и других Чингизидов, в числе которых был и его сын Гуюк. Но при этом он не снял с себя полномочия руководителя, напротив 14 Чингизидов, отправленных в поход, действовали от его имени. Каждый из них привел собственную орду (улус), которой и управлял. Формально все они должны были подчиняться Бату, но на деле этого не происходило. Он не мог руководить той частью войска, которая состояла, к примеру, из людей Гуюка или Бури, или же Кадана. Также монголы Бату не подчинялись Гуюку и другим Чингизидам не из дома Джучи.

Западный поход 1235–1242 годов кардинально отличался от других монгольских походов количеством Чингизидов принявших в нем участие. Поскольку кампания приняла общеимперский характер, каждый улус под всеобщие командование Угедея выставил сразу по несколько представителей своего дома⁸. Каан, который, как уже ранее упоминалось, из-за болезни⁹ не смог лично возглавить поход, осуществлял свое руководство непосредственно через Бату. Он был представителем политиче-

⁶ Ала-ад-Дин Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М., 2004. С. 132.

⁷ Там же.

⁸ Сокровенное сказание. М.; Л., 1941. § 270.

⁹ Если верить Рашид-ад-Дину, Угедей страдал от алкоголизма, что впоследствии и стало причиной его кончины (см.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 42).

ской власти каана на Западе. В письме доминиканского миссионера брата Юлиана о монгольской войне есть слова приписывание Бату: «Я Хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся...»¹⁰. Помимо интересов собственных, а также интересов дома Джучи, Бату, как старший среди всех посланных в поход Чингизидов, фактически исполнял роль представителя императора монголов.

В тоже время Бату в западном походе стоит рассматривать и как главу улуса Джучи – административно-территориальной единицы империи, возле пределов которого находились страны и народы, которые пытались завоевать монголы. Также его следует рассматривать, как старшего из Чингизидов, на которого были возложены обязательства руководителя, поскольку сам император находился далеко от тех мест, где проходил поход. Бату, исходя из ресурсов своего улуса, должен был оказывать поддержку монгольской армии, снабжать её всем необходимым, а именно людьми и провиантом. По этому, его роль в походе была очень велика, власть и положение, которое он занимал среди Чингизидов, возводило Бату в ранг наиболее важных командиров этой кампании. Однако над властью Бату стоял Угедей, которому он во всем подчинялся и исполнял его волю.

Угедей и Бату поддерживали связь посредством писем. В это время уже существовала знаменитая монгольская ямная¹¹ система почтовой службы. Как отмечает персидский историк Рашид-ад-Дин, у Бату был личный гонец¹², который доставлял письма в столицу Монгольской империи Каракорум. В «Сокровенном сказании» сохранилось упоминание об одном из таких писем. В этом письме Бату, как представитель власти Угедея в походе, обвиняет Гуюка и некоторых других Чингизидов в не-

¹⁰ *Анинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. 3. С. 88.

¹¹ *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей... С. 36.

¹² *Там же.*

повиновении и скверном поведении¹³. Как нам кажется, это письмо не стоит оценивать как жалобу, а нужно рассматривать как очередной отчет Бату перед Угедеем. Это также доказывает, что Угедей, а не Бату, являлся руководителем западного похода монгольских войск 1235–1242 годов.

Поскольку все завоевание земли должны были быть присоединены к владением улуса Джучи, то наиболее заинтересованным лицом в этой кампании был Бату. По этому, даже когда, как казалось, были покорены все народы и страны, которые ранее на курултае 1235 г. планировалось захватить, западный поход не прекратился, а, наоборот, продолжился с новой силой в Европе. Покорение Волжской Булгарии, Алании, половецкой земли, а также Руси не остановило завоевателей. Монголы по приказу Бату дошли до берегов Средиземного моря, подчинив своей власти Польшу, Венгрию, Болгарию и другие страны.

11 декабря 1241 г.¹⁴ умер император монголов Угедей. Весть об этом дошла до Бату с некой задержкой лишь весной 1242 года¹⁵. Смерть руководителя похода, а также выполнение всех поставленных им задач повлияли на дальнейший ход западной кампании. Для продолжения военных действий у монголов не было достаточных сил, настроение, которое царило в окружении сподвижников Бату, предстоящая борьба за власть в Каракоруме, не оставляли ему другого выбора, как прекратить дальнейшее наступление и возвратиться назад в свой улус. Бату в начале 1243 г. уже находился в Нижнем Поволжье, где занялся обустройством будущего государства: налаживал и закреплял отношения с правителями только что покоренных земель, а также отстаивал интересы своего улуса в непростой политической борьбе за власть, которая разгорелась в Каракоруме сразу после смерти Угедея.

Подводя итог, отметим, что Бату, как глава улуса Джучи, как старший среди всех посланных в поход Чингизидов, был очень влиятельной фигурой на протяжении всей западной

¹³ Сокровенное сказание... § 275.

¹⁴ *Ала-ад-Дин Ата-Мелик Джувейни*. Указ. соч. С. 134.

¹⁵ *Почкаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М., 2007. С. 152.

кампании 1235–1242 годов. Однако он не являлся главой этого похода. Главой, исходя из идеологических представлений монголов, а также из особенностей политической структуры Монгольской империи, был Угедей. Сын Джучи стал доверенным лицом императора и руководил от его имени всеми монгольскими войсками. Каан наделил Бату большими полномочиями, потому, что завоевание северных стран, по повелению самого Чингисхана, было задачей его отца, а так как его уже не было в живых, то Угедей, исполняя волю Чингисхана, поручил это дело Бату, который занял место Джучи. Ему должны были подчиняться все Чингизиды, посланные в западный поход. Но, когда умер Угедей, глава западного похода, они, по сути, освободились от обязанностей по отношению к Бату. Каждый из них, отправляясь в поход, преследовал в первую очередь собственную цель – обогащения, овладения новой территорией. Однако, сами не зная того, они расчистили дорогу для Бату, который в 1243 г., в результате присоединения к владениям своего улуса недавно завоеванных земель, создал полусамостоятельное государственное объединение, известное в историографии под названием Золотая Орда. Оно при правлении приемников Бату сумело стать полностью независимым и сыграло величайшую роль в истории стран и народов Восточной Европы.

Е.С. Гончарова

г. Волгоград (Россия)

Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т

ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА ПРИ ДВОРЕ ГЕНРИХА VIII (НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АННЫ БОЛЕЙН И ТОМАСА КРОМВЕЛЯ В 1531–1536 гг.)

В работе рассматриваются взаимоотношения Анны Болейн и лорд-канцлера Томаса Кромвеля. Результатом эволюции данных взаимоотношений являлось не только расхождение политических взглядов по вопросу роспуска монастырей в 1536 г., но и деятельности фракций.

Ключевые слова: Англия XVI в., Тюдоры, Генрих VIII, Анна Болейн, фракция, Томас Кромвель, Реформация, роспуск монастырей, Эсташ Шапюи.

В Тюдоровское время формирование политических фракций и активное перемещение их участников было значимым явлением. Это проявилось в правлении Генриха VIII, поскольку существование фракций подтверждалась не только выбором короля политического курса, но и другим характерным показателем. В качестве такого показателя можно рассматривать обстановку, сложившуюся в 20–40-х гг. XVI в., когда политическое окружение влияло не только на расстановку и роль политических деятелей, но и на дальнейшую судьбу их участников.

Выход участника из фракции или лоббирование другой политической модели могло привести не только к разногласиям, но и к снижению политической роли или даже к опале. Примером тому могут служить взаимоотношения Анны Болейн, второй жены Генриха Тюдора, и лорд-канцлера Томаса Кромвеля в 1531–1536 г.

Обращаясь к историографии XX века, мы видим, что интерпретация историками падения Анны сводилась к противоречиям, возникшим между Анной и Кромвелем по вопросу реформирования малых монастырей и деятельности фракций¹. Но есть основания полагать, что причины несколько шире, и связаны, не только с данным кругом вопросов. Это следствие целого комплекса процессов, приведших к падению Анны.

Цель нашей работы – выявление составных элементов этой системы.

Английский историк Э. Ив определял фракцию как группу людей, состоящую из 3–6 человек (друзей, родственников, последователей, слуг), которые были связаны посредством неформальных и личных связей². Задачей фракций являлось достижение расположения короля и лоббирование, таким образом, собственных интересов.

Итак, несмотря на все политические таланты родственников Анны Болейн, именно она являлась исходной точкой формирования фракции. К 1528–1529 г. окружение, поддерживающее её, представляла собой следующих участников: Томаса Говарда, Томаса Болейна, Анну Болейн и кардинала Томаса Вулси. Механизм приближения к королю через использования его «плотской слабости» доказывает, что возвышение Анны изначально не было случайностью. Поскольку, первоначально фавориткой короля являлась старшая сестра Анны – Мария Болейн. В 1532 г. Анна получает титул Маркизы Пембрук, что свидетельствует об укреплении ее позиции при дворе³.

Период 1533–1536 г. был ознаменован изменением внешнего и внутреннего курса, представляющим собой реформирование в политическом и доктринальном плане. После происходящих событий королевский двор условно разделился на две фракции:

¹ *Ives E.* Faction in Tudor England. London, 1979; *Shephard R.* Review: Court Factions in Early Modern England // *Journal of Modern History* 64:4 (Dec., 1992). P. 721–745.

² *Ives E.* The Life and Death of Anne Boleyn. Oxford; Blackwell, 2004.

³ *Friedman P.* The Early Life of Anne Boleyn. New York, 2010.

1) Реформистскую фракцию, поддерживающую вторую жену Генриха и начатый внутренний и внешний политический курс. Представителями были: Анна, Томас и Джордж Болейн, Томас Кромвель, Томас Кранмер.

2) Консервативную фракцию, поддерживающую первую жену Екатерину и ее дочь Марию, а также внешнеполитический курс на Испанию. Представители: Екатерина, Мария Тюдор, Имперский посол Эсташ Шапюи, Чарльз Брендот.

Стоит отметить, что продуктивная деятельность фракции была возможна при условии существования другой антагонистической группы.

После опалы кардинала Вулси в 1529 г., спровоцированного фракцией Болейн, Томас Кромвель входит в близкое окружение Анны и короля в то время, когда Англия переживала политические преобразования и королю нужен был решительный кардинал. Сближение Анны и Кромвеля к 1531 г. происходит на почве того, что Кромвель не был выходцем из благородной семьи, он меньше всего был привязан к старым традиционным представлениям, как большинство из высших слоев, следовательно, спокойнее мог принять происходящие изменения.

Что касается Анны, то после падения кардинала Вулси, ей нужен был союзник, который бы находился рядом с королем, и который бы смог не только закрепить ее положение, но и способствовать продвижению политических идей.

Показателен тот факт, что Кромвель в период 1533–1535 гг. был помощником Анны по политическим вопросам. К примеру, в 1533 г. Кромвель организовал коронацию Анны, а в 1535 г. оплатил 20 фунтов за «управление королевскими землями»⁴.

Но начатая в 1534 г. Реформация стала исходной точкой в изменении во взаимоотношениях между Анной и Кромвелем. Безусловно, Анна была неким катализатором для проведения Реформации. Она верила и поддерживала Генриха в роли главы церкви.

⁴ *Hume M.A.S. Chronicle of King Henry VIII. London, 1889. P. 68–71: URL: <http://www.archive.org/stream/chroniclekinghe00humegoog#page/n6/mode/2u>*

В 1536 г. ключевым моментом стали обстоятельства рассмотрения в парламенте акта «О закрытии малых монастырей», годовой доход которых был менее 200 фунтов. Инициатором этой меры был Кромвель. Целью была обозначена ликвидация растущих злоупотреблений и праздности монахов, а на деле это превратилось в ограбление монастырей для пополнения королевской казны. Позже, в елизаветинское время, в ходе реформационных преобразований было предположено, что Анна в тот момент вступила в спор с Кромвелем по вопросу дальнейшей судьбы монастырей. Королева рассматривала проводимую реформу в качестве базы для создания национальной основы государства. Роль монастырей должна была сводиться к функции образовательных учреждений или школ.

Противоречие по этому вопросу между Анной и Кромвелем проявилось 2 апреля 1536 г. в проповеди королевского священника Джона Скипа. Э. Шапюи пишет, что раздающий милостыню Анны Болейн Джон Скип призывал отказаться от соблазна личного обогащения, а так же объявил Кромвеля перед всем двором врагом королевы⁵. Приблизительно в это же время архиепископ Томас Кранмер пишет письмо Кромвелю, датированное 22 апреля 1536 г., содержащее следующее резкое замечание: «Я был когда-то холоден, но теперь я с жаром осуждаю проводимую религию, которая является собой нечто противоположное моему ожиданию»⁶. Эта фраза из письма связана с политикой Томаса Кромвеля в отношении малых монастырей и их ликвидации. Ответного письма от Кромвеля не сохранилось, а поэтому здесь остается место для дискуссий и реконструкции.

Помимо разных точек зрения по роспуску монастырей между Анной и Кромвелем существовали и другие причины, повлиявшие на их дальнейшие взаимоотношения.

Стоит отметить, что Анна никогда не была популярна в народе в отличие от своей предшественницы Екатерины Ара-

⁵ *Ives E.* The Life and Death of Anne Boleyn. P. 309.

⁶ *Henry J.* The Remains of Thomas Cranmer. Oxford, 1833. Vol. 1. P. 162:
URL: <https://archive.org/details/remainsthomascr01jenkgoog>

гонской. Помимо наличия католической пропаганды против Анны, здесь можно упомянуть также о конфликтной ситуации вокруг акта «О престолонаследии» 1534 г. Согласно этому акту, брак Генриха VIII и Анны Болейн был назван единственно-законным и только их дети могли наследовать престол Англии. Из-за отказа признать данный акт и принести присягу были приговорены к смертной казни Томас Мор и епископ Джон Фишер.

Еще одна причина была в неспособности родить наследника. Память о войне Алой и Белой роз была еще свежа, поэтому вопрос о наследнике был очень важен. Хотя, видимо, не играл определяющей роли, т. к. еще 25 апреля 1536 г. король Генрих в письме Ричарду Пейту называл Анну «горячо любимой женой»⁷.

Отношения Кромвеля с Анной обострились по причине нового увлечения короля, поскольку Анна считала, что Кромвель благоприятствует этому. 1 апреля 1536 года Шапюи сообщил императору Карлу V, что король Генрих VIII послал Джейн Сеймур «кошелек, полный золотых монет». По сообщению Шапюи, Джейн в это же время, по совету Николааса Кэрю и католической фракции, обращала внимание короля на тот факт, что народ Англии не принимает его брак с Анной Болейн и возможно, ему стоит задуматься об этом⁸. Кроме того, на 1 апреля 1536 года Шапюи сообщил, что он слышал об ухудшении отношений между Анной Болейн и Томасом Кромвелем.

Окончательное расхождение во взаимоотношениях Анны и Томаса Кромвеля происходит на фоне происходящих событий в апреле. Это отразилось в личных письмах Анны, а также в донесениях имперского посла Эсташа Шапюи. Письмо Анны, датированное 6 маем 1536 г., сохранилось в личных ве-

⁷ *Weir A. Lady in the Tower: The Fall of Anne Boleyn. London, 2010. P. 56.*

⁸ *Henry VIII: June 1536, 11–20, in Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII, Volume 10, January–June 1536 / ed. James Gairdner. London, 1887. P. 470–491: URL: <http://www.british-history.ac.uk/letters-papers-hen8/vol10/pp470-491> .*

цах Кромвеля. Анна, уже находясь в Тауэре, пишет Генриху VIII: «Поверьте мне, добрый король, и позвольте мне иметь справедливый суд. И пусть не мои заклятые враги сидят в обвинителях и судьях, да позвольте мне получить открытое судебное заседание. От моей правды будут бояться открывать лица, и вы увидите, что ваши подозрения и ваша совесть будет удовлетворена»⁹. Поскольку еще 24 апреля 1536 г. Томас Кромвель и сэр Томас Одли были направлены на расследование дела королевы Анны, в этом письме под словами «заклятые враги» она подразумевает в том числе и Кромвеля.

Так же Э. Шапюи в письме Карлу V датированному 11 июня 1536 г, сообщал, что: «Кромвель поставил себе целью создать заговор, сказав о романе Анны». Но здесь стоит уделить внимание другой фразе из этого же письма, которая весьма противоречива: «Кромвелю было разрешено по указу короля и под его ответственность довести до конца судебный процесс госпожи, которая причиняет много хлопот»¹⁰. Получается, что имперский посол и предполагает, что Кромвель устроил заговор против Анны, но при этом он говорит о том, что это было сделано по одобрению короля. Ввиду того, что Э. Шапюи был в своё время сторонником и другом Екатерины Арагонской, выступая против реформационных преобразований, он считал личным врагом Анну. Поэтому, вполне вероятно, приведенной выше фразой он хотел показать, что король разлюбил Анну из-за ее дурных поступков и поведения.

2 мая 1536 г. сэр Фрэнсис Уэстон, Уильям Бреретон, Марк Смитон, сэр Генри Норрис и брат Анны были арестованы по подозрению в отношениях с королевой. Обвинения стали итогом расследования тайной комиссии, в которую входили дядя Анны Томас Говард и Томас Кромвель. В ходе судебных

⁹ *Brewer J.S., Gairdner J., R.H. Brodie. Letters and Papers, Foreign and Domestic of the Reign of Henry VIII. London, 1862–1932: URL: <http://www.british-history.ac.uk/search/series/letters-papers-hen8>*

¹⁰ Henry VIII: June 1536, 11–20, in *Letters and Papers...* P. 470–491.

слушаний Анну признали виновной в государственной измене. Она была казнена 19 мая 1536 г.¹¹

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что сложившиеся политическая конъюнктура стала, во многом, следствием изменения взаимоотношений кардинала Томаса Кромвеля и Анны Болейн.

Но, безусловно, говорить о том, что Кромвель создал самостоятельно коалицию против Анны, без ведома Генриха неправильно. Генрих VIII обладал умением лавировать между политическими группировками и пользовался их противоречиями. Такая мера сдержек и противовесов, несмотря на положительный результат в политике, отрицательно сказывалась на судьбах людей. В конце концов, как отметил историк Д. Скарибрик: «То, что когда-то было разрушительным увлечением, превратилось в кровожадную ненависть, по причинам, которых до конца мы не узнаем»¹².

¹¹ Hall's chronicle: containing the history of England, during the reign of Henry the Fourth, and the succeeding monarchs, to the end of the reign of Henry the Eighth, in which are particularly described the manners and customs of those periods. London, 1809. P. 540–560: URL: <https://archive.org/details/hallschronicleco00hall>

¹² Scarisbrick J.J. The Reformation and the English People // The Historical Journal. 45. Vol. 1. London, 2002. P. 22.

Р.В. Болдырев
г. Липецк (Россия)
Липецкий гос. пед. ун-т

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НОВГОРОДЦЕВ И ШВЕДОВ В 1611–1615 гг.

В настоящей статье затрагивается тема взаимодействия шведской администрации Новгорода 1611–1617 гг. и населением города и округи в сфере налогообложения. Фискальная политика Якоба Делагарди, в целом продуманная и последовательная, в силу объективных обстоятельств предполагала усиление налогового бремени. Челобитные грамоты новгородцев демонстрируют их недовольство ростом налогов, а также усилия шведских властей, направленные на разрешение проблемы.

Ключевые слова: Великий Новгород, Смута, Я. Делагарди, фискальная политика, челобитные

Шведское присутствие в Великом Новгороде в 1611–1617 гг. явилось важным периодом в истории Новгородской земли, который был отмечен активными административными преобразованиями, связанными с именем шведского наместника Якоба Делагарди (1583–1652)¹. Его политика касалась разных сфер – таможенного дела, судопроизводства, переписи населения, землевладения и т. д.², – но в зоне его особого внимания находились проблемы налогообложения. Проведение преобразований, содержание войск и административного аппарата требовали значительных денежных средств, которые

¹ *Сюндберг Х.* Жизнь в Новгороде во время Шведской оккупации 1611–1617 гг. // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). 6 (16). 1997. С. 273.

² *Там же.* С. 274–276.

шведский король Густав II Адольф (1611–1632) в силу объективных обстоятельств не мог предоставить³. Вследствие чего русско-шведской администрации Новгорода приходилось изыскивать средства непосредственно в пределах Новгородской земли, что достигалось путем взимания с местного населения традиционных и введения разного рода экстраординарных налогов. Реакцию населения новгородской земли на усиление налогового прессинга во времена шведского владычества демонстрируют документы из так называемого Новгородского оккупационного архива (далее – НОА)⁴ и, прежде всего, из его второй серии (части), где представлены челобитные грамоты, отписки и разного рода прошения, составленные жителями Новгородской земли и представителями шведской администрации. Изучение этого документального комплекса может расширить наши представления о системе новгородского налогообложения начала XVII в. (основные наблюдения в этой области изложены в работах В.А. Аракчеева⁵ и А.А. Селина⁶), а также о характере шведского правления в целом.

Сведения, полученные из указанного фонда, свидетельствуют о недовольстве населения множеством поборов и повинностей, установленных в Новгородской земле, и наказаниями за их неуплату. Многочисленные жалобы и челобитные, написанные, что примечательно, на имя шведского королевича Карла Филиппа, тщательным образом прорабатывались как шведскими, так и русскими административными лицами, а наиболее значимые из них доходили до самого короля Густава Адольфа, который не оставлял их без внимания. Особо показательна в этом отношении челобитная крестьян Будковского,

³ *Далин О.* История шведского государства. СПб., 1807. Т. 2. С. 849–857.

⁴ *Нордландер И.* Оккупационный архив Новгорода 1611–1617 гг. // НИС. 6 (16). С. 285–289.

⁵ *Аракчеев В.А.* К изучению тяглых обязанностей посадского населения Новгорода в 1611–1616 гг. // Стокгольмская Новгородика. Stockholm, 2012. С. 86–93.

⁶ *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

Хрепецкого и Клемецкого погостов Водской пятины, которые выразили недовольство постоянным разорением собственных хозяйств «ратными немецкими людьми» посредством непомерно высоких для тех краев поборов, которые шли на прокорм лошадей и содержание шведского войска⁷. В челобитной говорится о двухстах немецких ратных людях, которые были поставлены в Тесовском острожке под предводительством Ганса Терму и ротмистра Юд(в)ер Ханова. Челобитчики называют размер сборов немецких кормов, которые на двадцать дней составляют «82 чети ржи да 56 рублей 31 алтын 5 денег <...> да конского корму 14 чете овса»⁸. Данная сумма рассчитана в строгой пропорции к объему обеж, которыми владели челобитчики⁹. Крестьяне пишут, что за эти двадцать дней корму они заплатили¹⁰, а за другие двадцать с Тесовского острошка платить нечем и погост их запустел¹¹. Они просят Карла Филиппа, которого признают своим государем, оказать им помощь и лично контролировать данный вид налога в Тесовском острожке, чтоб он вконец не запустел и крестьяне из него не разбрелись¹².

Приведенный документ важен в нескольких аспектах. Во-первых, он представляет своего рода эталон, так как большинство челобитных второй серии НОА составлены в таком же стиле и содержат практически те же требования, исходящие, однако, от разных пятин и погостов. Во-вторых, в документе просматривается уважительное отношение жителей Новгородских земель к шведским властям, которые, как будет показано ниже, не оставляли без внимания такого рода прошения. И в-третьих, эта челобитная грамота, в частности, ссылки на запустения ряда территорий, соотносится с данными описей новгородских земель из первой серии НОА, что позволяет более объ-

⁷ Riksarchivet, Ockupationsarkivet fran Novgorod (далее RA, NOA). Series II:294. S. 1.

⁸ *Ibid.* S. 1.

⁹ *Ibid.* S. 2.

¹⁰ *Ibid.* S. 1.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Ibid.*

активно подойти к вопросу о последствиях шведской налоговой политики на Новгородских землях. Согласно общепринятому постулату, реакция населения, его настроения и чаяния наиболее полно отражают успешность или провал налоговой политики властей¹³. Что касается данного конкретного случая, то население Новгородской земли бунтовало, а обращалось к властям, что может служить косвенным свидетельством относительной успешности налоговой политики Делагарди.

Как правило, челобитные носили коллективный характер, хотя нередко встречаются и прошения отдельных лиц, которые ходатайствовали о пересмотре налогообложения одного конкретного хозяйства в связи с разного рода обстоятельствами. Так, например, челобитная игуменьи и сестер Рагодивского монастыря, датированная 1615 г. и обращенная к Карлу Филиппу, содержит просьбу снять с монастыря оброк в 10 алтын ввиду его неплатежеспособности¹⁴. Примечателен данный документ тем, что на оборотной стороне листа записан ответ монахиням за подписью дьяка Семена Лутохина, который сообщал о решении администрации не взимать налог с монастыря, так как земли его не обрабатываются и доходов с них монастырь не получает¹⁵. На данном примере видно, что проблемы налогообложения решались шведской администрацией обдуманно и не без соблюдения интересов облагаемых налогом лиц.

Количество челобитных, на которых встречаются ответы и пометки должностных лиц, довольно велико, что дает возможность проследить характер их взаимоотношений с налогоплательщиками. Считаю необходимым проанализировать особо показательные документы данного типа, чтобы выделить некую специфику решений налоговых вопросов шведской администрацией. Так, например, Рудейка Семенов, который вследствие разорения попал в кабалу и стал неплатежеспособным, просит в своей челобитной уменьшить размер налога, начисленного с его хозяйства, и тем самым избавить его от полного разорения и

¹³ *Веселовский С.* Сошное письмо. М., 1915. Т. 1. С. 25.

¹⁴ RA, NOA. Series II:43. S. 1.

¹⁵ *Ibid.* S. 2.

голодной смерти¹⁶. Здесь ответ дан на переплете. По нему наказывалось пока не собирать налог с крестьянина, а также указана конкретная дата, когда он должен был перестать платить¹⁷.

Очень важной для понимания практики разрешения налоговых споров является челобитная Григория, священника церкви Дмитрия Солунского в Славкове¹⁸. Здесь интересна оборотная сторона листа, свидетельствующая о той серьезности, с которой Делагарди и шведские власти подходили к вопросам налогообложения. Там видим, что челобитная была рассмотрена и принята к проверке. То есть специальные люди проверяли правдивость слов, содержащихся в челобитных. После такой проверки они писали отчет, который должен был содержать сведения о челобитчике, состоянии его хозяйства и решение данного вопроса. Что касается конкретно этой ситуации, то на реверсе принято решение провести тщательное расследование и, если информация в прошении окажется правдой, то предполагается снизить налог с данного хозяйства¹⁹. Подобного рода практики прослеживаются и в других челобитных²⁰.

Стоит заметить, что во второй серии архива встречаются не только челобитные, в которых налогоплательщики жалуются на тяжелые поборы с их хозяйств, но и иного рода документы. Например, с помощью челобитных могли решать и различного рода административные проблемы, которые касаются ошибок в обложении налогом и ошибок дозора. Показательным является петиция к боярам от Якушки Масленика с Федоровой улицы Новгорода. В петиции он указывает, что был неправильно зарегистрирован в качестве налогоплательщика в Старой Руссе, так как его отец жил там в течение нескольких лет. Сам же Якушка желает остаться в Новгороде, но не хочет подлежать двойному обложению. Свою просьбу провести проверку он из-

¹⁶ RA, NOA. Series II:43. S. 1, 4.

¹⁷ *Ibid.* S. 4–5.

¹⁸ *Ibid.* S. 3.

¹⁹ *Ibid.* S. 3 V.

²⁰ RA, NOA. Series II:63, 65, 69 etc.

лагает в челобитной²¹. Но и здесь мы снова встречаемся с человеком, которому было поручено эту информацию проверить, прежде чем давать ответ на петицию. В данном случае проверку осуществлял некий Дмитрий Маслов, который и подготовил отчет. Он побывал на указанной улице, поговорил со старостой и выяснил, что претензия Якушки вполне обоснована. Он довольно долгое время уже живет в Новгороде и никуда переезжать не собирается, а значит, и платить налоги он должен только с одного места²². Стоит заметить, что в приведенных примерах прослеживается влияние западноевропейской системы администрирования, предполагавшей существование тщательной проверки сведений по делу до принятия решения, а также существование порученцев соответствующего профиля. Процедура бюрократического оформления запросов и принятых по ним решений, зафиксированная в текстах челобитных, опять же соответствует этой модели.

Однако встречаются и совершенно иного рода челобитные и отписки, которые составлялись, как правило, военачальниками или представителями знатных родов той или иной территориально-административной единицы. Здесь придется немного отступить от географических рамок настоящего исследования и обратиться к документу Каргопольского уезда, который именуется «Отписка Каргопольцевъ начальникамъ Шведскихъ и Русскихъ военныхъ отрядовъ»²³. Это также коллективная челобитная, которая носит совершенно иной характер по сравнению с рассмотренными ранее. Она начинается изложением истории взаимоотношений каргопольцев со шведскими властями и лично с Делгарди²⁴. Челобитчики выражают недовольство налоговой политикой Делгарди в их уезде и просят тщательнее рас-

²¹ RA. NOA. Series II:212. S. 48.

²² *Ibid.* S. 48–48 V.

²³ Отписка Каргопольцевъ начальникамъ Шведскихъ и Русскихъ военныхъ отрядовъ, о запрещении Новгородским сборщикамъ собирать подати въ Каргопольскихъ волостяхъ // Дополнения к актам историческим (далее – ДАИ). СПб., 1846. Т. 2. С. 285–286.

²⁴ Там же. С. 285.

смотреть данную ситуацию и соблюдать достигнутые ранее соглашения²⁵. Начало челобитной составлено по стандартной форме и никаких особенностей не прослеживается, чего нельзя сказать об окончании отписки. Именно эти несколько абзацев показывают, насколько зыбким было сотрудничество шведов и русских в 1611–1615 гг. А также, насколько Делагарди было важно уметь лавировать между представителями разных земель с их неоднозначными настроениями. Возвращаясь к документу, мы видим, что челобитная содержит угрозу применения насилия к шведским военачальникам: «А будете вы, господа (шведские и русские военачальники – Р.В.), забывъ свои души, учнете съ нами рознь чинить, и кровь крестьянскую проливати, и на Каргопольские места войною приходиши, или какой задорь чинити²⁶: и мы против васъ стояти ради, сколько милосердный Богъ помочи подаст, и которая кровь крестьянская вашим задоромъ прольется, и тое крови взыщет Богъ на васъ» (курсив мой – Р.В.)²⁷. Данный пример ярко иллюстрирует, что мирное сосуществование новгородцев и шведов могло быть легко разрушено, отнесись Делагарди к административной практике менее серьезно и предусмотрительно.

Что же касается короля Густава Адольфа, то сведения об его отношении к налоговой политике Делагарди в Новгороде удалось найти в его грамоте митрополиту Исидору от 28 сентября 1614 г.²⁸, которая показывает, насколько серьезно шведская администрация относилась к налоговой политике, и насколько важна она была непосредственно для Стокгольма. Начинается грамота с изложения текста челобитной, отправленной высшими новгородскими чинами в Стокгольм, с целью просить Густава Адольфа облегчить налоговые обязательства²⁹.

²⁵ Там же. С. 286.

²⁶ Речь в данном случае идет о сборе оброка на 119 и на 120 годы.

²⁷ ДАИ. Т. 2. С. 286.

²⁸ Грамота Шведского короля Густава Адольфа Новгородским митрополиту Исидору, воеводе князю Ивану Одоевскому и земским чинамъ, въ ответъ на челобитную ихъ о облегчении налоговъ // Там же. С. 48.

²⁹ Оригинальный текст самой челобитной остался мне неизвестен.

Известно, что в челобитной новгородцы жалуются «на тотъ погибель и убытокъ, что за преступленьє крестного целованья и отложенъ Гдовских и Тихвинских изменниковъ, такожь и отъ казаковъ и шишей, во многихъ местехъ, и отъ Московских людей; которые во многихъ местахъ въ разныхъ статьяхъ у Ловоти реки и последнии на Московской дороге на Броннице людемъ стало, потому что они Софийские вотчины и все пятины и погосты высекли и выпустошили»³⁰. Заметно, что данный вопрос интересовал короля не меньше, чем Делагарди, а потому рассмотрением челобитной занималась королевская канцелярия и, возможно, сам Густав Адольф. Документ был важен для шведской Короны еще и тем, что челобитчиками являлись военные союзники шведов, оказывавшие им помощь при осаде Гдова и Тихвина, стоившей ей немало времени и сил³¹.

Особо важным является то, что, несмотря на сложности с содержанием наемников в Новгородских землях и тяжелое экономическое положение Швеции³², Густав Адольф счел для себя возможным принять решение в пользу челобитчиков. Скорее всего, он опасался того, что в противном случае недовольство шведами будет нарастать и новгородская элита будет склоняться на сторону Михаила Романова³³. Наряду с решением об облегчении налогового бремени происходит также временная смена новгородского наместника. Так в королевской грамоте сказано: «И чтобъ вамъ видети и разумети наше королевское отеческое сердце и милостивую подвижность къ себе, и мы хотимъ приказати нашему королевскому боярину и воеводе Еверь Горну Карлусовичю³⁴, которого наше величество вместо Якова

³⁰ Там же. С. 48–49.

³¹ ДАИ. Т. 2. С. 49.

³² Подробнее см.: Gustav Adolf fromm und gerecht. Kassel und Leipzig, 1993. S. 9–12.

³³ Подробнее о настроениях новгородцев в вопросе избрания царя см.: Коваленко Г.М. Карл Филипп или Михаил Романов. Новгород и Москва в 1613 году // Родина. 2013. № 2 (февраль). С. 24–26.

³⁴ Подобное назначению связано, на мой взгляд, больше с политическими причинами. Известно, что Делагарди в период наместничества поддерживал кандидатуру Карла Филиппа на русский престол. Что же

Пунтосовича туда на время отпускает, чтобъ онъ васъ пощадилъ, сколько мочно и время подасть»³⁵.

Таким образом, сведения новгородских челобитных позволяют считать налогообложения одной из наиболее острых проблем. Стоит отметить, что во второй серии архива насчитывается более 300 жалоб на высокие налоги и сборы. Важным является и то, что практически на все челобитные был дан ответ, который, после проведения определенного рода обследования хозяйств челобитчиков, проводился в жизнь инструкцией или указом. Особо важные челобитные направлялись непосредственно в Швецию, где вопрос решался на высочайшем уровне, что свидетельствует о значимости фискальной политики в Новгородской земле не только для шведского наместника, но и высшей королевской власти. Так же мы видим, что налоговая политика Делагарди, несмотря на ее стройную систему, вызывала сопротивление широких слоев новгородского общества. Тон челобитных постоянно менялся от прошений и жалований на тяжелую судьбу, до неприкрытых угроз военной силой. Все это заставляло в первую очередь Делагарди чутко следить за изменениями в настроениях новгородцев, реагировать на всякого рода проявления недовольства, стараться решать возникающие проблемы и только это являлось основным условием сохранения новгородско-шведского сотрудничества.

касается Эверта Горна, то уже с первых дней пребывания в Новгороде он стремился склонить новгородцев к присяге непосредственно Густаву Адольфу (см.: Предложение шведского фельдмаршала Эверта Горна Новгородскимъ земскимъ чинамъ, относительно принятия мер къ обезпечению подданства ихъ Шведскому королю Густаву Адольфу // ДАИ. Т.2. С. 74–75).

³⁵ Там же. С. 49.

Е.М. Кончакова
г. Липецк (Россия)
Липецкий гос. пед. ун-т

ЛИЦО ВЛАСТИ В ПЕРИОД СМУТЫ: ЯКОБ ДЕЛАГАРДИ В РОЛИ НОВГОРОДСКОГО НАМЕСТНИКА

Данная статья посвящена главе администрации Великого Новгорода в период Смутного времени – Якобу Делагарди. В статье представлена краткая биография Делагарди, его продвижение по карьерной лестнице. Автор рассматривает способности Делагарди не только как выдающегося военачальника, но, в большей степени, как политического деятеля. Также рассматривается роль Якоба Делагарди в подписании Столбовского мира 1617 г. и прекращении польско-шведского конфликта.

Ключевые слова: Якоб Делагарди, Густав II Адольф, Великий Новгород, Смута, Столбовский мир, Альтмаркское перемирие.

В период Смуты в России сложилась нестабильная ситуация, однако относительно стойким положение выглядело в Великом Новгороде. Именно там, в 1611 году утвердилась шведская администрация. Во главе города со шведской стороны стоял Якоб Делагарди. С именем этого человека связывают особый режим, установленный в Новгороде. Каким было лицо власти, а также, почему именно Делагарди уважали новгородцы, необходимо узнать, составив портрет данного человека. Для решения поставленных вопросов необходимо использовать «Шведский биографический лексикон», изданный на шведском языке¹.

Якоб Понтус Делагарди (1583–1652) – сын французского наемного солдата и внебрачной дочери короля Юхана III. Он

¹ Svenskt biografiskt lexicon. Stockholm, 1931. b. X. P. 634–657.

длительное время командовал войсками во время войны с Россией, затем вел переговоры о ее завершении, в результате чего Швеция получила выгодную для себя восточную границу. Делагарди за время своей карьеры нажил значительное состояние, а также обзавелся владениями в Швеции и Финляндии².

В первой половине периода нового времени во время военных действий широко использовались наемные войска с весьма пестрым национальным составом. Наемники были в большинстве своем авантюристами, и их мораль и преданность обычно были невысоки, даже по самым скромным меркам, однако многие из них были весьма талантливыми людьми. Один из таких наемников-авантюристов, по случайности оказавшийся на службе в Швеции, француз Понтус Де ла Гарди был отличным командующим и ему было позволено жениться на внебрачной дочери короля Юхана III. В этом браке родился Якоб, который, исходя из этого, принадлежал к высшему сословию. Делагарди рано остался сиротой. Мать умерла вскоре после его рождения, а отец утонул в 1585 г. в Нарве. Делагарди состоял при шведском дворе во время правления своего дедушки по матери Юхана III, а после его смерти переехал в Ревель³. Еще не достигнув восемнадцати лет, Якоб был включен в борьбу с поляками. Якоб, как и его отец, не получил общего образования, а выбрал военную карьеру. Он был произведен в полковники и получил назначение в полк. Однако знатное происхождение еще не обещало высоких достижений в карьере, нужно было продемонстрировать свою мощь. Начало не выглядело многообещающим. Шведы терпели поражения и Карл IX сам покинул театр военных действий. Делагарди вместе со своим двоюродным братом, внебрачным сыном Карла IX, остался защищать город Вольмар, чьи укрепления были разрушены, а гарнизон был малочисленным по сравнению с силами осаждавших поляков⁴. После двухмесячной осады город был вынужден сдаться и Делагарди оказался в плену у поляков. Он освободил-

² *Ibid.* P. 643–635.

³ *Ibid.* P. 636.

⁴ *Ibid.* P. 638.

ся лишь спустя четыре года. Самым выдающимся военачальником протестантской Европы того времени был Мориц Оранский из Нидерландов, к нему в ученики и отправился Деллагарди, который решил взяться за военное искусство. Во многом благодаря Деллагарди шведская армия взяла на вооружение принципы дислокации и новый порядок ведения боя, типичные для военного искусства Морица Оранского⁵. Когда Швеция готовила военный поход в Россию, Деллагарди в конце 1608 г. был назначен командующим войсками. Поначалу успех сопутствовал Деллагарди. В марте 1610 г. шведская армия вошла в столицу России, где царь Василий Шуйский принял ее как армию-союзницу. Однако в апреле 1610 г. Деллагарди лишился своего русского друга – М.В. Скопина-Шуйского. Этих людей связывали достаточно теплые чувства, что позволяет говорить о крепком союзе шведов и русских на тот период. Когда умер Скопин-Шуйский, Деллагарди долго оплакивал его, сетуя на то, что таких великолепных людей вряд ли можно еще найти⁶. В том же году армия Деллагарди потерпела поражение от польско-русской армии в битве под Клушино⁷. Войска вынуждены были отступить. Битва под Клушино была довольно типичной для того времени: не получив жалования, иностранные наемники в составе шведской армии разграбили собственный лагерь и в разгар боевых действий перешли на другую сторону. Русские войска пассивно наблюдали за столкновениями между шведами и их противниками и всем происходившим в шведских войсках.

Окружив Кексгольм и захватив город, Деллагарди захватил в 1611 г. Новгород и уговорил – или заставил – город выбрать своим царем сына короля Швеции Карла IX Густава Адольфа, а сам стал городским наместником. Какого-либо денежного попечения Деллагарди не получал из Швеции, в которой была тяжелая экономическая ситуация. Поэтому дальновидный предприниматель и неплохой политик Якоб Деллагарди

⁵ *Ibid.* P. 638–639.

⁶ *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 167–168.

⁷ *Svenskt biografiskt lexicon.* P. 639.

самостоятельно наладил работу новгородской администрации, с тем, чтобы получать доход в казну, в пользу наемного войска, на жалование служилых людей. Существует мнение, что Якоб Делагарди зачастую не смотрел на требования шведской короны, а проводил свою политику более гибкую по отношению к новгородскому населению. Якоб Делагарди не стремился стать карателем, видимо поэтому, уже во время наместничества Эверта Горна в Новгороде, на имя Делагарди продолжили поступать челобитные⁸.

Глава шведской администрации понимал, что удержать территорию гораздо труднее, чем завоевать ее, стремился расположить к себе местное население. Как отмечает Г.М. Коваленко: «Неизвестно, читал ли он «Государя» Макиавелли, который рекомендовал завоевателю «сохранить прежние законы и подати», но его поступки вполне соответствовали рекомендациям итальянского мыслителя. Он поселился в Новгороде, выучил русский язык и осуществлял управление оккупированной территорией на основании русских законов, опираясь на русскую администрацию. Фискальная практика шведской администрации опиралась на русские традиции. В условиях распада государства и гражданской войны Новгород нашел в себе силы для самоорганизации и начал восстанавливать, казалось бы, давно забытые республиканские порядки»⁹.

После смерти Карла IX в 1612 г. выбор был изменен и пал на младшего брата Густава Адольфа Карла Филиппа. Швеция хотела с помощью династических связей заполучить в лице России надежного союзника. К этому же стремился и польский король. Однако польские войска были изгнаны из Москвы. Новым царем был выбран Михаил Романов. В 1614 г. Делагарди был отозван с поста новгородского наместника, т. к. считал

⁸ См. напр.: Донесение Ямбургского наместника Клауса Халла к графу Якову Делагарди (после 25 мая 1616 года) // *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. Юрьев (Dorpat), 1896. С. 35–37.

⁹ *Коваленко Г.М.* Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты. М., 2010. С. 68–69.

дальнейшие попытки шведской короны приобрести Новгород полнейшей авантюрой. В следующем году он вернулся обратно, но попытка захвата Пскова не удалась¹⁰. В 1617 г. после переговоров, наконец, удалось подписать Столбовский мир¹¹. Шведской делегацией на переговорах руководил Делагарди. Примечательно, что составители склоняются к мнению, что эта кампания шведских войск была в первую очередь войной против Польши, а не России. В 1619 г. его назначили наместником в Таллине, а в 1622 г. – генерал-губернатором Лифляндии. В 1620 г. он был произведен в маршалы¹².

Военное противостояние Швеции и Польши продолжалось. Польский король Сигизмунд считал своего племянника Густава II Адольфа узурпатором и мятежником. Интересы обеих держав столкнулись в Лифляндии. Рига оказалась в руках шведов в 1621 г., а в следующем году удалось добиться перемирия. Делагарди на посту генерал-губернатора Лифляндии оказался более миролюбивым, чем король Густав II Адольф, что еще раз подтверждает лояльность этого человека к местному населению, будь то русский, либо иной другой народ. Ему удалось, при соблюдении указаний короля, договориться о продлении перемирия на год. Но король был не вполне доволен, поскольку, уладив отношения с Данией, он был готов возобновить военные действия в Лифляндии. Маршалу трудно предъявлять претензии – он выполнял приказы. Он сделал все возможное, чтобы добиться продления перемирия, но оно было нарушено. Делагарди в 1628 г. попросил отставки с поста главнокомандующего, посчитав, что ему не удалось добиться успехов на поле битвы. Она была принята не столько из-за неудач, сколько потому, что проводимая им политика, в очередной раз, расходилась с тем, что от него ждал король¹³. Вернувшись в Швецию, Делагарди в 1630 г. возглавил военную коллегию. В Государственном совете он придерживался той же мирной по-

¹⁰ Svenskt biografiskt lexicon. P. 640–641.

¹¹ *Ibid.* P. 642.

¹² *Ibid.* P. 642–643.

¹³ *Ibid.* P. 644–645.

литики по отношению к Польше, что и в период своего пребывания в Лифляндии. После окончания Альтмаркского перемирия в 1635 г. он, в отличие от большинства государственных советников, выступал за продолжение переговоров. Он активно влиял на ход переговоров и в большой степени благодаря ему было достигнуто длительное перемирие. Такая политическая линия привела к конфликту с канцлером Акселем Оксеншерной, но позднее отношения улучшились, когда Делагарди поддержал канцлера в его политике по отношению к Германии. Когда Аксель Оксеншерна вернулся в Швецию и принял руководство Государственным советом, значение Делагарди уменьшилось. Однако он оставался выдающимся политическим деятелем вплоть до своей смерти¹⁴. Он успешно занимался предпринимательской деятельностью, а его принадлежность к высшей знати Швеции еще более укрепились, когда он в 1618 г. женился на любимице Густава II Адольфа Эббе Брахе.

Подводя итог, стоит отметить, что Якоб Делагарди был одним из наиболее выдающихся шведских военачальников. Как государственный деятель он, безусловно, также принадлежит к выдающимся личностям. Якоб Делагарди отличался своей миролюбивостью, благоразумностью. Он остался в памяти новгородцев и исследователей, не только как шведский военачальник, но и как дальновидный политик. Благодаря ему Новгород сохранял свою относительную стабильность в период тяжелой русской Смуты.

¹⁴ *Ibid.* P. 648–650.

Е.М. Симонженкова

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т. им. М.В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ НАЧАЛА XVII ВЕКА ИСПАНСКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ

Данная работа посвящена проблеме восприятия России начала XVII века жителями Испании. Автор рассматривает различные аспекты образа России эпохи Смутного времени, включая отношение испанцев к личностям царей, православной церкви, а также всей русской истории. Особое внимание уделяется их взгляду на идеального монарха и, наоборот, деспота на троне. Данное исследование выявило причины формирования такого мнения о России и его вероятные последствия. Необходимо уточнить, что, для понимания трансформации представлений о России были проанализированы два специфических разновременных источника – более ранняя пьеса Лопе де Веги «Великий князь Московский, или Преследуемый Император» и более поздняя пьеса Педро Кальдерона де ла Барки «Жизнь есть сон».

Ключевые слова: Россия, Испания, восприятие, Смутное время, Лопе де Вега, Педро Кальдерона де ла Барка.

История России знает немало переломных и трагичных периодов, которые, так или иначе, повлияли на дальнейшее развитие страны. Одним из важнейших таких периодов, оказавшим грандиозное влияние и приведшим к закреплению на русском престоле новой династии – Романовых, подарившей нашему историческому и культурному наследию огромное количество выдающихся, всемирно известных государственных деятелей является эпоха Смутного времени.

Смутное время – это термин, который находит свои истоки еще в далеком XVII веке, данный периоду с последнего

десятилетия XVI века по 1613 год Г. Котошихиным¹. Характеризуется этот период, что видно даже из толкования самого названия, многочисленными народными восстаниями, мятежами, иностранной интервенцией, стихийными бедствиями в виде неурожайных лет, а также глубоким кризисом социального, экономического и государственного устройства России.

Однако об одном ключевом явлении Смуты мы решили упомянуть отдельно, поскольку, по нашему мнению, оно является показателем глубокого политического кризиса, отрыва власти от народа и растущей пропасти между ними. Таким явлением нужно считать феномен самозванства, который возник именно в эпоху Смуты и впоследствии захватил весь XVII век. Он идеально отражает различные аспекты социальной структуры общества России. Главной причиной возникновения этого феномена можно считать то, что народ, недовольный существующей властью, желающий изменить хоть что-то, находясь в совершенно безысходном положении, поддерживал любого человека, который выдавал себя за легитимного правителя, оторванного от власти, и имел достаточно смелости, чтобы раздавать громкие обещания.

Самозванчество не было чем-то из ряда вон выходящим и для многих стран Европы, хотя, безусловно, масштабы самозванства русского и европейского несопоставимы. Одной же из стран, которую этот феномен коснулся косвенно или не коснулся вовсе, была Испания. Именно поэтому тема смутного времени, а точнее тема первого русского самозванца – Лжедмитрия I, могла интересовать европейцев. Явное отражение этого интереса мы находим в популярном в то время жанре испанской литературы – пьесе, у таких писателей, как Лопе де Вега, Кальдерон, Сервантес, Франсиско де Кеведо и Э. Суарес де Мендоса. Как же испанские писатели XVII века воспринимали события, происходившие в России, чем это было обусловлено и какие цели преследовали авторы пьес – это и есть главные вопросы, на которые нам необходимо найти ответы.

¹ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб, 1840.

Актуальность нашего исследования с первого взгляда неочевидна. Однако состоит она в том, что тема исследования имеет привязку к настоящему времени, процессам и явлениям, происходящим в современном мире. Под такими явлениями мы, во-первых, имеем в виду непонимание разными этническими группами, народами, нациями явлений, происходящих в том или ином обществе, что обусловлено, вероятнее всего, различиями в менталитетах. Во-вторых, глубокий разрыв между Россией и Западом, выраженный в восприятии испанскими литераторами событий Смуты и в целом России как чего-то варварского и чуждого, который стал этапом формирования кардинально отличных систем ценностей, а значит, и мировоззрений России и Западного мира. В-третьих, немаловажным фактом, доказывающим актуальность нашего исследования, может служить усиление в последнее время интереса к тематике межкультурной коммуникации и связей различных культур.

Исследование основано на двух достаточно крупных источниках, пьесах Лопе де Вега «Великий князь Московский, или Преследуемый Император» и Педро Кальдерона де ла Барки «Жизнь есть сон». Пожалуй, специфичность источников, использованных для анализа, состоит в их характере: оба они являются художественными произведениями. Из этого можно сделать несколько выводов. Во-первых, в связи с тем, что Лопе де Вега и Кальдерон, являясь весьма образованными людьми, все же не были историками, упомянутые выше источники хотя и отражают некоторые подлинные исторические факты, созданы отнюдь не с целью «написать историю, а создать драму»². Таким образом, данные, указанные в источниках, необходимо подвергать более тщательному анализу и проверке. Во-вторых, репрезентативность этих источников, вне всякого сомнения, довольно низкая, потому что любое художественное произведение (не зависимо от того, является ли оно произведением на

² *Molina-Moreno F.* Знаменитый испанский предшественник Пушкина: «Великий князь Московский» Лопе де Вега (перевод Я. Князевой) // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. М., 2007. Т. 2.

историческую тематику, или нет) представляет собой, по большей части, авторскую выдумку, полет авторской фантазии.

Источники, хотя и относятся к одному литературному жанру – пьесе, весьма неоднородны и в разной степени репрезентативны. Это, в первую очередь, обусловлено тем, что один из авторов, а именно Кальдерон де ла Барка, представил события Смуты в аллегорическом свете, не называя, в отличие от Лопе, героев этих событий даже сколько-нибудь похожими именами (Дмитрий в пьесе Лопе – Деметрио, в пьесе Кальдерона – Сехисмундо, и т.д.).

Необходимо обратить внимание на то, что, несмотря на объективные трудности исследования выбранных нами пьес, они представляют широчайший материал для изучения поставленной проблемы. Конечно, пьесы по-разному репрезентативны, однако они успешно дополняют друг друга. Информация, содержащаяся в наиболее информативном источнике, «Великом князе Московском...», может быть дополнена и подтверждена, а иногда и опровергнута информацией из пьесы «Жизнь есть сон», благодаря чему исследователь получает ценную возможность сопоставления фактов и рассмотрения проблемного вопроса с разных углов зрения. Кроме того, из драм Лопе де Веги и Педро Кальдерона де ла Барки можно извлечь информацию о разных сферах жизни русского человека и общества XVII века: о политической, социальной, духовной и даже, в какой-то степени, экономической. Таким образом, мы считаем, что проанализированные выше источники, хотя и являются произведениями художественными и требуют большей внимательности и придирчивости во время их изучения, незаменимы в исследовании вопроса об образе России периода Смуты глазами испанцев.

Конечно, произведения Лопе де Вега и Кальдерона де ла Барки не лишены многочисленных исторических неточностей, однако мы не считаем нужным, в отличие от А.Н. Федорова и Б.В. Варнеке³, жестко критиковать авторов, потому что можем

³ Подр. см.: *Федоров А.Н.* Лжедмитрий в испанской драме XVII века // Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки. 1898. №

найти им оправдание. Во-первых, между Испанией и Россией, на момент написания пьес, были установлены весьма скудные международные связи, поэтому достоверная информация из первых уст могла, попросту, не доходить до Испании. Однако, с эволюцией этих связей и их расширением и углублением, как уже было сказано выше, мы можем заметить и эволюцию в суждениях о России испанских авторов: произведение Лопе содержит гораздо больше неточностей, нежели произведение Кальдерона, написанное через тридцать лет. Во-вторых, испанские авторы, не являясь профессиональными историками, не имели целью отразить реальные события, происходившие в России, поэтому добавляли многое от себя. Наоборот, стоит обратить внимание на проделанную ими историческую работу, поскольку им все-таки удалось отразить события Смуты достаточно достоверно. В-третьих, исторические неточности и ошибки, по нашему мнению, не были сделаны умышленно, с целью трансформации знания о России. Но, нельзя, конечно, не сказать о том, что мы отметили некоторую легкую пропаганду, присутствующую в строках Лопе, однако на общее представление жителей Испании это упущение вряд ли могло бы как-либо повлиять. В-четвертых, многочисленные несущественные неточности в пьесе могут быть связаны с ошибками малограмотных писцов⁴, а также всевозможными цензурными запрещениями, так что обвинять авторов мы не вправе.

Перейдем к непосредственному исследованию ошибок исторических реалий в пьесах. В первую очередь, хочется отметить, что Лопе де Вега, в отличие от Кальдерона, неправильно определил степень родства Дмитрия относительно Ивана Грозного и утверждал, что он был его внуком, сыном Федора Ионовича, что, конечно же, противоречит истории. Кальдерон оказался более точным: назвав правителя Басилио (как и Лопе), а

8. С. 107; *Варнеке Б.В.* Трагедия Лопе де Вега «Дмитрий Самозванец» // Театр и искусство. 1903. № 19. С. 383–385.

⁴ *Балашов Н.И.* Рукописи испанских драм о Руси и гуманистическая традиция литературы Испании XVII века // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1964. Т. 23. Вып. 1. С. 18–35.

его сына Сехисмундо сделав аналогом царевича Дмитрия, он попал в точку.

Кроме всего прочего, хотелось бы показать многочисленные ошибки в географических и исторических названиях. Если у Кальдерона весь исторический сюжет перевернут с ног на голову, да и о реальных географических названиях не идет и речи, о чем мы частично говорили выше, то произведение Лопе изобилует такого рода неточностями. К примеру, вместо «царь Астраханский» писец с рукописи списывал более привычное ему «царь Хорасанский»; вместо Ливония – «Бибония»; вместо Casano – «Casiano», и так далее⁵. Таким образом, можно прийти к выводу, что, поскольку подобных ошибок мы не отмечаем в личной рукописи пьесы Лопе де Веги, значит, сам автор был осведомлен о тонкостях Русской истории, а значит многие ошибки в пьесе – отнюдь не его вина.

Итак, в заключение хотелось бы сказать, что исторические неточности в художественных произведениях Лопе де Веги «Великий князь Московский, или Преследуемый Император» и Кальдерона де ла Барки «Жизнь есть сон», конечно, имеют место быть, ввиду того, что наши источники представляют собой произведения художественной литературы. Кроме того, ошибки не столь значительны, чтобы каким-либо образом повлиять на образ России из Испании.

⁵ Там же.

Д.В. Чиркова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ВЪЕЗДЫ В МОСКВУ В ПРАВЛЕНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ I ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

Статья посвящена восприятию иностранными авторами торжественных въездов в Москву Лжедмитрия I и Марины Мнишек. Особое внимание уделяется анализу взглядов иностранцев на легитимность Лжедмитрия I.

Ключевые слова: торжественные въезды, Конрад Буссов, Арсений Елассонский, Исаак Масса, Жак Маржерет, Элиас Геркман, Лжедмитрий I, Марина Мнишек.

В начале XVII в. в России разыгрались бурные события Смутного времени. Иностранцы-современники называли их «московской трагедией». В период Смуты Россия была открыта для проникновения иностранцев, которые чувствовали себя вольготно. Лжедмитрий I долгое время жил в кругу польских аристократов и в связи с этим привнес в русские церемонии польские обычаи.

В данной статье поднимается проблема восприятия иностранцами легитимности власти царевича Дмитрия. Кроме того проведен анализ сведений иностранцев о въезде невесты царя, которое являлась неординарным событием, так как она была иностранка и имела другое вероисповедание. Изучение торжественных въездов и их сакрального значений является первым этапом к изучению дальнейших придворных церемоний в пери-

од правлений Лжедмитрия I. Данная тема не достаточно освещена в отечественной литературе. Проблема въезда самозванца рассматривалась в исследовании Василия Ульяновского «Смутное время», но не с точки зрения восприятия иностранцами, а в контексте реконструкции процедуры въезда¹.

В качестве источников в статье использованы сведения иностранных авторов, которые являлись очевидцами событий начала XVII в.: Арсения Елассонского², Конрада Буссова³, Исаака Массы⁴, Жака Маржерета⁵, Элиаса Геркмана⁶.

Всего при самозванце торжественных въездов было 2 – царевича Дмитрия и его невесты полячки Марины Мнишек.

По сообщению источников торжественный въезд самозванца в столицу произошел 20 июня. Конрад Буссов, как очевидец событий, сообщает уникальные сведения о приготовлениях к церемонии въезда в столицу. По его словам, бояре приготовили для самозванца «красивые, пышные, дорогие одежды из порчи, бархата и шелка, вышитые драгоценными камнями и жемчугом»⁷. От них же самозванец получил приглашение вступить в город и на престол. Как военный Буссов при описании самого въезда обращает внимание на порядок шествия, шеренги, количество людей, лошадей. Взгляд военного отмечал не символичность шествия, а сам процесс⁸. Слева и справа от Лжедмитрия ехали знатные князья и бояре, одежда которых была такая же богатая, как и у самого царя. Впереди и сзади на конях двигались польские воины в полном обмундировании, с

¹ Ульяновский В. Смутное время. М., 2006.

² Елассонский А. Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998.

³ Буссов К. Московская хроника // Там же.

⁴ Массе И. Краткое известие о Московии // О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

⁵ Маржерет Жак. Записки // Смута в Московском государстве. М., 1989.

⁶ Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени.

⁷ Буссов К. Указ. соч. С. 49.

⁸ Ульяновский В. Указ. соч. С. 154.

трубами и литаврами. Таким образом, свита Лжедмитрия I передвигалась с громкой и веселой музыкой. Кроме звуков музыкальных инструментов целый день звучали все колокола Кремля. Торжественность и масштабность въезда подтверждается еще и тем, что на улицах города можно было встретить большое множество людей: «длинные широкие улицы были так полны народу, что ни клочка земли не видать было. Крыши домов, а также колоколен и торговых рядов были полны людьми, что издали, казалось, что это роятся пчелы»⁹.

Исаак Масса считает, что в момент вступления Лжедмитрия I в столицу он был окружен 8 тысячами казаков и поляков. Как и Конрад Буссов он отмечает, что на улицах Москвы было множество народу, что не возможно было протолкнуться. «Все крыши были полны народом, также все стены и ворота, где он должен был приехать»¹⁰.

Когда Лжедмитрий I завершил въезд и остановился на Красной площади к нему вышел Богдан Бельский и торжественно поклонился перед народом, что самозванец – «прирожденный наследник и сын Ивана Васильевича», при этом Бельский «вытащил из пазухи свой литой крест» и поцеловал его в знак верности своих слов¹¹. В. Ульяновский считает, что данный жест не был составной частью церемонии и являлся инициативой самого Бельского, желавшего подчеркнуть свои заслуги перед Рюриковичами, спасенным царем и русскими людьми¹². Данный поступок боярина можно отнести к церемонии. Необходимо ответить, что это было нарушением церемонии, так как инициатива исходила от самого Богдана Бельского и лишь для, чтобы подчеркнуть свою важность перед царской особой.

Арсений Елассонский сообщает о церковной части церемонии вступления самозванца в столицу. Во-первых, он описал встречу – молебен и благословение. Царь Димитрий всту-

⁹ Буссов К. Указ. соч. С. 50.

¹⁰ Масса И. Указ. соч. С. 95.

¹¹ Буссов К. Указ. соч. С. 50.

¹² Ульяновский В. Указ. соч. С. 154.

пил на Лобное место, где был встречен не только жителями Москвы, но и священнослужителями с крестами, иконами, свечами и кадилницами. Так же о встрече самозванца священнослужителями сообщает Исаак Масса: «после шествия по Москве он подъехал к церкви, находящейся недалеко от Кремля, где навстречу ему вышел патриарх, епископы, священники и монахи с крестами, хоругвями»¹³.

Царевичу была поднесена икона Богоматери, которой он должен был по обычаю приложиться. Иностранные источники содержат противоречивые сведения о поклонении иконе. Самозванец приложился к иконе не по русскому обычаю. Возможно, он целовал икону по польскому обычаю, то есть в уста. Но архиепископ Арсений Елассонский утверждает, что церемония прошла без нарушений. Там же на Лобном месте произошла церковная церемония – лития, после которой самозванцу были поднесены иконы¹⁴. Таким образом, смысл первого действия заключался в максимальной торжественной встрече царя «священством» в соприсутствии главнейших святынь и благословение иконами¹⁵. После молебна на Красной площади самозванец вместе со священством пошли в Успенский собор, где Димитрий поклонился и вновь поцеловал святые иконы. Далее они посетили Архангельский собор Московского кремля, в котором произошла церемония поклонения гробам царей и великим князьям. Поклонение предкам было неотъемлемой частью церемонии. Данный жест показывал, что самозванец истинный царь. И только после поклонения святым и предкам самозванец отправился в Кремль под звон колоколов и людских криков, где и сел на царский трон. Воспоминания архиепископа Арсения наиболее подробно и точно воссоздали церковный церемониал вступления Лжедмитрия в столицу.

Таким образом, церемония въезда царевича Дмитрия осуществлена по традиционному порядку. Произошло вступление самозванца в три центра-символа России: столицу государ-

¹³ *Масса И.* Указ. соч. С. 95.

¹⁴ *Елассонский А.* Указ. соч. С. 177.

¹⁵ *Ульяновский В.* Указ. соч. С. 160.

ства, главный собор и царские палаты. Церемония носила сакральный характер, так как царевич хотел показать народу и священству свою правоту на русский престол и то, что он является истинным наследником власти – представителем династии Юриковичей¹⁶.

В мае 1606 г. в произошла церемония въезда в Москву Марины Мнишек, которая была невестой царя Дмитрия. Церемония въезда сопровождалась большой торжественностью.

Перед церемонией была осуществлена подготовка въезда царской невесты в столицу. По мнению иностранцев, встреча М. Мнишек прошла с великим торжеством. Арсений Елассонский сообщает о том, что навстречу невесте вышли бояре и знатные люди в пышных одеждах¹⁷. К. Буссов не только подтверждает сведения священнослужителя, но и приводит дополнительную информацию. По его словам, царь отправил придворных, князей, бояр, немцев, поляков, казаков, татар и стрельцов встречать невесту. Всего, по сведениям Конрада, встречающих было около 100 тысяч человек пышно одетых и разукрашенных. «А сам [Лжедмитрий I – Д.Ч.], переодетый, в сопровождении еще двух всадников скакал на коне взад и вперед, расставляя народ направо и налево по своему усмотрению, а потом вернулся в Кремль»¹⁸. Согласно этому можно сделать вывод, что самозванец лично контролировал въезд невесты. Также царь послал Марине Мнишек большую карету, обитую внутри красным бархатом, запряженную в 12 белых лошадей.

В основном иностранцы описывали колону,двигающуюся вместе с невестой по Москве. К. Буссов сообщает, что самыми первыми шли 300 гайдуков со своими дудками и барабанами. За ними в полном вооружении старые польские конники царя Дмитрия с барабанами и литаврами. Далее 12 верховых коней, о которых указано выше. За ними ехала царская невеста. По обеим сторонам кареты двигалась конная сотня копейщиков и 200 немецких алебардников. Позади кареты ехали московские

¹⁶ Там же. С. 153.

¹⁷ Елассонский А. Указ. соч. С. 181.

¹⁸ Буссов К. Указ. соч. С. 57.

знатные вельможа и родственники М. Мнишек. Далее следовали, приведенные из Польши лошади, украшенные с большой пышностью и кареты, на которых прибыла невеста из Польши в Россию.

И. Масса, который был наблюдателем въезда, а не его участником также описывает свиту Марину Мнишек, которая двигалась по улицам Москвы. Голландец сообщает о том, что вся церемония въезда продолжалась почти целый день. Впереди шли 2 отряда гайдуков. У каждого на плече был мушкет, а сбоку висела турецкая сабля. Посредине их шел знаменщик, около которого шли трубачи и флейтисты. Затем шли 3 роты польской конницы. Далее вели трех богато украшенных коней. После коней следовали вельможи и дворяне со своими слугами в торжественных одеяниях. Лишь только за ними следовала триумфальная царская колымага, окруженная алебардчиками и трабантами. По обеим сторонам шли 4 знатных боярина с обнаженными головами и 6 слуг. Затем ехали московские дворяне, бояре, дьяки, вельможи со слугами. Масса сообщает о том, что улицы были полны народа¹⁹.

В дневнике Марины Мнишек кратко сообщается о въезде в столицу. Перед въездом ей подарили от имени царя карету, которая была запряжена в 12 лошадей. На этой карете произошла церемония въезда. Рядом с каретой шли алебардчики и стрельцы. «В голове шли паны, а “москва” ехала перед каретой»²⁰.

Краткие сведения о въезде в столицу Марины Мнишек встречаются у Ж. Маржерета. Он пишет, что невеста Лжедмитрия I въехала в столицу 12 мая. «С таким великолепием, какого прежде в России не видывали: ее колесницу везли 10 ногайских лошадей, все белые с черными пятнами»²¹. Сопровождали Марину богато одетые польские всадники и вельможи.

¹⁹ *Масса И.* Указ. соч. С. 109.

²⁰ *Козляков В.Н.* Дневник Марины Мнишек. М., 1995. С. 46.

²¹ *Устрялов Н.Г.* Сказание современников о Дмитрии Самозванце. Вып. 3. СПб, 1882. С. 92.

Иностранцы сообщают, что весь процесс церемонии въезда царской невесты сопровождался музыкой. Элиас Геркман говорит о том, что на углах улиц играли музыканты в знак радости и торжественности²². Конрад Буссов указывает, что на городских воротах стояли музыканты²³. Исаак Масса сообщает уникальные сведения, которые не встречаются у других авторов: «Когда царица проехала третью городскую стену и въехала на большую сцену перед Кремлем, на помостах, нарочно для того устроенных, принялись играть на флейтах, трубить в трубы и бить в литавры»²⁴. Музыканты продолжали играть до тех пор пока вся колонна не въехала в крепость к матери царевича²⁵. Таким образом, это колоны передвигались торжественно, под звуки музыки.

Можно предположить, что въезд Лжедмитрия I прошел торжественнее, чем Марины Мнишек. Это можно объяснить тем, что знатные люди, близкие к самозванцу, пытались церемонией въезда показать полноту и законность власти Лжедмитрия и одновременно представить его жителям столицы как законного наследника.

Верили ли иностранцы, авторы указанных произведений, в царское происхождение самозванца? Греческий архиепископ Арсений Елассонский отмечал в своих записках, что самозванец демонстративно попирает древние русские традиции и быстро заслужил репутацию еретика и чародея. Голландец Исаак Массы неоднократно подчеркивал, что царевич Дмитрий – самозванец. Другой голландец, Элиас Геркман, считал Лжедмитрия I истинным царевичем, а не самозванцем. Так же считали и наемники на русской службе немец Конрад Буссов и француз Жак Маржерет, сведения, которые имеют большую ценность как воспоминания очевидцев, находящихся в непосредственной близости к Лжедмитрию I. Таким образом, мнения

²² Геркман Э. Указ. соч. С. 227.

²³ Буссов К. Указ. соч. С. 57.

²⁴ Масса И. Указ. соч. С. 110.

²⁵ Козляков В.Н. Указ. соч. С. 46.

иностранцев, как и их русских современников по данному вопросу разделились.

По сведениям иностранных авторов можно реконструировать въезд царевича Дмитрия и Марины Мнишек в Москву. В обоих случаях иностранные источники с разной степенью полноты, точности и детализации описывают въезды. Арсений Елассонский, как представитель священства, описывал в основном церковную часть церемонии въезда самозванца. Для остальных иностранцев важна была не столь церемония сама по себе, сколько всеобщее принятие самозванца русскими, призвание его достойным царем. Также они подчеркивают пышность, богатство и масштабность въездов, т. е. их в основном интересовала внешняя сторона церемонии.

И.А. Калугин
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

РУССКО-ВЕНГЕРСКИЕ КОНТАКТЫ В ХОДЕ ДВИЖЕНИЯ МАДЬЯР В ПАННОНИЮ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ЛЕТОПИСЦА И ВЕНГЕРСКОГО ХРОНИСТА

Статья посвящена проблеме взаимовосприятия отношений русских и мадьяр на примере описания событий, связанных с движением венгров в Паннонию. Проблема рассматривается путем сравнения известных «Повести временных лет» и «Деяний венгров», с учетом исторических обстоятельств, сложившихся к моменту создания того и другого памятника.

Ключевые слова: мадьяры, русские, военные столкновения, Паннония, Русь.

Конец IX века н. э. – беспокойное время. Ещё продолжается Великое переселение народов. В Европе возникают и гибнут под ударом захватчиков государства. Первое славянское государство появляется у западных славян (Великоморавское). Большинство же славян еще только на пути к государству. В конце столетия у восточных славян появляется достойный лидер, способный объединить разные племена – Вещий Олег. И в это время восточные славяне сталкиваются с мадьярами.

Венгры – своеобразный, удивительный народ. Если посмотреть на эту удивительность с исторической точки зрения, то можно сказать, что венгры – один из немногих народов, который, пройдя огромный исторический путь развития, сохранил свой язык, своё этническое ядро. Несмотря на огромные расстояния, которые этот народ прошёл от своей прародины до своей нынешней территории, он не слился с другими народами,

как это было очень часто в древней истории. Первые контакты мадьяр и русских нашли отражение уже в ранних русских (Повесть временных лет /далее – ПВЛ/) и венгерских (Деяния венгров) источниках.

Авторство венгерского источника «Деяния венгров»¹ принадлежит нотарию венгерского короля Белы III, написавшего свой труд, как установил Л. Силадьи, в 1196–1203 гг.² В нём он повествует о том, как венгры шли через территорию Руси в Паннонию. До Киева они дошли без препятствий. Затем захотели венгры подчинить русское княжество. Но вожди русов, собрав воинов и призвав на помощь половцев, вступили в бой с Альмошем, вождём мадьяр. Конечно, русы и их союзники, половцы, проиграли битву и бежали за крепкие городские стены в Киев, оставаясь там, когда мадьяры грабили соседние поселения. По истечении времени, опасаясь падения Киева, вожди русов предложили Альмошу дары и дань, на что тот и согласился. В этот период, видя милосердие Альмоша, половецкие вожди присоединились к нему и поклялись в вечной верности. На пути следования в Паннонию мадьярам попались ещё города Галич и Владимир, которые без боя решили откупиться от Альмоша и его воинов. Таким образом, подчинив Киев, Галич и Владимир Альмош ушёл в Паннонию³.

Совсем иначе освещает события ПВЛ: «В лѣто 6406. Идоша угре мимо Киевѣ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское, и пришедше къ Днѣпру, сташа вежами; бѣша бо ходяще, яко и половци. И пришедше от вѣстока и устремилася чересь горы великыя, иже прозвашася горы Угорьскыя, и почаша воевати на живушца ту»⁴.

¹ Деяния венгров (Gesta Hungarorum): URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Gesta_Hungarorum/frame.htm

² Там же.

³ Там же.

⁴ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 17–18; ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 25.

Как видим, ПВЛ не сообщает ни о войне русов с мадьярами, ни, тем более, о подчинении им русских городов. Хотя фраза о том, что венгры стояли вежами рядом с Киевом может, косвенно, свидетельствовать о серьезном напряжении и, возможно, о военном столкновении.

Ответ на имеющиеся несостыковки в двух источниках можно поискать в исторической ситуации, в которой создавались оба труда и прежде всего – «Деяний венгров», которые невероятно подробно сообщают о событиях более чем 300-летней давности.

Как мы помним, рассматриваемая хроника написана на рубеже XII–XIII вв. Чтобы лучше понять эту эпоху, необходимо совершить небольшой экскурс в историю. В 1084 году на территории будущего Галицкого княжества вокняжились Ростиславичи – Рюрик, Володарь и Василько. В результате войн с волынскими и киевскими князьями в конце XI века, они добились для себя отдельных княжений. В 1141 году эти княжества были объединены Владимиром Володаревичем в единое Галицкое княжество со столицей в Галиче. Оно поддерживало связи с Киевским и Суздальским княжествами, а также с половцами для противостояния с польскими, волынскими и венгерскими правителями. Затем правил Ярослав Осмомысл (1153–1187), сын Владимира Володаревича, который присоединил к Галицкому княжеству земли современной Молдавии и Придунавья. После смерти Осмомысла в 1187 году наступила сложная политическая ситуация: бояре не приняли наследником внебрачного сына Ярослава Осмомысла Олега, хотя его признал князь-отец. Этим воспользовался венгерский король Бела III, который, опираясь на провенгерскую боярскую группировку («случился великий заговор в Галицкой земле»), захватил Галич и объявил себя «королем Галиции». Только при помощи императора Фридриха Барбароссы и Польши, Галич был возвращён последнему князю из ветви Ростиславичей – Владимиру Ярославичу.

Венгерский король, как покажут дальнейшие события, с этой потерей не смирился. Естественно, ему важно было обосновать свои права на Галицию. Какие права на землю существовали в те времена? Это было право первопоселения, право завоевания,

право покупки земли. Право первопоселения или покупки земель Галицкого княжества венграм доказать было невозможно, тем более этого и не было. Как говорил Отто фон Бисмарк: «Главное – захватить чужой город, а там уж историки обоснуют, почему это исконно наши земли». С захватом проблем нет, Бела III завоевал Галич, но вот исторического обоснования не было. Тут и появляется наш Аноним, которому, вероятно, было поручено составление подобного труда. Наряду с военно-политическими мерами Аноним пытается подвести идеологическое обоснование захватнической политики своего короля. Аноним явно превозносит военные успехи мадьяр того периода, а русских он выставляет трусоватыми. Русские князья, по словам Анонима, боятся мадьяр и призывают себе на помощь семёрку неких половецких вождей. Это открытая ложь. Не могли Киевские князья в веке призвать половцев, так как половцы ещё даже не пришли в Причерноморские степи. Но есть здесь небольшая деталь, указывающая на уважение мадьяр к русским. Русские князья, согласно хронисту, посоветовавшись, решили начать битву с вождем Альмошем, желая лучше умереть в бою, нежели потерять свое королевство и помимо своей воли подчиниться вождю Альмошу⁵. Видим, что Аноним, всё-таки, указывает на независимый дух князей-противников. Нелестно автор отзывается вначале и о половцах. Половцы представлены гораздо слабее венгров: «Воины вождя Альмоша рубили голые головы половцев, словно то были сырые тыквы»⁶. Их слабостью и милостивым отношением Альмоша к русским и объясняется присоединение половецких вождей к Альмошу впоследствии.

Таким образом, в венгерском источнике идёт речь даже не о простом завоевании Киевской земли, а о том, что венгры имели возможность изгнать русов и поселиться на их местах. Но на счастье Киевских князей Альмош взял единовременную выплату, установил дань, взял заложников и ушёл в Паннонию. По пути ему открыли ворота города Владимир и Галич, где Альмош поступил так же – взял дары и ушёл.

⁵ Деяния венгров (*Gesta Hungarorum*).

⁶ Там же.

Иные исторические обстоятельства создания ПВЛ. К концу XII в., когда она создавалась, серьезных противостояний между венграми и Русью еще не было. Венгры если и приходили на Русь, то как союзники того или иного русского князя в междоусобном противостоянии. Ни киевские, ни галицко-волынские князья не собирались претендовать на венгерские земли. Народные предания, судя по всему, не помнили военных конфликтов с мадьярами эпохи «обретения Родины». Поэтому даже стоянка венгров под Киевом во время продвижения в Панонию не отложилась в народной памяти как военное противостояние⁷.

Следует отметить и еще одно обстоятельство. Еще А.Л. Шлёцер отмечал объективность ПВЛ по сравнению с современными и более поздними к ней европейскими хрониками. Данное обстоятельство он всецело относил к заслугам великого Нестора. Сейчас мы знаем, что ПВЛ, типологически близка к раннесредневековым европейским хроникам (Беды Достопочтенного, Григория Турского и т. п.). А раннесредневековая европейская летописная традиция была более объективной, по сравнению с книжной традицией развитого и позднего средневековья.

⁷ Воевать, согласно ПВЛ, угры стали уже после того, как перешли через Карпаты: «Идоша Оугре мимо Киевъ... и придоша къ Днепру, сташа вежами <...> и устремишася чересь горы... Оугорьскыя, и почаша воевати на живущая ту...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 17–18; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 25).

Н.М. Колеватов
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ПРОТИВОСТОЯНИЕ РУССКИХ И ТЕВТОНОВ ГЛАЗАМИ ГЕНРИХА ИЗ ЛИВОНИИ: ОСОБЕННОСТИ ОСАДЫ ГОРОДОВ И ЗАМКОВ

Работа посвящена реконструкции восприятия автором «Хроники Ливонии» военного противостояния русских и крестоносцев, на примере анализа им осады и обороны замков. Особое внимание уделяется проблеме «свой–чужой» в постановке Генриха из Ливонии, эволюции, по мере углубления противостояния, отношения к русским, формированию стереотипов их восприятия у немецкого населения Прибалтики.

Ключевые слова: «свой–чужой», русские, тевтоны, осада, город, замок, эсты, семигалы, ливы, лэты.

Прибалтийский регион в конце XII – начале XIII века – место, населенное языческими народами: ливами, эстами, семигаллами, селами, куршами, пруссами, ятвягами и пр. Наиболее воинственными были литовские племена, нападавшие на соседей и воевавшие друг с другом. Предки латышей и эстонцев платили дань русским князьям. На рубеже XII–XIII вв. сюда начинается крестоносная экспансия, центром которой становится Рига – столица ордена меченосцев. В итоге сталкиваются интересы немцев, которые стремились освоить Прибалтику, интересы русских собиравших дань с этих земель, интересы местных племен, которые не желали ни платить дань русским, ни быть обложены немецкими налогами, ни принимать христианство. Активизировались литовцы и эсты устраивавшие военные набеги на прибалтийские племена, рижан и русских.

Настоящая статья посвящена реконструкции представлений Генриха из Ливонии об особенностях осады и обороны городов русскими войсками. Рассматриваемая тема следует в русле проблемы взаимовосприятия России и Европы, основы которого закладывались в эпоху средневековья. Именно средневековые хронисты, такие как Генрих, наряду с купцами и воинами, формировали в общественном сознании европейских народов стереотипы восприятия Руси и русских, многие из которых, в видоизмененном и не очень виде, сохранились до настоящего времени. Параллельно шло складывание соответствующих стереотипов и у народов Восточной Европы о своих западных соседях.

Наиболее подробную информацию Генрих предоставил о «своих» – тевтонах (немцах). Он относил себя к этому народу и участвовал с ними в процессе освоения и христианизации Прибалтики. Хронист неоднократно подчеркивает осадное мастерство немцев, дает подробный перечень и описание применяемых ими тактических приемов и осадных орудий. Тевтоны, согласно хроники, эффективно использовали баллисты, арбалеты, осадные башни, владели навыками комбинированной осады. Яркий пример – штурм Дабрелы (укрепленного поселения ливов) в 1212 г.: «И бились, обороняясь, много дней. Тевтоны же, разрушая осадными машинами замковые укрепления, метали в лагерь массу тяжелых камней и перебили много людей и скота; другие прогоняли с вала защитников замка, ранив стрелами много народу; третьи построили осадную башню»¹.

В этом отрывке мы видим разделение ролей штурмующих: баллистиарики обстреливали вражеские укрепления камнями, арбалетчики наносили существенный урон живой силе противника и прогоняли защитников с вала и крепостных стен, тевтонцы строили осадные башни и рыли подкопы.

Ещё один яркий пример комбинированной осады – взятие эстонской крепости Филиэнде тевтонами ливами и лэттами в 1211 г. Ливы и лэтты, разоряли окрестность, снабжали союзни-

¹*Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, перев. и коммент. С.А. Аннинского: 2-е изд. М.; Л., 1938. С. 149.*

ков продовольствием, завалили бревнами ров. «Тевтоны устроили осадную машину и метали камни днем и ночью, проламывая укрепления; в замке они перебили бесчисленное множество людей и скота, так как эсты, никогда невидавшие ничего подобного, не укрепили своих жилищ против таких ударов»².

Очень красочно Генрих Ливонский описывает осаду Дорпта. Тевтоны использовали камнеметательные орудия, баллисты, патэрллы, метавшие в замок раскаленное железо и огненные горшки. Для поддержания боевого духа было предложено первому, кто заберется на крепостной вал богатые трофеи, что оказалось эффективным и стимулировало тевтонов действовать активнее³.

Порой эффективность и размеры повреждений нанесенных осадными орудиями приводили противника в ужас. Так, например, при осаде тевтонами Мезиотэ в 1219 г., осажденные семигаллы испугавшись огромной баллисты, которая, наносила существенный урон их укреплениям, сдались⁴.

Таким образом, Генрих подчеркивает военное превосходство немцев перед народами Прибалтики, которые до прихода тевтонов не знали осадных машин.

Но этим, согласно Генриху, не исчерпывалось осадное мастерство тевтонов. Смотри по обстоятельствам, они использовали фактор внезапности и хитрость. Так, в 1208 г., в ходе конфликта между королем Кукейноса Вячко и рыцарем Даниилом из Леневардена, слуги последнего, ночью, воспользовавшись невнимательностью стражи, захватили замок⁵. Подобное произошло и при осаде Герицке в 1214 г., когда немцы использовали пленного русского, который отвлек стражу, и они захватили замок⁶.

Не менее успешно, если верить Генриху, тевтоны действовали в обороне, эффективно используя арбалетчиков. Они

²Там же. С. 144.

³Там же. С. 154.

⁴Там же. С. 187.

⁵Там же. С. 104.

⁶Там же. С. 168.

первыми в Прибалтике стали возводить каменные крепости, что давало им серьезные преимущества и перед прибалтийскими народами, и перед русскими. Каменные укрепления стали непреодолимым препятствием для туземцев, которые не знали, как подступиться к этому новому для них виду крепостей. Показателен пример, приводимый хронистом, связанный с нападением семигаллов на Икесколу: «В это время соседние язычники семигаллы, услышав о постройке из камня и не зная, что камни скрепляются цементом, пришли с большими корабельными канатами, чтобы, как они думали в своем глупом расчете, стащить замок в Двину. Перераненные стрелками они отступили с уроном»⁷. Видимо, семигаллы пытались применить к каменной крепости тактику, используемую при штурме деревянных укреплений – выдергивать части крепости (подобно бревнам), зацепив их крюками, привязанными к канатам.

Русские, судя по Хроникам, были гораздо менее изощрены в осаде крепостей. Они предпочитали тактику пассивной осады, беря противника измором. Так, описывая осаду Оденпэ новгородцами 1210 г. хронист подчеркивает, что русские захватили крепость благодаря тому, что у осажденных наступил голод. Сообщая об окончании осады русскими Гольма в 1206 г. он пишет, что «если бы продлились дни войны, то едва ли рижане и жители Гольма, при своей малочисленности, могли бы защититься»⁸.

Тактика измора могла комбинироваться с использованием «бактериологического» оружия. Известие об этом содержится у Генриха в описании осады Оденпэ в 1217 г.: «И прошли русские кругом по областям, захватили многих и перебили, а трупы бросили в воду у подножия горы, чтобы не черпали оттуда осажденные»⁹.

Генрих, подчеркивает изначальное неумение русских использовать осадную технику при штурме крепостей. Первые попытки перенять немецкие приемы осады были неудачными, о

⁷ Там же. С. 72.

⁸ Там же. С. 103.

⁹ Там же. С. 182.

чем хронист не без сарказма сообщает читателю, описывая осаду Гольма в 1206 г.: «Устроили русские и небольшую метательную машину, по образцу тевтонских, но, не зная искусства метать камни, ранили многих у себя, попадая в тыл»¹⁰. В 1223 г., при осаде Линданизе суздальским князем, русское «сильное войско... пыталось... взять датский замок тевтонским способом, но не хватило сил»¹¹.

Показательно, что русские, в отличие от прибалтийских народов, редко использовали тактику поджога вражеских крепостей, посредством примета. О такой попытке хронист сообщает только один раз, при описании осады Гольма в 1206 г.¹²

Гораздо успешнее русские обороняли города, используя при этом и сложную технику. Например, в 1224 г. они, совместно с эстами, при обороне Дорпта (Юрьева) применяли арбалеты и баллисты: «Точно также и бывшие в замке построили свои машины и патерэллы против христианских орудий, а против стрел христиан направили своих лучников и баллистариев»¹³. Таким образом, Генрих не скрывает того, что русские со временем, научились у тевтонов пользоваться сложной военной техникой, хотя и не акцентирует на этом внимания.

Нередко, осаждаемые просто откупались от русских. Так, сообщая об осаде полоцким князем в 1203 г. Икесколы, Генрих пишет: «Явился в Ливонию король полоцкий с войском и осадил замок Икесколу. Ливы, не имевшие доспехов, не посмели сопротивляться и обещали дать ему денег. Получив деньги, король прекратил осаду»¹⁴.

Вообще упоминания о том, что для русских важна, в первую очередь, дань и военная добыча часто встречаются в «Хронике Ливонии».

Таким образом, согласно Генриху, тевтоны были более искусными при осаде и обороне крепостей, эффективно исполь-

¹⁰ Там же. С. 100.

¹¹ Там же. С. 223.

¹² Там же. С. 85.

¹³ Там же. С. 230.

¹⁴ Там же. С. 85.

зую баллисты, камнеметательные машины, арбалетчиков, осадные башни. Важный момент очень часто они использовали эти элементы комбинированно. Русские владели гораздо меньшим набором технических средств и тактических приемов.

Возникает вопрос в объективности автора. Разумеется, Генрих Ливонский субъективен в оценке событий. Он открыто сопереживает тевтонам, описывая их успехи с радостью, а неудачи – с сожалением. Хронист всегда находит оправдание для агрессивных действий тевтонов. Их победы объясняет воинским умением и защитой Господа, а поражения объясняет малочисленностью.

В то же время, думается, Генрих не сильно погрешил против истины. Немцы, пришедшие в этот регион, были опытными воинами, профессионалами, для которых война являлась ремеслом и предназначением. Тевтонский орден, например, сформирован был в Палестине и накопил огромный боевой опыт. Русские же, в основном, использовали тактику изгона либо измора при взятии городов, о чем свидетельствуют и древнерусские источники. Сведений о взятии городов на щит в летописях не много, данные об использовании осадной техники – единичны. Да и в сложных технических и тактических приемах для русских долгое время не было необходимости: междоусобные войны имели свою специфику, а у кочевников южных степей серьезных укреплений не было, равно как и у народов Прибалтики. Ситуация изменилась с приходом тевтонов, с их современными приемами боя и осады крепостей. В этих условиях русским пришлось приспосабливаться к новому противнику, на что неизбежно требовалось время. Вот о таком периоде «приспособления» и повествует Генрих. В то же время Генрих, прямо или косвенно, отмечает и сильные стороны русской армии: отличные лучники (прямо), быстрое освоение новых технологий (косвенно).

В.И. Лясович
г. Уфа (Россия)
Башкирский гос. ун-т.

УПОМИНАНИЯ О ДРЕВНЕМ БАШКОРТОСТАНЕ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассматриваются вопросы существования «городов» на Южном Урале в эпоху раннего и развитого средневековья. Приводятся сведения о возможном существовании «городов» на территории Южного Урала из письменных источников европейской и арабской исторической традиции эпохи средневековья.

Ключевые слова: Башкортостан, Южный Урал, Средневековье, археология, городище Уфа-II, историческая география, города на Южном Урале, источниковедение.

IX–XIII вв. для Уральских степей и Поволжья явились весьма интересным временем. Распад множества раннетюркских государственных образований привёл к тому, что в степном поясе юга России возникло множество кочевнических конфедераций, локализуемых на определённых территориях нынешних субъектов Российской Федерации. Наиболее загадочным, и весьма проблематичным, в плане изучения регионом, является современный Башкортостан. Земли нашей республики, в той или иной степени становились домом для многих этносов и культур, начиная от угорских племенных конфедераций, и заканчивая пришлым тюркским населением.

Опираясь на достаточно богатый, но, в то же время, очень противоречивый пласт исторических источников относительно истории Башкортостана, учёные до сих пор не пришли к единой точке зрения касательно установления четких границ

древнего Башкортостана¹. Современные исторические модели происхождения башкирского народа и его закрепления на Южном Урале базируются на достаточно объёмных блоках письменных источников, вызвавших в процессе изучения невероятное количество разных гипотез.

Наиболее подробным, единственно сохранившимся в оригинале источником являются главы 38–40 труда «Об управлении империей», составленного в 948–952 г. византийским императором Константином Багрянородным на основании многочисленных информационных записок дипломатического корпуса и сведений купцов². Источник косвенно затрагивает историю земель Башкортостана, однако является опорой для исследования по вопросам локализации некоторых племен на территории Южного Урала.

Вторым источником выступает труд арабского путешественника Ахмеда Ибн-Фадлана, первой четверти X вв., к сожалению, сохранившийся в передаче более поздних арабских географов. Труд Ахмеда Ибн-Фадлана, который чаще называют «Запиской», «Путешествием на Волгу», или путешествием к царю «Руссов» – бесспорно важный источник, отображающий историю народов Урала, Поволжья, Средней Азии, и Восточной Европы в X вв. Фадлан, один из немногих арабских путешественников, лично побывавших в Восточной Европе³.

«Третий источник – это венгерская историческая традиция, к сожалению, записанная довольно поздно, около 1210 г., секретарем Короля Белы III, известным в отечественной исторической литературе как “Венгерский аноним”»⁴.

Хотелось бы заметить, что все источники разительно отличаются друг от друга и дополняются массой других.

¹ Документы и материалы по истории Башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI века). Уфа, 2012. С. 7.

² *Комар А.В.* Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Археология и древняя история Украины. 2011. Вып. 7. С. 22.

³ *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 121–131.

⁴ *Комар А.В.* Указ. соч.

Например, труд «Об управлении империей» – историко-географический трактат. Он не предназначался для опубликования и остался неизвестен современникам. Записка Ибн-Фадлана – сведения полученные непосредственно в ходе самого путешествия, имеющие большую ценность, чем, например, трактат Багрянородного, так как Фадлан имел контакт с описываемыми им в «Записке» народами. Хроника Венгерского Анонима – европейская летопись, заказанная королем Белой III.

На сегодняшний день проблема выделения Башкортостана, как исторической области в эпоху Средневековья, популяризация его ранней истории и поиск дополнительных сведений служащих в той или иной мере опорой для дальнейших исследований являются достаточно актуальной для российских исследователей.

Работая с источниками осложняется трудностью поисков источников, отражающих аспекты формирования истории башкирского народа, и применимых к данной статье.

Первым средневековым автором, предоставивший нам сведения о древнем Башкортостане стал арабский путешественник Джейхани⁵. Его труд, составленный в 900 г., содержит краткую информацию о местоположении страны Внутренних Башхирт: «От Атиля до гор месяц пути. От гор до Внутренних Башхирт 10 дней. От внутренних Башхирт до Булгар 25 дней»⁶. Б.А. Рыбаков утверждает, что слово Горы, имеющееся в цитируемой летописи, заменено у Идриси именем Печенегов, а расстояние исчисляется не днями пути, а остановками⁷. Одна остановка определяется 85 километрами, что позволило исследователю локализовать горы на месте современных Жигулёвских гор Самарской области.

Одним из наиболее значимых исторических источников раскрывающих раннюю историю Башкортостана стала «Запис-

⁵Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 года // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1954. Вып. 43. С. 46.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ Там же. С. 48.

ка» арабского посла Ахмеда Ибн Фадлана, написанная в 922 г. Фадлан отождествляет башкир с тюрками и определяет их местоположение между рекой Кондурча на Востоке современного Татарстана и рекой Большой Черемшан, протекающая на Юге Татарстана и Востоке Ульяновской области⁸. Помимо географических сведений, посол предоставляет информацию о верованиях башкир, их темпераменте и особенностях материально-духовной культуры. Фадлан отметил, что среди тюрков, башкиры были самыми дикими и жестокими: ели вшей, более других посягали на убийство соплеменников и не знали письменности. Хотя он упомянул, что среди арабского посольства находился башкир-мусульманин, знающий как арабский, так и башкирский языки. Этот факт свидетельствует не только о возвышающейся роли ислама в Волго-Уральском регионе X в., но и о существовании группы башкир, перенявших арабскую культуру.

Ибн-Хаукал в своих фрагментах из «Китаб-Ал-Масалик Ва-Л-Мамалик», написанных в 977 г., фактически повторяет Фадлана, описывая путь к башкирам через горы Печенегов, и дальше в Булгар⁹.

В начале XI в., согласно сведениям труда Гардизи «Зайн Ал-Ахбар» (Украшение известий) 1050–1053 г.) некоторые из башкир являлись хазарскими вельможами с весьма внушительным количеством воинов в 2000 всадников. Гардизи также говорит, что этот башкир живет между хазарами и кимаками, то есть между Волгой и бассейном реки Иртыш¹⁰.

В сочинении Ал-Идриси – арабского путешественника и географа, написанном по настоянию короля Сицилии Рожера II в 1154 г., выразившем волеизъявлением государя обобщить в едином трактате сведения греческих и арабских географов, данные о башкирах и землях Башкортостана не собраны воедино, а разбросаны по разным частям рукописи.

⁸ Ковалевский А.П. Указ. соч. С. 121–131.

⁹ Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв. М., 2009. С. 250.

¹⁰ Бартольд В.В. Соч. М., 1973. Т. 8. С. 46.

Башкиры, по данным Ал-Идриси поселились в восточном рукаве реки Исил, под которой исследователи понимают Итиль, то есть Волгу. Примечателен тот факт, что направление течения реки и земли, по которым она протекает описаны достаточно точно, а именно на Запад, через земли булгар и хазар, минуя руссов, и впадая в море Ал-Хазар, то есть Каспийское. Территория башкир, во всех секциях обозначается к востоку от булгар. К северу от них лежат «Зловонные земли», трактуемые автором как одно из мест протекания реки Волги. Следует полагать, что под «Зловонными» землями имеются ввиду заболоченные районы современной Ярославской, Костромской и Нижегородской областей. В действительности это не соответствует сегодняшнему местоположению Башкортостана, однако Идриси делит страну башкир на «Внутренних» и «Внешних», говоря о том, что страна Внешних башкир располагается где-то за обрывистыми горами по направлению от города Карукии на Волге. На границах Внутренней Башкирии находятся гузы, булгары и горы. Гузы у Идриси разделены с башкирами рекой Мора, чуть севернее Аральского моря. Речь, несомненно, идет о реке Яик, ныне называемой Урал¹¹. Поэтому у исследователя К.А. Макартни, были основания разместить внутренних башкир в Южном Приуралье, а внешних в Южном Зауралье¹².

В седьмой секции седьмого климата Ал-Идриси пишет, что страна башкир невелика, но упоминает названия двух городов Мастр и Кастр. Эти города стоят на реке, которая в свою очередь впадает в Итиль. И.Г. Коновалова утверждает, что Идриси информацию о городах получил из вторых рук, ведь сам он никогда в них не был, тем более в труде написано, что всякий кто проходит через города, зачастую подвергается смерти. Локализацию городов также усложняют разные варианты их прочтения: Мас.т.р, Мамир, Мас.рада, Кас.т.р, Камир, Каср.

¹¹ *Мажитов Н.А.* Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 89.

¹² *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994. С. 528.

Судя по описанию городов внутренних башкир их можно соотнести с городищами лесостепной зоны Приуралья (Торналинское, Кара-Абыз, Уфа-I, и др.¹³).

В другом историческом источнике, «О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом во время господина папы Григория IX» 1237 г., написанным венгерским монахом Юлианом, территория Башкортостана отождествляется с другой, старшей Венгрией. Эти венгры, которые своевременно не ушли с другими венгерскими племенами в Паннонию, до сих пор остаются язычниками, в то время как европейские венгры были обращены в веру католическую королём Иштваном I Святым.

Брат Юлиан, в составе небольшого посольства, главной целью которого было обращение «старших братьев» в истинную католическую веру, отправился в посольство, однако только он один смог добраться до Булгара. Именно там он повстречал венгерскую женщину, указавшая ему путь до земель тех венгров, которых он ищет. Любопытен тот факт, что местное население понимало его язык, а по описаниям материально-духовной культуры подходят под характеристику башкирских племен времен Средневековья¹⁴.

В труде Платона Карпини «История монголов» (1245–1247) упоминается о стране Баскарт, опять же отождествляемой с Великой Венгрией. Эта страна завоёвана монголами как и много других: Комана, Тумат, Войрат, Меркиты, Мекриты, Великая Венгрия и др. И снова её помещают на восток от Булгар, но к западу от самоедов.

Гильом Де Рубрук и «Путешествие в Восточные страны» вновь подводит под знак равно Башкортостан и Великую Венгрию. Страна располагается в бассейне реки Урал и её жители, Паскатиры, также говорят на венгерском языке. Рубрук оговаривается, что сам он в стране Паскатиры не был, но распо-

¹³ Коновалова И.Г. Указ. соч. С. 273–274.

¹⁴ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. 3. С. 231.

лагает информацией братьев-проповедников пребывавших в ней до монгол¹⁵.

Таким образом, приведенные данные показывают, что сведения о Башкортостане периода раннего и высокого Средневековья требуют детального, кропотливого изучения не одним научным коллективом. Имеющаяся в распоряжении совокупность данных – археологических, лингвистических и дополняющих их средневековых письменных источников, со всей определенностью указывает нам на то, что в Средневековье лесостепные территории Южного Урала и Приуралья (в первую очередь, расположенные в бассейне реки Камы и Волги) являлись Родиной многих народов: башкир, хазар, болгар и других.

Что касается автохтонного населения Башкортостана, а именно предков современных башкир, то тут невозможно прийти к однозначному выводу. С одной стороны, данные, которые дают нам арабские источники указывают на то, что Башкортостан заселён исключительно башкирами и ни кем другим. С другой стороны, учитывая археологические данные, например, Кушнаренковской или Карауяповской археологических культур, можно предполагать, что угры или мадьяры все же были на этой территории. Но в тот же момент, можно просто сослаться на схожесть утвари, обрядности, других аспектов деятельности отдельных составляющих единиц этноса.

Еще большую неразбериху привносят сведения средневековых европейских хронистов XII-XIII вв. (Венгерский Аноним, монах Юлиан) о том, что они вполне определенно отождествляли население, оставившее лесостепные южноуральские памятники, с племенами, составившими этническое ядро мадьярской миграции на Запад. Более того, понятия Башкирия, Башкортостан для них не существовало, а территория современной республики воспринималась как «Великая Венгрия» – «*Magna Hungaria*».

¹⁵ Иоанн де Плано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 76.

А.Д. Козлова
г. Казань (Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОСЕДЛЫХ И КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ НА ПРИМЕРЕ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА В ТАТАРСТАНЕ

В статье представлен краткий обзор проблематики взаимодействия культур кочевых и оседлых племен на примере волжских булгар и их трансформации от кочевого к оседлому образу жизни с присущими ему элементами: торговлей, ремеслами, жилищами, земледельческой культурой. Незначительное количество письменных источников позволяет определять приблизительные границы изменения в жизни булгар преимущественно археологическим путем – через артефакты, анализы почв и атрибуцию найденных привозных предметов.

Ключевые слова: торговые пути, кочевники, народы Поволжья, торговый инвентарь, ремесла.

Республика Татарстан – это природа удивительной красоты, где памятники прошлого гармонично вписываются в наш современный XXI век. Примером этого может служить Болгарское городище, расположенное в 200 км от Казани.

Сложностью в исследовании взаимодействий между племенами является малое количество исторических источников, посвящённых начальному, переходному этапу между кочевым и оседлым этапом в жизни булгар.

Крупные изучаемые объекты на территории Болгарского городища относятся к периоду XIV–XV вв., что касается более ранних объектов, то множество построек не сохранилось из-за недолговечности материалов. Этот пласт времени представлен фортификационными сооружениями и могильниками.

Однако всё не так плачевно и счастливым исключением стала ярмарка-порт под именем Ага-базар, о котором будет упомянуто ниже.

О раннем этапе жизни булгар известно очень немного. Есть сведения о том, что ещё в V–VII вв. булгары были кочевым народом и обитали в Приазовье и Прикубанье. Впоследствии часть из них переселилась на Дунай и на Волгу, переняв оседлый образ жизни. Говоря о мощном подъёме булгар и определении их торгового статуса, важно помнить, что булгары пришли на места, которые уже были заселены другими народами. Ассимилируясь с ними и улучшая свои навыки ремесла, они добились необычайных высот в производстве и науке, что сильнее прослеживается по археологическим, нежели письменным источникам. При анализе культуры волжских булгар широко применяется метод хронологической и культурно-этнической стратиграфии материала¹.

Вопрос об участии доболгарского – именковского и поволжско-финского – населения в формировании культуры населения раннеболгарского объединения является одним из отправных в изучении ранней Волжской Булгарии. Многие исследователи в послевоенный период, опираясь на материалы раскопок поселений, доказывали участие именковского (позднегородецкого) населения в формировании этнокультуры булгар. Это подтверждалось стратиграфически, как постепенное перерастание именковской культуры в болгарскую, и наличием в культуре булгар значительного количества лепной горшковой керамики. Однако при исследовании языческих некрополей раннеболгарского объединения каких-либо заметных следов культуры именковского населения не обнаружено. Ближайшими соседями булгар были поволжские финны – предки мордвы. Их синхронные или предшествующие по времени раннеболгарским могильники изучены хорошо, но типичные мордовские украшения VII–XI вв. редко встречаются в памятниках ранних булгар, да и при сравнении раннеболгарских ве-

¹ *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992. С. 9–12.

шевых комплексов с вещами из марийского Поволжья можно заметить, что основная масса их датируется лишь со второй – третьей четверти X в.²

Исследователь Волжского пути И.В. Дубов в своём труде указывает на соседство болгар с различными народами – марийцами на левом берегу Волги, мордвинами на правом берегу Волги и удмуртами, жившими на Каме.³ Все эти племена были оседлыми и оказывали соседское влияние на формирующуюся культуру и образ жизни древних болгар.

До сих пор существуют разные версии о том, где именно проходили границы Волжской Булгарии. Одни исследователи считают, что граница по северу проходила по правому берегу р. Камы, а западная – в районе бассейна р. Свяги, восточная граница ориентирована по линии Чистополь–Билярск или р. Шишма, а южная – в районе Самарской Луки (А.Х. Халиков и Е.П. Казаков)⁴. Ф.Ш. Хузин в качестве северной границы определяет р. Казанку, южной – Самарскую Луку, западной – р. Суру, восточной и юго-восточной – низовья р. Белой и р. Урал⁵.

Впрочем, некоторые исследователи, например, М.З. Закиев⁶, считают, что Волжская Булгария занимала гораздо больше географического пространства: западные границы совпадают с границами Древней Руси, восточные границы находятся в районе рек Иртыш, Обь, Енисей, а южные и юго-восточные границы проходят через Хорезм и Кавказский хребет, северные границы обозначены Карским морем. Проблема определения точных границ актуальна до сих пор, так как источники крайне немногочисленны и в их трактовках есть мно-

² Там же. С. 231–245.

³ Дубов И.В. Великий Волжский путь. Л., 1989. С. 11.

⁴ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 93; Казаков Е.П. Указ. соч. С. 6–7.

⁵ История Татарстана: учебное пособие / сост.: Ф.Ш. Хузин, И.А. Гилязов, В.И. Пискарёв, Б.Ф. Султанбеков, Л.А. Харисова, А.А. Иванов, А.Г. Галлямова. Казань, 2001.

⁶ Закиев М.З. Татары: проблемы истории и языка. Казань, 1995. С. 42.

жество разночтений и неточностей. Арабские и персидские географы считали страну булгар самой северной в мире из тех, где живут мусульмане и располагали её в самом крайнем, седьмом, климате Земли. Первым даёт сведения о её расположении Ибн-Русте в своей энциклопедии «Дорогие драгоценности», составленной около 903–913 гг. Он сообщает: «Болгарская земля смежна с землею буртасов. Живут болгары на берегу реки, которая впадает в море Хазарское (Каспийское) и прозывается Итиль (Волгою)...»⁷.

Большинство учёных сходятся во мнении, что территория Волжской Булгарии располагалась в Среднем Поволжье – Предкамье, Закамье и Предволжье. Такому выводу способствует изучение не только письменных, но и многочисленных археологических источников.

Уже в IX–X вв., когда булгары прочно обосновались в Поволжье, став полностью оседлым племенем с чертами государственности, торговля в Волжской Булгарии, а особенно в г. Болгаре, с его знаменитым Ага-базаром, получила широкое распространение. Эта торговля, носившая международный и внутренний характер, являлась основой экономики булгар, источником пополнения казны и одним из факторов, определивших облик государства.

Благодаря археологическим находкам и исследованиям мы можем утверждать, что торговля велась со многими странами исламского мира, а также с русскими княжествами, Западной Европой, Индией, Китаем⁸. Ибн Фадлан, описывая быт булгар, писал: «У них много купцов»⁹. Обширная торговая сеть, в

⁷ Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даства неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского Музея. СПб., 1869. С. 22.

⁸ Полубояринова М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар. Культура, искусство, торговля. М., 2008. С. 93–96.

⁹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 138.

которой многие находили свой интерес, дала мощный толчок развитию ремёсел и формированию купечества.

Как же получилось так, что примерно за столетие полукочевое племя с юртами стало одним из самых известных на тот момент государством с международными торговыми связями? Развитию выгодных торговых отношений способствовало в первую очередь отличное географическое положение: Булгария была расположена на месте соединения двух крупных рек – Волги и Камы, а принятие ислама в 922 г. существенно укрепило её позиции в мусульманском мире.

Булгары совершенствовали старые навыки и без усталости постигали новые, они заняли лидирующие позиции во многих ремёслах, а некоторые свои изделия сделали эталонными. Основу их ремесла составляли металлургическое, гончарное, ювелирное, косторезное и кожевенное дело¹⁰. Булгары славились как отличные математики и строители, умелые земледельцы, скотоводы и торговцы. Помимо удобного географического положения, Волжская Булгария обладала многочисленными ресурсами, в том числе пушным зверем, очень ценным на Востоке. Бойко шла торговля, не без участия русских купцов, соболями, беличьими, горностаевыми и прочими мехами¹¹.

Монеты, найденные на территории Волжской Булгарии, датируются IX–X вв., частично началом XI в., и относятся к саманидским куфическим, которые впоследствии через Волгу попали на территорию Руси, в Прибалтику и в Северную Европу¹². Своих серебряных рудников у булгар не было и переплавка куфических монет давала возможность заняться выпуском собственной денежной единицы. Данный период получил название «монетного». Это продолжалось до начала так называемого «серебряного кризиса», который начался в конце X – начале XI в. и был обусловлен в том числе политическими фак-

¹⁰ *Валеев Р.М.* Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков. Казань, 1995. С. 30.

¹¹ *Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дастан... С. 23.

¹² *Валеев Р.М.* Указ соч. С. 37.

торами: династия Саманидов пришла в упадок. Начался так называемый «безмонетный период».

Именно этот «безмонетный период» послужил росту торгового обмена. Это вовсе не значило, что прекратилось монетное обращение, но количество монет не увеличивалось из-за прекращения чеканки. В обращение с удвоенной силой поступали так называемые «заменители денег».

Есть вполне оправданная версия о том, что у каждой шкурки был свой денежный эквивалент. Например, в татарском языке слово «тиен» означает и белку, и её шкурку, и самую мелкую монетку – копейку. По мнению учёных, слово «тиен» происходит от слова «тиген», что в древнетюркском означало клеймо¹³. Известно также о применении беличьих шкурок в качестве торгового инструмента при заключении сделок.

Подводя итог, следует отметить, что в силу скудости источников по ранней истории булгар, крайне сложно охарактеризовать взаимодействие между кочевыми и оседлыми народами Поволжья в период оседания булгар на землю. Перед учёными стоит трудная задача уточнить характер взаимоотношений древних племён. Широкие перспективы на данном этапе открывает ДНК-анализ, который позволяет определить общие гены у тех или иных племён и народов. Работа эта, скорее всего, в ближайшие годы не приведёт к однозначным выводам, однако, полученная информация позволит со временем «отсеять» недостоверные гипотезы и теории, связанные с междуплеменными коммуникациями древних кочевых и оседлых племён Поволжья.

¹³ Буров Г.М. Раннебулгарские памятники Ульяновского Поволжья // Из истории ранних булгар. Казань, 1981. С. 50–55.

А.Н. Зарипова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ВЛИЯНИЕ ПОЛОВЕЦКОГО ФАКТОРА НА МЕЖКНЯЖЕСКИЕ КОАЛИЦИИ ЮЖНОЙ РУСИ

В статье анализируется влияние половецкого фактора на образование военных коалиций южнорусских князей. В исследовании использовались все свидетельства о русско-половецких походах Ипатьевской и Лаврентьевской летописей. Выявлена закономерность между процессами усиления Степи и формированием крупных межкняжеских коалиций, между личным отношением князей к половцам и их активностью в создаваемых антиполовецких союзах.

Ключевые слова: Южная Русь, Дешт-и-Кипчак, половцы, межкняжеские коалиции, внешняя политика Руси, русско-половецкие походы.

Исторически сложилось, что оседлая и кочевая культуры конфликтуют между собой. Набеги кочевников носили грабительский характер и Русь была вынуждена давать отпор, который зачастую выливался в ответные походы на полоанцкие кочевья. Так или иначе, набеги половцев оказывали особое влияние на межкняжеские отношения. Не смотря на внутривнутриполитическую борьбу на Руси, внешнеполитические проблемы в большинстве случаев являлись приоритетом для князей, что отразилось в создании межкняжеских коалиций.

В настоящей статье предпринимается попытка проследить зависимость между усилением половецкой агрессии и объединительными процессами на Руси в период ее раздробленности.

Первый поход половцев на Русь относится к 1061 г.: «придоша половци первое на Руськую землю воевати... Се бысть

первое зло на Руськую землю от поганых безбожных враг; бысть же князь их Сокал...»¹. Вплоть до 1095 г. половцы не встречали ответных походов русских. Уже и к 90-м гг. XI ст. Половцы успели основательно разорить русское степное княжество – Переяславское, более других страдавшее от нападений кочевников.

Половецкая угроза вызывала необходимость в совместных действиях князей. Первые шаги по борьбе с кочевниками, предпринятые по инициативе русских, летописи зафиксировали в 1095 г. Однако это был не поход, совершенный в степи, а бесчестное убийство двух знатных половцев Итларя и Китана и их дружин, пришедших на мир к русским.

Эти действия ожесточают кочевников и борьба приобретает больший размах. В связи с этим предпринимается попытка объединения князей, где главной целью было привлечь к уже состоявшемуся союзу Святополка (Киев) и Владимира (Переяславль), черниговского князя Олега. Последний был известен дружественными отношениями с «погаными» и не хотел менять своих взглядов. После избиения Итларевой чади, Святополк и Владимир велели Олегу выдать находившегося при нем сына убиенного Итларя. Не столько принципиален был вопрос о выдаче Итларева сына Олегом, сколько необходимость ведения единой политики перед половецким натиском.

Олег Святославич сидел в стратегически важном городе с точки зрения противостояния степнякам. Политика Гориславича уже с первых походов кочевников подрывала силу русского единства, когда беспокойный князь, воюя за свою отчину, приводил поганых на борьбу с братьями. Отказ Олега принять участие в походе на половцев вынудил Владимира и Святополка решить эту проблему силой. В ходе преследования Олега, последний был вынужден целовать крест князьям. В.В. Мавродин считает, что сопряженные с этим событием упоминания о последовавших трех походах половцев на Русь

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 151; ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 163.

могли быть связаны с княжескими распрями². Атаке подвергаются Киевская и Переяславская земли. В разорении участвуют три хана: Боняк, Куря, Тугоркан. Возможно, эти половцы пришли на помощь Олегу Святославичу. Такое предположение кажется убедительным, хотя бы в связи с тем, что в летописи события крестоцелования Олега и приход Боняка к Киеву сопряжены в одном известии: «Оле҃гъ же обещаѣя створити и на семь цѣловаша хрестъ, в се же время прииде Бонякъ с Половцѣмъ Къеву оу недѣлю оу вечера»³. Как бы то ни было, но после крестоцелования Олег выступает на стороне братьев.

Второй погром половцев был упрежден уже мощным союзом русских князей у Лубна. Против Боняка и Шаруканя выступило объединенное войско Святополка, Владимира, Олега, Святослава Мстислава и др. Половцы потерпели сокрушительное поражение, следствием чего стало заключение мира, подкрепленное двумя браками князей с дочерьми половецких ханов. Князья смогли консолидировать Русь, в походе принял участие даже упрямый Гориславич⁴.

Серьезная угроза со стороны степи возымела действие на объединение усилий русских земель. Но в не меньшей мере на единение князей повлияет успех последующей в 1103 г. битвы на Сутени, организованной Владимиром и Святополком, в которую были вовлечены и другие князья: «Володимеръ же, цѣловавъ брата своего, поиде Переяславлю, а Святополкъ по немь и Давыдъ Святъславичъ, и Мъстиславъ, Игоревъ унукъ, Вячъславъ Ярополчичъ, Ярополкъ Володимеричъ». Русские не только «добыли чести», но и полона много взяли⁵. Небезосновательно предположить, что князья боялись «остаться не у дел».

Бесчинства половцев в 1106⁶, 1107⁷ гг. вызвали необходимость нового похода в степь. Перед нами уже сложившийся

² Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). СПб, 2002. С. 325.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229, 231; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 221.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281, 283; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 257, 259.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 277; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 253.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 257; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281.

союз трех князей (Киевского, Переяславского и Черниговского), заинтересованных в спокойствии границ. В 1111 г. князь со своими сыновьями повоевали находящиеся под властью половцев города Сугров, Шарукань⁸. Половцы попытались защитить кочевья в степях и собрали свои полки. Решающая битва состоялась на реке Сальнице, где кочевникам было нанесено сокрушительное поражение.

Когда в 1113 г. умер князь киевский Святополк, половцы не преминули воспользоваться сложившейся обстановкой и попытались нанести визит на Русь⁹. Сев на киевский стол, Владимир уже имел крепкий союз южнорусских княжеств. Поэтому в 1116 г. Владимир и Давыд посылают своих сыновей по уже пройденному маршруту Сугров–Шарукань¹⁰.

Во взаимных походах русских и половцев до 1152 г. наблюдается тишина. Дело в том, что со смертью Мстислава Владимировича Русь вступает в период междоусобных войн, в центре которых борьба за Киев. Эти внутривосточные раздоры совпали с ослаблением Степи. Единичные русско-половецкие столкновения не влияли на общую внутривосточную ситуацию Руси, главные действия которой происходили на сцене междоусобной борьбы, в которой половцы принимали участие в качестве союзников русских князей.

С 60-х гг. XII в. активизируются русско-половецкие походы. Возможно, это связано с усилением роли Владимира, а в частности проживания там великого князя, вследствие чего, защита Киева несколько теряет свою актуальность, а это, в свою очередь, ослабляет связи Киевской земли с Черниговской и Переяславской. Великий князь, находясь на северо-востоке Руси, уже отдаляется от проблем южнорусских княжеств и проблема консолидации для него уже не первостепенна как для приграничных князей.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 257; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 265; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 289.

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 283; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 291.

С 70х гг. заметно усиливается Половецкая Степь. Об этом говорит не только появление на страницах летописи сильного хана Кончака, но и попытка Руси к объединению, с целью борьбы с иноплеменниками. Поход, организованный киевским князем Мстиславом Изяславичем, оправдывается книжником необходимостью избавиться от кочевников, овладевших стратегически важными торговыми путями к Черному морю. В речи Мстислава содержится призыв к возвращению политики отцов и дедов. В походе участвовали множество князей: Киевский, Лучский, Переяславский и др.¹¹ Поход не принес ожидаемого результата: служивший русским черный клобук кощей Гаврилка Изяславич выдал половцам новость о надвигающемся войске. Половцы успели скрыться, бросив свои вежи, жен и детей. Князьям пришлось удовлетвориться богатым полоном¹².

Когда же борьба за Киев Святославичей с Мономашичами поутихла, Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич, недавние соперники, дали отпор у Дмитрова Кончаку и Глебу Тириевичу, пришедшими с половцами¹³. Это уже не похоже на простой набег половцев, здесь необходим крепкий союз князей для достойного отражения удара. В этом же году предпринимается поход в степь. В походе участвуют объединенные силы Святослава Всеволодича, Рюрика Ростиславича, Святослава Мстиславича, Глеба Святославича и Володимера Глебовича. Половцы понесли большие потери: «Половци же, узревше полкъ Володимеръ, крепко идушь на нихъ, побегоша, гоними гневомъ Божьимъ и святое Богородицы. Наши же погнаша, секуще и, 7 тысячь руками изымаша ихъ, князии единехъ было Половьцьскихъ 400 и 20, Кобяка руками яша, Ясолука, Барака, Тарга, Данила, Башкърта, Тарсука, Изу, Глеба Тирьевича, Ексня, Алака и Толгья Давыдовча тести с сыномъ, Тятия с сыномъ, Кобякова тьсти Турундая»¹⁴.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 537, 539.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 539.

¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 627.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 395 (см. также описание князей с разницей в окончаниях в: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 631).

Святослав Всеволодович продолжает попытки подорвать силу Степи. К тому времени, когда Кончак воевал Русь в очередной раз, Святослав сумел объединить многих князей («и тако совокоупившеся вси князи Роуские») и половцам было дано сражение у голубого леса¹⁵. В этот же год киевским воеводой были взяты вежи за Днестром, но половцев там не было, они ушли за Дунай¹⁶.

К 90-ым годам XII в. Степь вновь ослабевает. Самостоятельных походов на Русь почти не предпринимается, разве что речь идет о мелких набегах. Половцы избегают столкновений и уходят в глубь степей. В связи с этим объединенных походов в степь со стороны русских не следует.

В начале XIII в. предпринимается последний объединенный поход на половцев, сопряженный с последним усилением Степи в это время, которое обозначается появлением в Дешт-и-Кипчак хана Юрия Кончаковича, чья дочь была выдана за великого князя Всеволода¹⁷. Появление имени этого хана знаменует собой новую волну в активности половцев. Более того, спустя 17 лет половцы организуют в 1210 г. поход на Русь: «Тое же весны приходиша половци к Переяславлю и повоеваша много села, возвратишася с полоном многым всояси, и многа зла створше безбожнии иноплеменници»¹⁸. В 1215 г. не смотря на оборону Володимером Всеволодичем Переяславля, «поганые» много людей избили и увели в плен, в том числе и самого Володимера¹⁹. Дальнейшая активность половцев была поумерена происходившими в степях колебаниями вследствие движения с востока монголов.

Таким образом, с первого похода половцев в 1061 г. до начала XII века русские не предпринимали серьезных ответных действий. Князья откупались «мирами». Набеги половцев нагнетали и без того напряженную обстановку на киевском

¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 653.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 437.

столе, вызванную борьбой князей. Вторжения кочевников наносили ущерб земледельцам, купцам и политическому единству Руси. Князьям необходимо было учитывать нужды народа. Южнорусские княжества, имевшие первостепенную роль в ведении внешнеполитических дел с кочевниками, занимали различную политику по отношению к половцам. Олег Святославич начинал политику примирения с половцами в своем Черниговском княжестве. Поэтому долгое время ответные походы Киевского и Переяславского князей не приносили видимых результатов, так как не получали поддержки со стороны Олега, правившего в географически важном пограничном княжестве.

Усиление Степи к началу XII века вызвало необходимость южных князей консолидироваться, что дало положительные для них результаты.

С 20-х по 60-е годы XII века наблюдается взаимное затишье в походах, что совпадает с усилившейся междукняжеской борьбой, в которой половцы приняли активное участие на стороне тех или иных соперников. В 60-е годы в борьбе не наблюдается перевеса в чью-либо сторону. На 70-е годы приходится подъем активности половцев, что заставляет пришедшего в ходе усобицы на Киевский стол Святослава Всеволодовича консолидировать русские княжества. Последние двадцатилетие XII века отмечено множеством удачных походов в степи, сопряженное с отсутствием известий о половецких набегах в 90-е гг. Также, последнее десятилетие отмечено походами на лукоморских и побужских половцев и втягиванием в орбиту этих интересов галицких князей. В 10-е годы XIII века встречается несколько упоминаний о незначительных половецких набегах, а последнее известие об их агрессии на Руси приходится на 1235 г., чем и заканчивается период русско-половецких взаимных походов.

Е.Ю. Абрамова
г. Тюмень (Россия)
Тюменский гос. ун-т

ОБРАЗ СВЯТОЙ БРИГИТТЫ ИРЛАНДСКОЙ КАК ЭКЗОРЦИСТА

В статье анализируется образ святой Бригитты Ирландской, одной из самых популярных женщин католической Европы, как экзорциста. В житиях важное внимание уделяется борьбе Бригитты с дьяволом и лечению одержимых людей, что являлось неотъемлемой частью экзорцистского ритуала и одной из важнейших функций святого в Средние века.

Ключевые слова: житие святой Бригитты, экзорцизм, одержимый, изгнание дьявола

Католическая энциклопедия определяет термин «экзорцизм» как *«акт изгнания демонов, или злых духов, а так же защита от них для лиц, мест, или вещей, которые являются одержимыми или зараженными злыми силами, и ставшими жертвами или орудиями их злобы»*. А термин «экзорцист», согласно данной энциклопедии, определяется как *«любой, кто изгоняет или исповедует, чтобы изгнать демонов»*¹.

Конечно, в большинстве своём экзорцистам являлись мужчины, но были среди экзорцистов и женщины, в том числе и блаженнейшая Бригитта Ирландская (451/453–525/523), которая являлась одной из самых популярных женщин-святых в католической Европе. Агиографическая традиция, посвященная святой Бригитте насчитывает более XIII веков. Житие, взятое за

¹ *Herbermann C.G.* The Catholic encyclopedia; an international work of reference on the constitution, doctrine, discipline, and history of the Catholic Church. New York, 1907. Vol. 5. P. 709–712.

основу в данной работе, издано в Acta Sanctorum как Vita IV. Данное издание является наиболее полным и является переработанной версией Vita I².

В житии, помимо всего прочего, рассказывается о роль святой Бригитты в борьбе с дьяволом, описываются способы излечения одержимых людей, что само по себе являлось неотъемлемой частью экзорцистского ритуала; а так же в житие говорится об используемых методах экзорцизма и представлениях об одержимости.

Одержимыми, согласно житию, могли быть как мужчины, так и женщины, причём, как и миряне, так и клир. Так, в частности, в житие описывается случай, где святая Бригитта посетила женский монастырь в области Фебы. В монастыре, среди сестёр обители было несколько больных, некоторые из которых были одержимы злыми духами. Одна из больных попросила святую Бригитту помолиться за неё, и молитва святой Бригитты помогла ей исцелиться³.

Так же в житии говорится о случае, когда святая Бригитта дала женщине свой пояс, освятив его. Эта женщина пришла к больному ребенку, и тотчас исцелила его при помощи пояса святой Бригитты. И начала исцелять таким образом многих больных, получая прибыль, но храня в чистоте непорочность свою и отдавая все нищим⁴.

По мнению психотерапевта С.А. Белорусова, развитое религиозное сознание, на фоне слабо развитой медицины, приравнивало болезнь к одержимости⁵. Современный исследователь, кандидат исторических наук, Ю.Ф. Игина, так же приходит к похожему выводу, заключая, что со временем происходило постепенное смешивание представлений об одержимости с

² Дорогина С.А. Св. Бригитта Килдарская // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 7. М., 2004. С. 266.

³ Житие Святой Бригитты // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Вып. 7. М., 2004. С. 282.

⁴ Там же. С. 284.

⁵ Белорусов С.А. Психология и проблема бесоодержимости // Журнал практического психолога. 2000. № 10/11. С. 29.

болезню⁶. Агиографическая традиция наглядно показывает, что для того, чтобы излечить больного, требуется чудо: святые нужны были людям не столько для спасения души, сколько из-за физических недугов⁷.

Таким образом, молитва святой – один из методов изгнания дьявола и исцеления одержимых. Проводить ритуал экзорцизма не обязательно напрямую: святой мог перепоручить его другому человеку, но было важно, чтоб этот человек вёл праведный образ жизни.

Другой случай из жития повествует об одержимом, в которого вселился злой дух. Одержимого хотели отвести к святой, но он упал на землю и не дал себя сдвинуть с места. При этом он знал, куда его ведут, хотя ему не говорили. Одержимый без труда мог распознать все места, где была святая Бригитта и держался от них как можно дальше. В итоге, святую Бригитту просили прийти к одержимому самой, но как только она приблизилась, демон сбежал из человека. Автор жития утверждает, что все демоны, когда чувствовали, что святая Бригитта к ним приближается, боялись её и убегали, оставляя человека⁸.

Из данного эпизода видно, что экзорцисту не обязательно напрямую говорить с одержимым, чтобы проводить ритуал экзорцизма. Достаточно быть рядом с одержимым, чтоб, так или иначе, воздействовать на него. При этом экзорцист мог воздействовать на одержимого самим своим присутствием, даже не подозревая об этом.

Изгнание злых духов – одна из важнейших функций, которую выполнял святой. Это был важный фактор, доказывающий сверхъестественную силу святого. Путём осуществления акта изгнания нечистой силы, святой был также вовлечен в общую борьбу против дьявола в целом. Каждый акт изгнания не-

⁶ *Игина Ю.* Водовство и ведьмы в Англии. Антропология зла. М., 2009. С. 41.

⁷ *Tamm M.* Saints and the demoniacs: exorcistic rites in medieval Europe (11th – 13th century) // *Folklore*, Vol. 23. 2003: URL: <https://www.folklore.ee/folklore/vol23/exorcism.pdf>.

⁸ Житие Святой Бригитты... С. 286.

чистой силы, выполненный святым, был частью вечной борьбы добра и зла. В житийной литературе даже существовало клише, по которому демона не желал оставить тело, в которое он вселился, пока не вызовут определенного святого⁹.

Ещё один эпизод, заслуживающий внимания, повествует о том, как однажды во время приходского собрания одна женщина, по наущению дьявола, ложно обвинила епископа Брона в том, что он отец её ребёнка. Но святая Бригитта сразу распознала дьявольские козни и осенила уста той женщины крестом (в тот же миг вся её голова вместе с языком распухла). Затем святая Бригитта осенила уста ребёнка, и он сказал ясным голосом, кто его настоящий отец. А женщина, чуть погодя, покаялась перед всеми¹⁰.

Умение распознать дьявола и его жертву – неотъемлемое качество для экзорциста. Экзорцист мог и должен распознавать одержимость злым духом во всех её проявлениях. Знак креста, наряду с молитвой и окроплением святой водой, был одним из самых распространенных и доступных средств изгнания демонов. Примечателен ещё один факт, описанный в житие: автор сообщает, что дьявол боится святую Бригитту¹¹.

Для святого исцеление любого одержимого, в первую очередь, означает борьбу с демоном. Эта борьба служила практической цели для святого: факты победы над злым духом играли важную роль в «карьере» святого, и в том, как общество к нему относится. Все испытания, которые он проходил, увеличивали его известность и доверие.

Исследователи экзорцизма сходятся во мнении, что одну из важных функций, которую выполнял святой в средние века, было изгнание бесов. Житие святой Бригитты, созданное в Ирландии в период раннего средневековья, ещё раз доказывает этот тезис.

⁹ *Tamm M.* Op. cit.

¹⁰ Житие Святой Бригитты... С. 287.

¹¹ *Там же.* С. 230.

В.И. Мухин
г. Зеленодольск
Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Данная работа посвящена средневековым сказаниям об Александре Македонском. Жизнь античного полководца стала основой для целой литературной традиции, где обросла огромным количеством фантастических сюжетов. Повести о жизни македонского царя получили распространение и дальнейшее развитие не только в Европе, но и на Востоке. Анализ образа Александра в литературе обозначенного периода позволяет решить следующие задачи: обозначить мотивы, которыми руководствовались авторы, используя в качестве сюжета своего произведения жизнь македонского царя; выявить различия и общие тенденции развития поэзии и прозы внутри литературной парадигмы; выяснить каким образом воспринимало Александра средневековое общество. В основе исследования лежат данные европейских и восточных повестей, романов и поэм Александре Македонском.

Ключевые слова: Александр Македонский, средневековая литература, рыцарский роман, поэма-дастан

Образ Александра в средневековой литературе крайне неоднозначен. Произведения в разной степени отличаются друг от друга, что делает объем темы крайне большим. Примечательны в данном случае значительные различия между тремя рукописями Лампрехта Немецкого¹, автор один, произведение одно и тоже, а на выходе получаются три разные версии.

¹ Так называемая Alexanderlieds (т. е. – «Песнь об Александре»).

Совершенно очевидно, что «История Александра Великого» на территории Европы в течении средних веков превратилась в самодостаточную систему, которая самостоятельно развивалась, часто без опоры на данные источников и реально происходившие исторические события. При этом отдельные элементы этой системы не только составляли подсистемы, но и дополняли друг друга, даже если относились к разным подсистемам. При этом составить единое повествование из различных версий романа невозможно, по причине взаимоисключающих параграфов, которые порой обнаруживаются внутри одного произведения (У Лампрехта, Александра Парижского и Ульриха Ешенбаха).

На Востоке, где берет свое начало литературная интерпретация повествований об азиатском походе Александра², сложилась ситуация подобная европейской. Было создано множество произведений на мотив деятельности македонского царя, здесь они так же имеют значительные различия. Однако восточные повести аналогичные европейским "Historia de Alexandre Magni" не сохранили имен своих авторов. Они многочисленны, редакции существовали у большинства народов, так, например, Александр стал героем среднеазиатских сказок³, своя версия была даже у географически отдаленных малайцев⁴. Иначе ситуация сложилась с маснави (поэмы-дастаны) Алишера Навои, Низами Гянджеви и Фирдоуси. Важно здесь не сохранение авторства, а то место, которое они заняли в литературе, войдя в число классических на Востоке, чем не могут похвастать западные аналоги.

² Источником литературных средневековых произведений об Александре является так называемая «Александрия» ПсевдоКаллисфена. Версия α носит египетский характер, γ – иудейский, что указывает на ее ближневосточное происхождение.

³ *Бойназаров Ф.* Образ Искандера Зулькарнайна (Александра Македонского). М., 1991. С. 17.

⁴ Повесть о рождении и победах Александра Великого. СПб., 2004. С. 12.

Несмотря на колоссальную разницу между восточными и западными традициями изложения, сюжеты не раз и не два пересекаются. Практически во всех повествованиях освещаются следующие события:

- Происхождение Александра;
- Появление у Александра Буцефала;
- Отношения Александра с женщинами;
- Отношения Александра к богам/богов к Александру;
- Отношения Александра с отцом/приход к власти.

Удивительно, но, почти, ни в одной из редакций нет повествования о военном таланте Александра, исключение составляет разве, что Низами Гянджеви, который достаточно подробно описывает бои македонской армии. Правда больше половины этих боев никогда не было и не могло быть.

Тем не менее, идеологическая подоплека в европейских и восточных текстах имеет гораздо большее значение, чем совпадения сюжетных линий. Здесь идет пересечение культур, на основе которого можно сделать вывод о взаимосвязанности развития литературы в различных цивилизациях.

В Европе основным текстом, который нёс в себе серьезный мотив, была «История сражений Александра». Повести во славу Александра появлялись, потому что Европе во времена крестовых походов был нужен герой, покоривший восточные земли, и она получила его в лице человека, который даже не знал о существовании большей ее части. Мифические истории, которыми активно украшалась жизнь македонского царя, рассказы о его невероятных подвигах, таких как, например, посещение Александром Рая, должны были привлечь к участию в войне за святые земли новых адептов.

Затем история Александра становится одним из основных сюжетов зарождающихся рыцарских романов, благодаря чему средневековые авторы не теряют интерес к жизни македонского царя после завершения эпохи крестовых походов. Здесь литературные произведения приобретают новые черты

свойственные рыцарскому роману. В первую очередь, авторы, писавшие в жанре рыцарского романа либо отвергали происхождение Александра от египетского бога Нектанеба⁵, либо не упоминали о нем вовсе. Значительное внимание в поэмах XIII–XIV веков уделяется вооружению македонянина, кроме того, по сравнению с предыдущими редакциями, добавляется рассказ о посвящении Александра в рыцари, важную роль в повествовании начинают играть женщины.

Так же начинается процесс христианизации романа, прежде всего он связан с тем, что авторами некоторых произведений становятся священники, например: Рудольф Емский в Германии и Ламберт ле Торт во Франции. Они наполнили свои поэмы христианскими проповедями и цитатами из библий, которые вложены в уста действующих лиц.

Как итог, начиная с XIII века, истории об Александре начинают слагать преимущественно в стихах, и практически во всей Европе, за исключением Испании, где шла Реконкиста, литературные произведения, описывающие подвиги македонского царя, теряют идеологический подтекст, местами его заменил религиозный. В основном, «Роман об Александре» носил характер увлекательного чтива. Затем в соответствии с эволюцией рыцарского романа изменяется и роман об Александре, во второй половине XIV века его вновь пишут в прозе⁶.

На пиренейском полуострове произведения о македонянине сохраняли свою идеологическую актуальность в условиях Реконкисты – в испанской редакции особый упор был сделан на заточение Александром народов Гога и Магога за Каспийскими воротами. Бытовало мнение, что это арабы, которых бог освободил в наказание христианам за их грехи.

Уже в начале I тысячелетия «История Александра Великого» была известна на Востоке. В Талмуде есть повествование об Александре, вероятнее всего, именно оттуда он перекочевал

⁵ Например, у Безансона, Нектанеб – один из учителей Александра, о связи с Олимпиадой не упоминается.

⁶ Например, Александрия Сербская, являвшаяся переписью с западно-европейской рукописи.

в Коран. Известно огромное количество редакций «Истории» восточными авторами. Есть сирийская версия романа, которая была переведена на эфиопский язык, существует особая кораническая версия повести, кроме того известно много персидских редакций романа. В них Александр – брат Дария и они бьются за наследство отца. Большинство восточных редакторов не знали о том, что когда-то существовала Македония и называли родиной Александра Рум (Рим). Александр в литературе Востока идет гораздо дальше традиционных для Европы романов, он оседает во множестве легенд, сказок, мифов. В них он предстает не просто царем-завоевателем, Искандер Зулкарнайн – эталон мудрости и ума. Традиция описывать Александра таким образом берет свое начало в Коране⁷.

Палестинские редакции избобилуют рассказами о встрече Александра с иудейским богом или жрецами. После этого свидания македонянин, познав могущество этой религии, признает величие единого бога (вероятно Яхве, имя не указывается).

Во всех восточных интерпретациях описывается история встречи завоевателя с женщиной-правительницей. Этот миф берет свое начало в эпоху Эллинизма, где историки (например, Клеандр и Онесекрит) рассказывали о встрече царя с царицей амазонок Фалестрис. В Европе этот случай использовался в угоду рыцарскому роману, где героя должна сопровождать прекрасная дама. На Востоке ему нашли свое применение – царица, покорившая полководца красотой и мудростью, является правительницей местного народа и, таким образом, олицетворяет добродетели присущие этносу, в котором появилась та или иная редакция повести⁸.

Этот сюжет так же встречается и в классических маснави восточной литературы Алишера Навои, Амира Дехлеви и Низами Гянджеви. Эти поэмы-дастаны завершают пятиричный цикл авторов и подводят некоторый итог их деятельности. Особенностью данных произведений является большое количество проповедей религиозного и философского характера. Таким

⁷ Коран, сура XVIII.

⁸ Напр., Нушабе в Искандер-Наме Н. Гянджеви.

образом «История Александра» эволюционировала в классические произведения об идеальном царе Искандере на Востоке. Сложно установить причину, по которой авторы выбирали именно этот сюжет. На Востоке Александра считали своим, причем не случайно, если учитывать как активно он перенимал восточные традиции, утверждаясь на троне династии Ахеменидов. Это обосновывало интерес читателей к личности македонянина и могло побудить поэтов воспользоваться громким именем для привлечения их внимания.

История жизни македонского завоевателя во все времена волновала умы людей. В эпоху Средних веков, когда выявить историческую истину было крайне трудно, он стал героем преданий, которые тиражировались среди простого люда. Посредством этих приукрашенных историй до народа в наилучшем свете доводились идеи, в распространении, которых была заинтересована высшая часть общества, в первую очередь духовенство или жречество. В связи с этим в различных редакциях Александр признает истинность разных верований. Впоследствии «История Александра» эволюционирует внутри культурной парадигмы, что приводит к ее трансформации в рыцарский роман на территории Европы и в маснави на Востоке.

При жизни Александр приложил множество усилий для признания своего обожествления. В Древнем Мире его либо безоговорочно признавали богом, либо считали его претензии необоснованными и кощунственными. Средневековье заняло особенную позицию в ответе на вопрос: «Александр бог или человек?». В средневековой Европе македонянин стал тем, кем были Ахилл или Геракл для эллинов – героем-полубогом. На Востоке он был принят за эталонного правителя и занял видное место в системе философских воззрений. В своем походе Александр шел за героями древности, став в итоге героем для следующих поколений.

М.А. Мочалова

г. Москва (Россия)

Московский гос. ун-т. им. М.В. Ломоносова

ОБРАЗ САЛАХ АД-ДИНА В ЛАТИНСКИХ ХРОНИКАХ

В статье осуществляется попытка осмысления и представление образа султана Салах-ад-Дина в восприятии и понимании латинских хронистов. Произведён краткий анализ использованных источников с выявлением их особенностей. Автором поэтапно были рассмотрены сведения о первых столкновениях Саладина с христианами до 1187 г.; исследованы данные непосредственно о походе султана на Иерусалим и взятии Святого города; освещены события III крестового похода через его контакты с Ричардом I Львиное Сердце, Фридрихом I Барбароссой и Филиппом II Августом. Обосновывается идея восприятия роли султана Салах-ад-Дина в истории как победителя крестоносцев.

Работа носит источниковедческий характер. Значительное внимание уделяется проблеме дихотомии востока и запада и восприятию культурами друг друга.

Ключевые слова: история крестовых походов, третий крестовый поход, Салах-ад-Дин, источниковедение, латинские хронисты и хроники

Султан Юсуф ибн Айюб, прозванный еще при жизни Салах ад-Дином («спаситель веры»), и по сей день остается одним из самых выдающихся правителей и полководцев мусульманского мира. Его личность олицетворяет собой один из ключевых моментов в истории крестовых походов: захват Иерусалима мусульманами. Этот поворотный момент отражен во всех восточных и западных хрониках того времени. Конечно, наперёд стоит отметить, что для латинских хронистов Саладин прежде всего являлся неприятелем как в военном, так и в религиозном плане. С этой точки зрения, выбранная для исследования тема на первый взгляд кажется противоречивой. Однако

представляется невозможным в полной мере изучить историю конфликта двух сторон без обзора сложившегося «образа врага» у каждой из них. Складывание такого образа Саладина прямым образом отразилось на формировании у европейцев взгляда на исламский мир и историю конфликтов с мусульманами. При этом важен тот факт, что лейтмотивом всех описаний личности и поступков Саладина является тема благородства и святости, которые иногда даже противопоставляются падению нравов христиан. Восприятие Саладина хронистами через такую призму морали и религии откладывает своеобразный отпечаток на их повествования.

П. Кардини в своем труде «Ислам и Европа: история непонимания» очень удачно называет Саладина одной из трех (помимо Мухаммеда и обобщенного образа вождя-шиита) знаковых фигур, иллюстрирующих изменение отношения запада к исламу¹. В представленном исследовании будут рассмотрены первые появления фигуры султана в европейской литературе.

Упоминания Саладина у латинских хронистов в основном приурочены к описанию битв, в которых христиане сталкивались с султаном. Там же в описании мы находим и мнение хронистов о личности Султана, и оценку его поступков. Таким образом, необходимые сведения собирались из доступных переведенных на русский язык источников – в основной массе отрывков хроник, посвященных истории III крестового похода и периода, предшествующего ему.

Объективность такого рода источников напрямую связана с целью исследования: мы искали не достоверные и проверенные факты о жизни и деяниях Саладина, которые можно найти и у многих арабских хронистов, нас интересовала манера подачи информации о султанах, о его победах и поражениях, о взаимоотношениях с христианскими королями и населением государств крестоносцев на Востоке. При всей субъективности повествования и идеализации крестоносного движения², латин-

¹ Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания. СПб., 2007.

² Заборов М.А. Введение в историографию крестовых походов (латинская хронография XI–XIII вв.). М., 1977. С. 270.

ские хронисты времен III крестового похода – добросовестные рассказчики. Здесь сказываются новые веяния в философии и литературе, связанные с переосмыслением отношения к разуму и вере. Хронисты стараются быть честными и не боятся критиковать своих же соплеменников, терпевших поражения от Саладина. Конечно, довольно часто в описании конкретных побед и поражений хронисты объясняют их божественной предопределенностью, но также приводят и объективные причины: конкретные силы армии и флота, расстановку войск и климатические условия.

Также следует отметить моральную сторону повествований латинских хронистов. Из-за общего охлаждения крестового движения на Западе и падения нравственности в самих государствах крестоносцев на Востоке (в особенности Иерусалимского королевства)³, хронисты обращаются к идеалам начала крестового движения и первого похода. Саладин начинает выступать в роли «бича божьего», посланного за грехи христиан.

Сочинение Вильгельма (Гийома) Тирского «История священной войны, в XXIII книгах» доставило автору титул князя историков Крестовых походов. Отрывок о Палестине во время правления Амальрика и Балдуина IV и войнах с Саладином явился главным источником при рассмотрении периода первых столкновений Саладина с христианами. Хронист был непосредственным очевидцем событий, жил в Иерусалимском королевстве, занимал высшие должности при короле Альмарике, и, соответственно, творил в непосредственной близости с людьми и событиями. В своем сочинении он не щадит единоверцев и уходит от идеализации крестового движения данного периода. Образ Саладина просматривается у хрониста скорее косвенно, чем прямо. Однако детали, указанные Тирским, крайне важны для нашего исследования. Используемый нами отрывок заканчивается до взятия Иерусалима Саладином, однако известно, что сам хронист пережил взятие и умер только в начале 90-х годов XII века. Тирский писал в эпоху начала

³ Там же. С. 120.

жесткого сопротивления мусульман христианским захватчикам. Его сочинение изобилует печальными размышлениями о судьбе всего крестоносного движения, сожалениями о свершившихся событиях. Только у Вильгельма Тирского мы находим отсылки к прошлому Саладина, его происхождению и началу жизненного пути.

Бернард Казначей оставил нам единственную полную историю всего времени Крестовых походов, и притом на старофранцузском языке. Были использованы извлечения о Тивериадской битве и взятии Иерусалима Саладином в 1187 г. и об осаде Акры и войны Ричарда I с Саладином. Для начала своей хроники, от 1096 до 1184 г., автор ограничился переводом истории Вильгельма Тирского и затем продолжал ее сам до 1230 г. Данное сочинение широко и полно освещает поход Саладина на Иерусалим со всеми сопутствующими битвами, непосредственно взятие города Султаном и его распоряжения относительно побежденных. Хронист старается добросовестно излагать факты, но его объективность варьируется в зависимости от исхода сражений. Также присутствует множество размышлений о таком печальном для христиан исходе и его причинах. Второй отрывок, посвященный войнам Ричарда I соответствует иному периоду взаимоотношений Саладина и христиан, победоносному для последних. Манера изложения меняется, становится более воодушевленной, так как могущественному Саладину теперь противостоит равный противник, способный защитить христиан.

«Хроника» Салимбене де Адама (Салимбене Пармского), итальянского монаха-францисканца, была использована нами полностью. Произведение написано разговорным латинским языком и охватывает период с 1168 по 1287 гг. Хроника сама по себе довольно краткая, но содержательная. Статьи по интересующей нас теме относятся к периоду взятия Иерусалима и эпохи III крестового похода. Они скупы на пространные размышления автора, поэтому его отношения к тому или иному событию и конкретно к личности Саладина мы узнаем в основном из используемых эпитетов или немногочисленных кратких характеристик. Так же нам известно, что в изложении событий

автор опирался на арабские источники, а сама работа была написана уже много после событий, связанных с именем Саладина.

Мемуары Галфрида Винодела «Путь Ричарда, короля Англии, в Св. землю, 1170–1194 гг.» также сообщают ряд важных сведения. В начале этих мемуаров помещен обзор завоеваний Саладина [отсутствуют у М.М. Стасюлевича], вызвавших поход в Иерусалим. Сочинение служит одним из лучших изображений рыцарских подвигов Ричарда I и живо излагает историю III крестового похода. Так же в свое сочинение Галфрид включил переписку Фридриха I с Саладином накануне крестового похода, которая представляет особый интерес в контексте рассмотрения взаимоотношения правителей Востока и Запада.

Первые столкновения. Султан Саладин появляется тогда, когда его действия на военном поприще становятся заметными. Это происходит, когда христианские и мусульманские интересы сталкиваются в Египте⁴. У Вильгельма Тирского мы находим упоминания Саладина в описаниях сражения близ Каира⁵ и осады Александрии в 1167 г.⁶ Первая битва является "дебютом" Саладина в латинских хрониках. После же взятия Александрии, Саладин выходит на первый план, после того как командующий Ширкху покинул город, оставив там молодого Юсуфа с отрядом в 1000 воинов. Тирский объясняет это тем, что в городе начался голод, а Ширкху побоялся, что его войско тоже может пострадать. В итоге Саладин представляется читателю «зажатым в угол», ждущим помощи от своего дяди Ширкху, готовым сдаться. Король же явился благородным правителем, вернувшим город египетскому султану, оказавшим почет побежденным, т.к. в итоге снял осаду, заключил мир и с уважением принял Саладина в своем лагере. На наш взгляд, такие детали призваны создать в христианском короле образ равный Саладину благородством. Зная, каким в итоге правителем станет сам Юсуф, хронист обращает внимание читателя на

⁴ Мишо Ж.-Ф. История крестовых походов. М., 2005. С. 55.

⁵ Стасюлевич М.М. История Средних веков. СПб., 2001. Т. 3. С. 330.

⁶ Там же. С. 333.

то, что христиане так же относились к Саладину и его отряду с уважением. Далее, как известно, с течением времени Саладин становится полновластным правителем Египта и реальной угрозой для христиан.

Хронист представляет описание некоего пути становления Саладина, как врага крестоносцев. Победы врага и собственные поражения вызывают негативную реакцию, отражающую субъективность хрониста. Однако в целом нельзя сказать, что Тирский искажает исторические факты. Несмотря на попытки очернить образ Саладина, мы видим султана могущественным и опасным правителем. Сама хроника событий, представленная Тирским, иллюстрирует процесс формирования образа.

Поход и взятие Иерусалима. Значение Святого города, как для христиан, так и для мусульман сложно переоценить. В истории крестовых походов Иерусалим играл роль главной крепости всего Ближнего Востока, притом крепости святой. Обладание им определяло, на чьей стороне сила. Соответственно, нахождение Святого города в руках неприятеля подвигало ту или иную сторону к «священной войне» с «неверными». Описание битв за город присутствует у всех хронистов всей эпохи крестовых походов. Взятие Иерусалима Саладином в 1187 г. и последующий захват территорий Иерусалимского королевства является важнейшим событием периода столкновений христиан с этим султаном. Именно поэтому, используя данные хроник по этой теме, мы находим большое количество важной информации о Юсуфе. Его образ, созданный латинскими хронистами, проступает более полно.

Традиционно начало похода Саладина на Иерусалим связывают с эпизодом, когда граф Рейнальд Шантильонский напал на египетские торговые караваны, нарушив тем самым перемирие, заключенное в 1178 году Иерусалимским королем Балдуином IV⁷. Саладин потребовал выдачи захваченных пленных и наказания⁸ разбойника⁹, что, однако, не было удовлетво-

⁷ Мишо Ж-Ф. Указ. соч. С. 56.

⁸ Там же.

рено. Этот эпизод явился поводом непосредственного наступления армии султана на Иерусалимское королевство.

Здесь следует упомянуть описания латинских хронистов столкновений Саладина с графом Шантильонским. Первое (вышеупомянутое нападение на египетские караваны), по мнению Салимбене де Адама, было основной причиной похода на Иерусалим Саладина¹⁰. Здесь именно граф Шантильонский является отрицательным персонажем, хронист обвиняет его в полном бесчестии. Относительно же Саладина, комментариев не дано (ввиду выше упомянутой краткости изложения хроники). У Бернарда Казначей, оставившего гораздо более подробное описание столкновений Саладина с Иерусалимским королевством, мы вообще не находим описания конкретно этого события. Скорее всего, это связано с тем, что Салимбене в своей хронике опирался на арабские источники, а Бернард Казначей писал свою сам¹¹. В арабских же источниках этот эпизод расписан очень ярко, со справедливым возмущением по отношению к действиям христиан¹². Так, у нас создается впечатление, что современник событий, Бернард Казначей, сознательно не привлекает внимание к этому эпизоду, отмечающему бесчестие одного из христианских правителей. Возможно, это связано с тем, что дальнейшие события (непосредственно взятие Иерусалима и великодушие Саладина по отношению к побежденным) и так рисуют читателю Саладина благороднейшим правителем.

Дело хронистов в данной ситуации состоит в том, чтобы *правильно* начать повествование о самом походе. Каждая из сторон (латинская и мусульманская) сделала это по своему, результат чего мы и наблюдаем. Нас в данной ситуации интересует то, что латинские хронисты предпочли не заострять внимание на этом темном для крестоносцев эпизоде.

⁹ Салимбене де Адам. Хроника. М., 2001. С. 13.

¹⁰ Там же.

¹¹ Стасюлевич М.М. Указ. соч. С. 354.

¹² Баха ад-Дин ибн Шадад. Саладин. Победитель крестоносцев. СПб., 2009. С. 57.

Следующая встреча Райнольда и Саладина состоялась в шатре султана при пленении христианских воинов после Тиверидской битвы, когда среди пленных оказался и сам король, Ги де Лузиньян¹³, итогом которой явилась казнь графа Шантильонского, тут же на месте, которая была исполнением священной клятвы, данной султаном. Здесь следует отметить, что именно на этом моменте хронисты включают в повествование совсем небольшие дигрессии, содержащие крайне важные детали. Салимбене говорит о некоем *преступлении*, за которое и заплатился Райнольд¹⁴, а Бернард Казначей вспоминает про то, как граф *ограбил мать Саладина*¹⁵. Хочется отметить, что такие формулировки свидетельствуют о том, что хронисты «темнят». В примечаниях к «Хронике» Салимбене говорится, что это преступление связано все с тем же ограблением каравана, в котором, как выясняется, находилась сестра Саладина. Относительно пассажа про ограбление матери султана, дело обстоит сложнее. Возможно, имеется в виду один и тот же факт, т. е. одна и та же женщина.

Вышеописанные эпизоды являются еще одним подтверждением замалчивания латинскими хронистами некоторых фактов в конфликте христиан и мусульман на Святой земле. Однако следует отметить, что преступления графа Шантильонского всё же упомянуты хронистами. На наш взгляд, это является еще одним «кирпичиком» в благородном образе Саладина, который складывался у латинян, помимо их воли. Следующим шагом султана на пути к Иерусалиму стало сражение за город Тиверию (битва при Хатгине). Здесь нас интересует непосредственно ведение боя султаном, так как мы можем узнать мнение латинских хронистов о Саладине, как о военачальнике, и многие детали, связанные с взаимоотношениями султана с христианскими правителями.

В описании самой битвы мы отмечаем детали, свидетельствующие о военных умениях Саладина и его армии. Му-

¹³ Стасюлевич М.М. Указ. соч. С. 357.

¹⁴ Салимбене де Адам. Указ. соч. С. 13.

¹⁵ Стасюлевич М.М. Указ. соч. С. 357.

сульмане использовали особенности климата (самые жаркие часы, легко воспламеняющиеся растения) и рельефа (холмистая местность, знакомая армии Саладина, позволяла ей легко окружать противника). Следует сказать, что Бернард Казначей с готовностью сообщает многие факты, свидетельствующие о таланте Саладина, как полководца. Хронист признает победу султана, с горестью говорит о поражении христианской армии, о том, как многие и многие «достопочтенные мужи» покрыли себя позором.

В череде городов, на которые султан пошёл после захвата Тиверии, хронистами выделен город Тир, так как он так и не был взят Саладином. *«Господу было угодно удержать Тир за христианами, чтобы у них оставалось хоть немного земли»*, – сообщает Бернард Казначей¹⁶. Хронист, описывая победоносный путь Саладина по городам, занятым христианами, заостряет внимание на том, что большинство из них сами сдались султану, не желая терпеть потери и терять свое имущество. Саладин позволял осажденным при сдаче города выкупить свою свободу, забрать имущество и под охраной вернуться «на землю христиан». Хронист ясно осознает сам и стремиться передать это в своем сочинении то, что главная цель Саладина – не убийство ради наживы или слепая кровная месть. Его «священная война» выражается не в жажде смерти христиан, а в возвращении «своего», т. е. городов и святых мест исламу. Тир же взять таким образом султану не удалось, но не из-за упорства его жителей или их желания биться до конца, а по причине появления помощи извне в лице Конрада Монферратского. Этот эпизод можно назвать «отдушиной» обоих хронистов, чьи работы мы использовали. Наконец-то рассказ идет о победе, удачной выдержке осады, об отступлении непобедимого Саладина. Тем не менее, арабские хронисты в один голос заявляют, что это была некая «поблажка» несчастным христианам.

Отношение Саладина к самому взятию Иерусалима определил в своей хронике Бернард Казначей: *«Я [Саладин] очень верю, что Иерусалим – Божий дом; такова наша вера. Я*

¹⁶ Там же. С. 358.

*неохотно приступаю к осаде Божьего дома и не возьму его приступом, если возможно сделать то же по договору и согласию»¹⁷. Эта цитата отражает суть всего дальнейшего повествования автора. Хотя на первых порах христиане и сражались довольно храбро, но затем все же и с ними сработала схема взятия города. Он подробно рассказывает о предложении договора султаном, о раздумьях христиан, наконец, об их соглашении, о позорных торгах по выкупу, о выходе христиан из города. Здесь интересным представляется тот факт, что Бернард необыкновенно подробно и точно описывает все те благородные уступки, на которые пошел Саладин: снижение выкупа, обеспечение безопасности жителям города, одаривание иерусалимских знатных женщин, оставшихся без кормильца. Все это султан делал для того, чтобы поселить в людях чувство благодарности врагу, о чём говорит и сам хронист. Это особенно унижительно в войне за веру. Так же мы можем проследить у Бернарда Казначей (как и у его предшественника Вильгельма Тирского) нарастание разочарования по отношению к населению Иерусалимского королевства и всех земель, принадлежащих. Он говорит о падении морали и нравственности, а что самое важное – религиозности и веры в святое дело и в принципы крестоносного движения. На фоне неверного для христиан, но благочестивого в *своей* вере Саладина, занятые междоусобицами и дележом награбленного христианские правители выглядят еще более жалкими. Именно в потере веры и идеалов видят все хронисты потерю божьей благодати и поражения христиан. Перед самой сдачей города, иерусалимские женщины начинают молиться особым образом, прося господу спасти их¹⁸. Бернард комментирует это так: «...но Господь наш Иисус Христов не хотел внять им, сколько они не молились; ибо грязная и вонючая роскошь и распутство не допускали молитвы подняться к Богу».*

Проигравших и утративших главную христианскую святость, пусть и своих соплеменников, хронисты не боялись критиковать, видя причины поражения в их греховности. Создается

¹⁷ Там же.

впечатление, что хронисты не видели иного исхода событий. Только в помощи извне, из Европы, которая была сердцем католической веры, они видели спасение и достойных противников султану Саладину. И вскоре достойные появились.

Третий крестовый поход

Европа взбудоражена вестью о потере Иерусалима, звучат призывы к новому крестовому походу. Вводится дополнительный налог, прозванный «Саладиновой десятиной», на обеспечение армии¹⁹.

Первым и вышеназванных правителей в контакт с Саладином вступает король Фридрих уже непосредственно после взятия первым Иерусалима²⁰. Хронист Галфрид Винодел поместил эти письма в свои путевые заметки. Заметим, что султан довольно резок в своих ответах на призывы Фридриха оставить христиан и Святой город. На наш взгляд, целью здесь является подробная передача исторических фактов. Хронист не пытается создать образ, он передает информацию, так как ее действительно много, и для создания полной картины истории III крестового похода ему важна каждая деталь. В целом мы видим момент дипломатических контактов Саладина с европейскими правителями, в котором Саладин здесь выступает жестким политиком, готовым диктовать условия, но учтивым и уважительным по отношению пусть и к неверным.

Непосредственные военные столкновения Саладин имел с двумя другими европейскими королями – Ричардом I и Филиппом II. С появлением излюбленного героя хроник, короля Ричарда, воинствующего и победоносного правителя, Саладин «сдает позиции» по уровню могущества, описываемому хронистами. При осаде Акры Саладин уже просит о перемирии и обещает сдать город крестоносцам. Но он все так же остается благороднейшим правителем, и уж точно благороднее жесткого и алчного Ричарда (каким последнего особенно представляет Салимбене). Крестоносцы умерщвляют многих и многих пленных мусульман, оставляя только тех, кто может быть полезен в

¹⁹ Стасюлевич М.М. Указ. соч. С. 370.

²⁰ Там же. С. 371.

случае обмена пленными. Саладин же, зная о зверствах христиан «не воздал пленным христианам злом за зло»²¹.

После поражения под Аккрой Саладин в основном отступает, а король Ричард его преследует. Судьба же Иерусалима пока остается нерешенной: и французы, и англичане хотят единолично занять плохо обороняемый город.

После поражения Саладин под Яффой и вовсе казалось, ничто не мешает Ричарду занять Святой город и вернуть его христианам. Однако здесь проявляется все то же падение религиозного духа, морали, о котором говорили хронисты Вильгельм Тирский и Бернارد Казначей: не святая вера, а жажда наживы двигали крестоносцев и их правителей. Борьба группировок крестоносцев за Иерусалимский престол была продолжительной. Англичане, французы, немцы – все искали выгоды конкретно для своих государств. Оба короля (Ричард и Филипп) в довершении ко всему тяжело заболели²². В такой благоприятной ситуации, могущество Саладина снова возвращается. Его благородные жесты, вроде посылок с фруктами больным правителям крестоносцев, воспринимались другими участниками похода как доказательства связей того или иного короля с неверными²³. Можно сказать, что прямо под стенами Святого города доблестный король Ричард замедлился и даже остановился, приводя «вечные» аргументы крестоносцев, не желающих приступать к осаде: отсутствие воды и продовольствия, заманивание султаном в ловушку, недостаток сил, отсутствие сплоченности среди воинов. Осада так и не была предпринята. Саладин не упустил возможность воспользоваться промедлением. В сражениях близ Святого города Ричард не перестал проявлять свои военные таланты, но решительных перемен так и не произошло. На наш взгляд, поход был закончен уже здесь и победителем всей кампании явился именно Саладин, так как условия перемирия продиктовал он. Бернارد Казначей преподносит этот факт, говоря что Ричард планировал вернуться в Англию

²¹ Салимбене де Адам. Указ. соч. С. 24.

²² Там же. С. 25.

²³ Мишо Ж.-Ф. Указ. соч. С. 73.

за подкреплением и уже после этого вернуться на Святую Землю, осадить, наконец, Иерусалим и другие города. Т. е. на момент заключения перемирия король был согласен едва ли не на все условия, чтобы воплотить свой план в жизнь²⁴. Мы снова наблюдаем попытку замалчивания хронистом отхода христиан от священных целей. И снова на этом фоне султан Саладин выглядит благородным и мудрым правителем, пошедшим на определенные уступки перед и так, по сути, сдавшимся врагом. Известный договор был заключен 10 августа 1192 года. Далее хронист сам добавляет, что *«когда договор был утвержден, Саладин сжалился над владельцами, которые жили еще в Палестине и которых он лишил наследия»*²⁵ и дарует часть земель местным христианским правителям. Беспрецедентная акция, по сути. Конечно, ясно, силы армии султана теперь далеко не так велики, как раньше. Однако даже объединенными силами крестоносцев не была достигнута главная святая цель III крестового похода – возвращение Святого Города христианам. Именно этот факт, отраженный всеми хронистами, является главной составляющей образа султана Саладина – победителя крестоносцев.

²⁴ Стасюлевич М.М. Указ. соч. С. 400.

²⁵ Там же.

А.Д. Мокрополова

г. Казань (Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

«СЛАВНЕЙШИЙ КОРОЛЬ НОРМАННОВ»: АДАМ БРЕМЕНСКИЙ ОБ ОЛАВЕ СВЯТОМ

Работа посвящена анализу сведений об Олаве Святом, содержащихся в сочинении Адама Бременского «Деяния архиепископов гамбургской церкви». Данный источник интересен тем, что, во-первых, он дает взгляд со стороны на события происходящие в Норвегии в период правления Олава, во-вторых, в силу своих особенностей, позволяет понять, как король-святой воспринимался западноевропейскими клириками и соответственно, транслировался ими верующим. Кроме того, труд Адама позволяет понять, каким образом происходило конструирование образа святого.

Ключевые слова: Адам Бременский, Олав Святой, Норвегия, конструирование образа святого.

Труд Адама Бременского «Деяния архиепископов гамбургской церкви» занимает особое место среди источников западноевропейского происхождения по истории скандинавских стран. Наибольшую ценность представляют собой сведения, касающиеся христианизации Дании, Норвегии и Швеции. По сравнению с англо-саксонскими и франкскими источниками, в произведении Адама намного более подробно рассмотрены вопросы проникновения и утверждения новой религии в Скандинавии. Один из крупных отечественных исследователей, занимающийся вопросами христианизации Швеции, В.В. Рыбаков, отмечал, что «...по своему содержанию сочинение Адама Бременского – это типичная епископская хроника, построенная как перечень сведений о сменяющих друг друга предстоятелях

определенной епархии...»¹. Таким образом, в центре внимания Адама находятся, в первую очередь, гамбург-бременские архиепископы и их деятельность. Однако, несмотря на кажущуюся узость темы произведения, в нем затронут довольно широкий круг проблем, в том числе, и относящихся к внешней и внутренней политике скандинавских стран. Это обусловлено тем, что особый акцент Адам Бременский делает на миссионерской деятельности архиепископов, одним из главных объектов которой была Скандинавия.

Хронологически «Деяния архиепископов гамбургской церкви» охватывают период с 788 по 1080 гг. Для настоящего исследования интерес представляют собой упоминания Адамом Бременским норвежского конунга Олава, встречающиеся во второй и четвертой книгах сочинения. Обычно он упоминает Олава, рассматривая внешнеполитические отношения между Скандинавскими странами.

Впервые Адам говорит об Олаве в 36 схолии второй книги своего сочинения, в контексте рассказа о возвращении в Скандинавию датского короля Свена: «...Свен, король данов и норманнов, желая отомстить за старые обиды, а именно: за убитого брата и за своё изгнание, отправился в Англию с большим флотом, ведя с собой своего сына Кнута и Олафа, сына «Вороньей ноги», о котором было сказано выше...»². Этот отрывок заслуживает отдельного внимания – в нем Адам называет Олава сыном «Вороньей ноги», то есть Олава Трюгвасона. Однако тексты королевских саг свидетельствуют о том, что отцом Олава Святого был Харальд Гренландец: «...Аста дочь Гудбранда вскоре после гибели Харальда Гренландца вышла замуж за человека, которого звали Сигурд Свинья. Он был конунгом в Хрингарики. При Асте жил Олав, ее сын от Харальда Гренландца. Он вырос у Сигурда Свиньи, своего отчима. Когда ко-

¹ Рыбаков В.В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008. С. 25.

² Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви // Адам Бременский, Гельмгольд из Боссау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 52.

нунг Олав сын Трюггви приехал в Хрингарики, чтобы насаждать там христианство, крестились и Сигурд Свинья и Аста, его жена, и Олав, их сын. Олав сын Трюггви был крестным отцом Олава сына Харальда...»³. Харальд Гренландец был потомком первого короля Норвегии – Харальда Прекрасноволосого. Таким образом, не совсем ясно, умышленно ли Адам Бременский связывает Олава Трюггвасона и Олава Харальдссона узами ближайшего родства, или же делает это случайно. Так же можно предположить, что Адам мог быть не осведомлен или неверно информирован в этом вопросе, либо счел несущественным тот факт, что Олав Трюггвасон был крестным будущего короля Норвегии Олава Святого. Тем не менее, происхождение Олава имело большое значение в первую очередь, для обоснования легитимности его власти в период объединения норвежских земель под его властью.

Адама Бременского, прежде всего, интересует Олав как король-миссионер, христианизатор Норвегии. Об остальных аспектах его политики он упоминает только в контексте тех мер, которые были направлены на обращение норвежского населения. В словах Адама наблюдается четкая тенденция к восприятию Олава как короля-миссионера, короля-святого. В отношении него употребляются эпитеты «святейший» и «блаженнейший». Приводится и соответствующее объяснение войнам, которые Олав вел с датскими правителями: «...Между Кнудом и Олафом, королём норманнов, шла постоянная война, которая не прекращалась в течение всей их жизни: даны «сражались за власть, а норманны – за свободу». Более справедливым в этих обстоятельствах мне кажется дело Олафа, который вёл войну скорее по необходимости, нежели по собственной воле...»⁴. Учитывая, что Адам Бременский жил в том же столетии, что и Олав, но несколькими десятилетиями позднее (умер после 1080 г.), можно предположить, что своими словами он

³ Сага об Олаве сыне Трюггви, LX // Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1980.

⁴ *Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви...* С. 53.

передает некое устоявшееся мнение об Олаве. Это тем более вероятно, что Олав был объявлен святым спустя несколько лет после смерти, в 1031 году.

При изучении «Деяний архиепископов гамбургской церкви» складывается впечатление, что Адам совершенно упускает из виду политические предпосылки деятельности Олава. Если в королевской саге об Олаве Святом можно четко проследить политику централизации власти и объединения норвежских земель в руках единственного правителя, то оценка действий Олава в труде А. Бременского кажется поверхностной. К примеру, он называет причиной восстания бондов против Олава возмущение «...вельмож, чьих жён он удалил из-за их увлечения ворожкой...»⁵. Как видно из приведенного отрывка, тот факт, что бонды видели в христианизации, возглавляемой Олавом, угрозу своим политическим правам и социальному статусу, совершенно ускользает от Адама. Это, конечно, может объясняться и географической, и хронологической удаленностью автора от описываемых событий.

О смерти Олава Адам Бременский рассказывает не так, как другие авторы. Если в источниках обычно приводится только один вариант – гибель в бою с войском бондов, то Адам приводит целых три варианта: «...Одни говорят, что он был убит в бою, а другие – что его замучили в самом народном собрании. Наконец, третьи утверждают, что он был тайно убит в угоду королю Кнуту, что, по нашему мнению, гораздо ближе к истине...»⁶. Причиной такой вариативности может служить то обстоятельство, что Адам использовал различные источники для написания своего труда – устные свидетельства разных людей и более ранние письменные источники. Вывод же, сделанный им, вполне закономерен для стороннего наблюдателя и довольно близок к тому, что говорится в других источниках. Тем не менее, здесь Адам также недооценивает роль бондов в противостоянии Олаву, делая акцент на персоне Кнута, датского и английского короля.

⁵ Там же. С. 54.

⁶ Там же.

Важными для понимания того, как складывался и воспринимался культ Святого Олава, являются сведения, касающиеся его посмертных чудес. Однако Адам говорит об этом меньше, чем можно было бы ожидать. В целом он ограничивается несколькими общими фразами во второй и четвертой книгах: «...Там, благодаря чудесам и исцелениям, которые совершаются через него, Господь и ныне являет, насколько уважаем на небе тот, кто так славился на земле...»⁷; «...О выдающихся заслугах [Олафа] свидетельствуют те чудеса, которые ежедневно случаются на могиле короля в городе Тронхейме...»⁸; «...У его могилы вплоть до настоящего дня Господь совершает чудеса исцеления, так что даже из дальних краёв сюда стекаются те, кто надеется облегчить свои страдания через посредничество святого...»⁹. Таким образом, в «Деяниях» дается довольно мало информации, касающейся чудес Олава, что, конечно, не позволяет использовать этот источник для изучения формирования комплекса чудес святого. Можно было бы предположить, что на тот момент уже существовали какие-либо письменные перечни чудес Олава, однако исследователи склонны считать иначе: «...о возникновении собрания чудес (*miracula*) св. Олава можно говорить лишь через век после гибели конунга»¹⁰, так же и оценка роли Олава как короля-крестителя Норвегии дается гораздо позднее: «...Olaf's role in the conversion of Norway is first elucidated in the "Passio et miracula beati Olavi" (composed probably in the 1170s) and Theodoricus Monachus's...»¹¹, – то есть, письменная традиция об Олаве Святом складывается более века спустя его гибели. А текст «Деяний» не позволяет судить о том,

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 70.

⁹ Там же. С. 111.

¹⁰ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012. С. 232.

¹¹ Antonsson H., Garipzanov I. Veneration of Saints in Scandinavia and Eastern Europe (c. 1000–1200) // Saints and their Lives on the Periphery. Turnhout, 2010. P. 18.

насколько был сформирован культ Святого Олава на тот момент.

В целом, «Деяния архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского являются ценнейшим источником для изучения истории Церкви в Норвегии и других Скандинавских странах. Адам довольно подробно рассматривает вопрос источников проникновения христианства в Скандинавию с точки зрения миссионерства.

Если же говорить о Святом Олаве и формировании его культа, то здесь Адам приводит очень оригинальные сведения, которые требуют проверки и сравнения с другими источниками. Стоит помнить о том, что труд Адама Бременского происходит из клерикальной среды, и вследствие этого несет в себе оценку описываемых событий, характерную для христианского мировоззрения. Это и является причиной того, что Адам в некоторой степени однобоко толкует конфликт Олава с норвежской знатью. В то же время, взгляд Адама – это взгляд со стороны, и в этом состоит его ценность. Текст «Деяний» позволяет понять, как воспринимался святой спустя несколько десятилетий после его смерти, как истолковывались его поступки в клерикальной среде – и в каком виде эта картина затем транслировалась в общество.

Р.Р. Хазиахметова

г. Казань (Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОЛЕЗНИ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Статья поднимает вопрос о том, как воспринималась болезнь ранне-средневековым обществом. Болезнь возводилась в ранг индивидуального явления, которое виделось сквозь призму трех мировоззренческих систем. Речь идет о дискурсе античной, варварской и христианской культур. Раннее средневековье – как синтетическое и переходное время для всех сфер общественной жизни Европы – совмещает в себе все три картины мира. Именно это позволяет нам поднять проблему, как каждая из них влияла на общественную мысль и складывающуюся традицию целительства.

Ключевые слова: болезнь, раннее средневековье, христианство, святой, целительство.

Раннее средневековье – это время, которое содержит в себе множество переходных от античности к классическому средневековью моментов. Между тем, оно самобытно и отличается от предыдущего и последующего времен. Одной из особенностей раннего средневековья является восприятие болезни. Конечно, это не подразумевает, что люди постоянно думали о болезни. Однако же, раскрыв это понятие, можно близко подойти к таким проблемам как: соотношение тела и телесности, его восприятие; исцеление и святость; христианизация. В данной работе будут рассмотрены понятие болезни в раннем средневековье, способы лечения, виды болезней.

Для раскрытия понятия болезни были использованы различные работы, использующие различные теоретические

подходы. Одним из крупнейших российских специалистов по данной проблематике является Ю.Е. Арнаутова. В той или иной степени к данной теме обращались и другие отечественные и зарубежные медиевисты: Жак Ле Гофф, Марк Блок, А.Я. Гуревич, что свидетельствует о ее значимости и многоаспектности.

Раннее средневековье – это эпоха христианизации, проникновения христианской мысли и культуры в обыденную жизнь «варваров», язычников. Идет столкновение разных по картине мира культур: культуры народной (нерелигиозной)¹ и культуры христианской. Таким образом, понятие о болезни так же формировалось из знаний о болезни «варваров» и отцов церкви. Однако наследие античности так же не осталось в стороне: как варварская культура, так и христианская заимствовали определенные аспекты врачебательной практики античности. Для раскрытия понятия болезни в раннее средневековье следует ознакомиться со всеми тремя практиками восприятия.

Рассмотрим, что под болезнью понимали античные мудрецы. Натурфилософия, материализм античных философов и ученых привели греко-римскую культуру к натуралистическому восприятию болезни. Она понималась как некий сбой в организме. Достаточно вспомнить теорию Галена о четырех жидкостях, чтобы убедиться, что в античности к лечению болезни подходили по принципу, который актуален и на сегодняшний день: сначала искали причину заболевания (у Галена это нарушение сочетания жидкостей, вследствие нехватки или избытка какой-либо из них), затем в соответствии с причиной назначали лечение. Конечно лечением занимались врачи, т. е. люди образованные, обучавшиеся ремеслу лекаря.

Обратимся к восприятию болезни франко-германских племен, населявших Центральную Европу. В языческой культуре, так же как и в античной, для лечения болезни искали причину ее возникновения. Но находили ее не «внутри» человеческого тела, а во внешних факторах. Здесь мифологическое мышление язычников дает нам право говорить об архаичном

¹ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 359.

представлении о болезни. Под болезнью понимали чужеродную силу, пришедшую извне и нарушившую здоровье. Эта формулировка соответствует дуальности мира «варвара»: свой (микрокосм) и чужой (макрокосм)². «Свое» – это нечто подвластное влиянию человека. «Чужое» – означает нечто находящееся вне юрисдикции человека, неподвластное его воле. Соответственным представлению о возникновении болезни было и лечение: заклинания, ритуалы, обряды по изгнанию злых духов, приготовление зелий, волшебных мазей и других атрибутов. Лечение занимались шаманы, бабки-колдуньи, старейшины – люди, опытность которых не подвергалась сомнению.

Теологическая мысль не могла согласиться с существующими понятиям болезни. С первых веков распространения христианства церковь разрабатывала сложное учение о болезни. Болезнь возникала с Божьего попущения и была либо карой за грехи (грешнику), либо испытанием (праведнику). В обоих случаях болезнь была тесно связана с культом страданий и апелляцией к всемогущему Богу. Таким образом, болезнь не воспринималась как ненормальное состояние, она была так же обыкновенна, как и здоровье. Обе эти вероятности существования находились в руках Бога-творца. Воля Божественного Провидения обнаруживается во всех обстоятельствах жизни человека. Исцеление воспринималось как дар Божий, прощение, благословение. Теория предписывала лечиться аскезой, молитвами, покаянием, прославлением Господа – использовать только духовные практики.

Перед нами три различных взгляда на состояние болезни, которые своеобразно соединились в эпоху Раннего Средневековья. Христианство захватывающее все большие территории в Центральной Европе проникало в умы «варваров». Однако оно не сумело всецело перестроить образ мышления, а вступила в некоторое противоречие с варварской, народной культурой.

² Арнаутова Ю.Е. Тревоги повседневной жизни: болезни, представления о лечении // Средневековая Европа глазами современников и историков. Ч. 3. Современный человек и его мир. М., 1994. С. 105.

Во-первых, народная культура была материальной, т. е. люди имели материальное представление о религии³. Чудеса, происходившие с людьми не отделялись от мира, в котором они жили. Принцип общения с Богом «ты мне, я тебе» как бы сохранялся в представлении простого человека. Если что-то земное (молитва, обряд) могло влиять на мир небесный, то и небесный мир мог влиять на мир земной. Эти два мира неотделимы друг от друга. В свою очередь церковь противопоставляла земной мир и мир небесный – они связаны, но не соединены.

Во-вторых, народная культура была «телесной», она не отрицала человеческое тело, как это делала церковь⁴. Культура народа требовала удовлетворения потребностей тела в первую очередь, потребность духа же была на втором месте. Церковь противоречиво относилась к выражениям тела и телесности. Почитая тело Христа и святые мощи, она в тоже время постулировала умерщвление тела человеческого, дабы уподобиться тому же Христу.

Насаждающаяся со всех кафедр храмов христианская картина мира не могла удовлетворить материалиста по природе – человека. Столкнувшись с непримиримостью старой культуры, новой ничего не оставалось, как пойти на уступки. Церковь смягчила свои требования. К VI–VII векам христианская идеология начала обращаться к античным врачевательным теориям⁵. Они, как мы уже отметили, натуралистичны. Учение о четырех телесных жидкостях было приемлемо для христианства, однако считалось, что изменение в балансе жидкостей было только поводом к болезни, основной причиной оставалась Божья воля. Вместе с натуралистическим взглядом церковь обнаружила тенденцию к использованию лекарственных средств и инструментов. Постепенно начали появляться списки разре-

³ Блок М. Короли-Чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 123.

⁴ История тела в Средние века. М., 2008. С. 189.

⁵ Арнаутова Ю.Е. Болезнь // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 54–58.

шенных лекарственных трав, ритуалы, внешне напоминающие магические ритуалы шаманов, и самое главное понятие «сакрального». Возникновение и значение этого понятия в раннем средневековье подведет нас к пониманию того, как христианская идеология вобрала в себя элементы народной культуры и по новому раскрыла понятие болезни и ее лечения.

Священный, сакральный, святой – все эти термины для человека раннего средневековья были синонимами слову целебный, исцеляющий⁶. Снизошедшее на землю благо Господа воспринималось буквально. В соответствии с этим восприятием любой предмет, еда, напиток после освящения их могли стать целебными. Еще одним способом лечения от болезни было обращение к Святому. Святые, как посредники между миром земным и миром небесным были наделены божественной благодатью – способностью к чудотворству. Именно чуда ждали прихожане, а чаще чуда исцеления. Целительной функции святых посвящены целые монографии. Здесь достаточно сказать, что святые не ограничивались только лишь молитвами о душе больного, они так же применяли некоторые вещества и предметы для лечения. Это свидетельствует о том, что этому субъекту христианской теологии не удалось избежать «варварского» влияния. (Культ святых в принципе выстроился на практике народной культуры, языческой культуры поклонения богам).

Таким образом, понятие болезни с теоретической точки зрения постулировалось христианской идеологией, а на самом деле продолжало иметь в своей основе «варварский» характер. Христианство, претендуя на господство в умах людей, пыталось подменить языческие представления своими. Церкви удалось это сделать: заклинания заменены на молитвы, магические ритуалы заменены литургией и обрядами церкви, зелья и прочие колдовские предметы представлены вещами, освященными церковью, шаманов и колдунов заменили Святые целители.

Остается открытым вопрос о том, что представляли собой болезни раннего средневековья и возможно ли было их лечение. Перечень болезней раннего средневековья мало отлича-

⁶ Блок М. Указ. соч. С. 154.

ется от перечня современности. Главное различие – отсутствие на европейском континенте не свойственных его климату болезней, что в интегрированном мире сегодня невозможно. Ю.Е. Арнаутова считает, что «Средневековое общество принадлежит к так называемым обществам с малым коэффициентом обеспеченности, и потому многие заболевания в нем носят психосоматический характер»⁷. Это значит, что подверженное постоянному напряжению из-за угроз голода, войн, стихийных бедствий, эпидемий средневековый человек заболел. Дело в том, что чувства беспокойства, тревоги, страха приводят к стрессу и соматическим расстройствам. Современная психология назовет данный тип заболевания самовнушением, т.е. когда телесные недуги становятся защитной реакцией на психологические расстройства. Таким образом, легко объяснимы и чудеса Святых, и целебные свойства многих освященных предметов. Средневековый человек, будучи уверенным в том, что его излечат, исцелялся внушением самому себе о своем здоровье. Надо сказать, что эта методика сегодня набирает популярность и ее действенность не раз доказывалась на практике.

Подводя итоги, следует вывести некое определение понятия «болезнь» для раннего средневековья. Болезнь в этот период – это противоестественное состояние тела/души человека, ниспосланное Богом во искупление греха, которое подвергается лечению с помощью духовных и материалистичных практик. Конечно, понятие условно, однако отражает многие аспекты данного времени.

⁷ Арнаутова Ю.Е. Чудесные исцеления святыми и «народная религиозность» в средние века // Одиссей. Человек в истории. М., 1995.

А.В. Даркина
г. Воронеж (Россия)
Воронежский юридический техникум

ВЕДЬМА, ДЬЯВОЛ, ПРОТЕСТ КАК ИЗОБРЕТЁННЫЕ ТРАДИЦИИ РАННЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В статье анализируются символы, содержащиеся в средневековой коллективной памяти и как люди в те времена с ними (раз)отождествлялись. Литературный процесс Средневековья принимал форму процессов над ведьмами. Тенденции взаимоотношений светского и религиозного были одинаковы, по-видимому, для всей католической Европы: официальная церковь осуждала народные формы религиозности, прежде всего попытки пересмотра традиции христианского вероисповедания. Налицо конфликт моделей мира: элитарной и массовой. Менялись формы социальной активности, что приводит к конфликту: ведьма представлена как активный субъект деятельности, в то время как Церковь ратует за пассивность паствы (и женщин в том числе). Мифотворчество как основная черта народной культуры и как культурный код последовательно рассоздаётся, выявляются преступные намерения ведьм и их сподвижников. Показано, что не только ведьма представлена специфическим образом, трансформации подвержены и некоторые другие символы – так, образ дьявола приобретает черты новой эпохи, эпохи отказа от модели мира, присущей «тёмным векам».

Ключевые слова: Раннее Возрождение, католическая церковь, формы религиозности, колдовство, нечистая сила, дьявол, ведьма

Статья посвящена анализу того, каким образом представлены символы, содержащиеся в средневековой коллективной памяти и как люди в те времена с ними (раз)отождествлялись. Интерес для нас представляет подход, рассматривающий феномены эпохи инквизиции с позиции со-

циальных отношений. Обосновывая выбранную методологию, рационально предположить, что «...и социология, и история действуют на едином предметном поле: они обладают арсеналом оригинальных исследовательских подходов, обогащающих представления об общественной реальности, придав им многомерность»¹, соответственно изучение антирелигиозной деятельности под углом социологической науки может быть перспективным для понимания закономерностей социально-политического развития эпохи в целом и отдельных регионов Европы, в частности. Литературный процесс Средневековья чаще принимал форму задокументированных процессов над ведьмами. Тенденции взаимоотношений светского и религиозного одинаковы практически для всей Европы: осуждение официальной католической церковью народных форм религиозности, прежде всего попыток пересмотра традиции христианского вероисповедания. Налицо конфликт моделей мира: элитарной (ортодоксальной) и массовой (антиортодоксальной). Меняются формы социальной активности, что приводит к конфликту: ведьма согласно «Молоту ведьм» представлена как активный субъект деятельности, в то время как Церковь, уповая на Божью волю, ратует за пассивность паствы (и женщин в том числе). Мифотворчество как основная черта народной культуры и как культурный код последовательно рассоздаётся, выявляются преступные намерения ведьм и их сподвижников – на них ложится вина за асоциальное поведение.

В произведении отчётливо заметен тренд традиционности, присущий средневековой традиции европейского общества: решать коллективно, что можно и что нельзя, как следует и как не следует жить. Так, выявление, преследование и наказание индивидов, причастных к колдовству или только заподозренных в нём, становится делом общим. С точки зрения гендера «Молот ведьм» может быть изучен как пространство, с одной стороны, гонений на вероотступников (чаще женского пола), а с другой, как образ церкви-матери, защитницы своих де-

¹ Джилардони Г. Размышления о пользе интеграции социологии и истории // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 116.

тей-паствы. Такое право присуще Церкви и инквизиции как её составляющей. Создаётся бинарная пара хорошая/плохая женщина – добропорядочная католичка/вероотступница. С помощью идеализации, риторического осуждения инаковости и страха наказания выстраивается идеал женщины-верующей и идеал церкви (и инквизиции, её «младшей сестры») как символ феминного – того, что оберегает, подсказывает, как себя вести и поэтому наставляет на путь истинный. Ведьма отнимает (перенимает?) это право за контролем над собственной жизнью у социального института церкви и отныне сама решает, какие практики ей использовать. С другой стороны, церковь через инквизицию и показательные суды над ведьмами как бы даёт возможность вернуться в её лоно, протягивает руку помощи тем, кто близок к нарушению религиозных догматов и вероотступничеству.

Ведовство – не просто социальное и религиозное зло, это деятельность, предполагающая социальную иерархию и своего рода стратификацию внутри подобного сообщества. Практики ведьмовства могут обеспечивать как социальную включённость в новое воображаемое поле, так и своеобразные социальные лифты внутри иерархии социальных функций. Кроме того, небезынтересна социальная интеракция маргинальных с позиции Церкви элементов. Это взаимодействие индивидов и «нечистой силы» может варьироваться в зависимости от целей и задач: колдун(ья) в одиночку едва ли справится, по мнению авторов трактата, со всем спектром противоестественных воздействий. Неразборчивость социального влияния («ведьмы околдовывают как невинных, так и грешников»²) говорит в пользу социального исключения ведьм и колдунов из повседневной (богопослушной) жизни. Однако ведьма может выступать и в качестве пассивного актора («демоны через посредство ведьм привлекают и соблазняют невинных для умножения нечестия»³), отнюдь не отменяющего негативные последствия – социальный вред. Всё же практики ведьм могут

² Шпренгер Я., Инститориус Г. Молот ведьм. СПб., 2007. С. 167.

³ Там же. С. 198.

распространяться не на всех – в число жертв не попадают лица, «охраняемые особой милостью» «добрых ангелов»⁴. Ангелы здесь представлены как защитные силы, препятствующие вовлечению в социальные отношения за рамками официальной религиозной идеологии. Таким образом, Церковь действует через посредников для благих целей так же, как и демоны для целей аморальных.

Связанные с животными практики – ещё один сюжет, проливающий свет на особенности интеракций в рамках народной культуры. Животные согласно «Молоту» антропоморфизируются, выполняя социальные функции, присущие людям («волки, которые крадут и пожирают как взрослых людей, так и мальчиков»⁵), это осуществляется через вмешательство ведьмы как активного социального начала⁶. Тем не менее, активность ведьмы и в этом случае не всегда очевидна: её могут использовать в качестве орудия более мощные силы, стоящие на более высокой ступени этой «социальной лестницы». Помимо этого ведьмы посредством навыка антропоморфизации животных могут воздействовать в обратном направлении, деградируя (десоциализируя) людей до состояния животного⁷.

Колдовство как явление, присущее не только женщинам, уравнивает в социальном отношении оба пола, и антисоциальные практики варьируются вне зависимости от гендера («О трёх видах колдовства, свойственного мужчинам»⁸). Тем не менее существуют особые социальные воздействия, касающиеся лиц, одержимых нечистой силой – экзорцизм⁹. С помощью экзорцизма инвидид освобождается от инородных сил, возвращая себе первоначальный облик и социальные статусы и роли. В рамках этой деятельности существует градация применения этого рода занятий, что может менять социальный статус того,

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Там же. С. 319.

⁶ Там же. С. 246.

⁷ Там же. С. 140.

⁸ Там же. С. 292.

⁹ Там же. С. 122.

кто практикует это: он выше у того, кто изгоняет «злые силы»; тот, кто подвергается воздействию – лицо зависимое и поэтому нижестоящее по социальной лестнице¹⁰. Что же представляет собой нечистая сила? Это может быть посредник между человеком и совершаемым антисоциальным действием, иногда выглядящий как существо самостоятельное – что может путать и ещё более отдалять паству от «истинной» веры. Тем не менее ведовство, на наш взгляд, неправильно приравнивать к ереси, поскольку, как известно, среди приговорённых к смерти по причине ведовских практик собственно ведьмами были не все, некоторые просто таким образом забавлялись или пытались привлечь к себе внимание, не задумываясь о последствиях.

«Молот ведьм» – литературный памятник Северного Возрождения, показывающий, с одной стороны, как могла выглядеть отдельный народ в донациональную эпоху, с другой – отражение общеевропейских тенденций социального исключения неугодных, идущих со времён Античности и Средневековья. «Молот ведьм» как место памяти представляет продолжение античной и средневековой традиции преследования еретических элементов; как изобретённая традиция данный источник позволяет проследить попытки инквизиции, выявив и обосновав преступления ведьм, искоренить народные формы религиозности. Источник помимо обличения ведьмовских практик даёт обширный материал, касающийся изменения контуров пространства идентификации: кроме собственно феминного дискурса, обозначенного выше (ведьма – женщина, церковь – мать), присутствует дискурс дегендеризации (неопределённо окрашенные с гендерной точки зрения существа – инкубы и суккубы¹¹). Подобный натурализм противоречит ортодоксальным церковным догматам, отдаляя паству от лона католической церкви. Таким образом может осуществляться реконфигурация социокультурных пространств: будучи изгоем в недрах церкви ортодоксальной, индивид (ведьма, колдун и пр.) меняет статусную позицию на более высокую в рамках народных верований.

¹⁰ Там же. С. 322.

¹¹ Там же. С. 224.

Практики, недопустимые для католической церкви, становятся новым воображаемым отечеством для них.

Контркультурный по отношению к официальной церкви проект колдовства/ведовства имеет свою подоплёку, это выражается в попытках освободиться от довлеющей силы страха. Человек, освобождаясь от пут страха, как бы «навёрстывает» упущенное, примыкая к запрещённым трендам: «Фанатизм, не терпящий усмешки, и стремление стереть с лика культуры всё, не относящееся к христианству, породили *антимир ереси* [курсив автора – А.Д.], которым заправляют дьявол и демоны»¹². Иными словами, «тёмные силы» выступают как социальные акторы, диктующие свою волю остальным участникам, а ересь и её разновидности (вновь созданные антимир) становится новым контркультурным проектом, реализующим специфические потребности человека в признании (в рамках этого сообщества) и удовольствии (развлечении).

Народ Европы, по-видимому, устав жить в постоянном страхе наказания католической церковью, приобщается к культуре высмеивания, это касается как простых, так и привилегированных сословий. Отныне люди не видят ничего плохого во взаимодействии с потусторонними силами, они делают это осознанно, выполняя ритуалы, присущие маргинальным колдунам и ведьмам – и сами себя небезосновательно называют пособниками злых сил, выводя из «тени» последних: «Кому только взбрёт в голову, что он обладает особыми секретами, какими-то рецептами, кто вообразит себя предсказателем будущего, кто видит сны и разгуливает во сне, – тот и называет себя любимцем сатаны. Всякая лунатичка называет себя ведьмой»¹³. Таким образом преодолевается ограниченность навязанных Церковью повседневных практик (молитва, богопочитание и пр.); реализация человеческого потенциала возможна отныне исключительно в связи с контркультурным проектом колдовства / ве-

¹² Тендрякова М.В. Охота на ведьм: исторический опыт интолерантности. М., 2006. С. 43.

¹³ Мишле Ж. Ведьма. Женщина: пер. с фр. М., 1997. С. 109.

довства. Из группы риска ведьма и колдун переходят в новую, более высокую, статусную позицию.

Ведьма вовсе не самостоятельна в своих действиях, она стоит ниже по воображаемой социальной лестнице эпохи Средневековья. Именно сеньор диктовал правила поведения для неё, ведьма становилась в этом случае вассалом, выполнявшим любую сумасбродную идею своего «сеньора», заимствованную из других культур: «Во всякие необычайные приключения ведьму вовлекали её покровители – люди знатные. Как могла она отказать в чём-нибудь им, когда замок был для неё единственной охраной от священника, хоть некоторой защитой от костра. Что могла она сделать, если барону, вернувшемуся из крестовых походов, из какого-нибудь Никополя, приходила в голову мысль подражать образу жизни турок, и он призывал и приказывал ей красть для него детей!»¹⁴. В этом случае можно проследить связь Востока и Запада, это связь не культурных достижений, а девиантного поведения (европейцы умышленно выявляют такое отрицательное сходство) – исторические события (в частности, крестовые походы) могут служить тому виной. Восточное становится для Западным своего рода образцом, помогающим отвлечься от жёстких догматов повседневной (христианской) жизни, найти новую точку опоры и элемент праздника пусть даже в аморальных действиях. Европейцы, как бы отвлекаясь от навязывавшихся традиций, изобретают для себя новые по другим, неевропейским (антиевропейским?), образцам. В этой ситуации они вряд ли испытывают эмоции, связанные с «карой Господней», «страшным судом» – эти странства перестают быть актуальными для тех, кто принимал участие в тех же крестовых походах, видел смерть и поэтому ценит жизнь *здесь и сейчас*. Сеньоры, пренебрегая элитарной европейской католической культурой, стремятся быть частью народной (массовой) культуры своего времени, отождествляясь с самыми низменными её проявлениями.

Роль нечистой силы может недооцениваться современниками; образ дьявола подвержен трансформациям, он диамет-

¹⁴ Там же. С. 113.

рально противоположен тому, что мы привыкли о нём думать: с одной стороны – это символ деградации, боязни, ада (места, куда попадают преданные анафеме еретики), с другой – показатель перехода от одной исторической эпохи к другой, более совершенной, восприятие зависит лишь от соответствующего угла зрения: «Дьявол стал доступен каждому; теперь он везде. Он кажется победителем. Но выгадал ли он от этой победы? ... Да, скажем мы, если на него смотреть по-новому, как на духа восстания науки в светлый век Возрождения. И нет, если смотреть на него по-прежнему, как на древнего тёмного духа ведовства»¹⁵. Дьявол здесь представлен почти как символ обновления, своеобразный современный проект, становясь, по-видимому, социальным лифтом для отдельных слоёв населения (маргинальных с позиции Церкви). Именно дьявол как протестный элемент символизирует отход от ограничивающих церковных догматов, выступая сюжетом и одновременно центром «смеховой культуры»¹⁶, карнавализации богобоязненной повседневности Средневековья. Церковь, замкнувшись на обличении аморальной, асоциальной деятельности и не имея возможности подумать о последствиях этого, на наш взгляд, сама предоставила такой шанс нечистой силе, та лишь воспользовалась им. Изобретая традицию почитания нечистой силы, авторы этой практики превращают её из субкультуры в контркультурный проект, имеющий потенциал становиться частью культуры официальной. В то время как «Молот ведьм» можно полагать символом власти для карающей инквизиции, образ дьявола обретает в умах простонародья власть, дарующую новые позитивные возможности и перспективы.

Как выглядит личность получателя текста? Это в первую очередь законопослушный ортодоксальный католик, тщательно соблюдающий религиозные догматы. Паства, внимая призыву представителей духовенства, сама выявляет антицерковные элементы и сообщает о них – практика доносительства, поощряемая Церковью. Однако источник, по-видимому,

¹⁵ Там же. С. 125.

¹⁶ Термин М.М. Бахтина.

будучи адресованным любому читателю эпохи Средневековья и раннего Нового времени, по мере снижения авторитета официальной церкви, «превращается из личного послания – факта бытия – в факт искусства»¹⁷, пригодного для понимания немногими. Попытки церковных элит создать образ «массового человека» лишь в ещё большей степени утвердили новую онтологию бытования антирелигиозных элементов, обеспечив всплеск протестной (не всегда открытой) активности в разных регионах Европы.

Можно ли считать «Молот ведьм» апокрифическим евангелием для простонародья? С точки зрения раннеренессансной традиции Севера Европы с её идеей «религиозного обновления», вероятно, да. Однако общий спиритуалистический настрой произведения, а также его публикация первоначально на латыни маргинализирует его и позволяет говорить о том, что «Молот ведьм» как место интерференции эпох в большей степени присущ предшествующей эпохе «тёмных веков». «Угрозы духовной безопасности» представлены в трактате достаточно подробно, и духовное воспроизводство могло осуществляться беспрепятственно, параллельно порождая новые веяния в культуре и повседневной жизни европейцев.

¹⁷ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб., 2014. С. 99.

Р.А. Соловьева
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОЙ СЕМЬИ ПО «ДОМОСТРОЮ»

Статья посвящена изучению «Домостроя» – известного памятника Московской Руси, представляющего собой сборник наставлений по многим аспектам жизни средневекового человека, – с позиций построения конструкций идеальной семьи: «идеальные супруги», «идеальные родители», «идеальные дети», «идеальные слуги». «Домострой» отображает проекцию общественных отношений, существовавших в Московском государстве, на отдельно взятую семью, поэтому позволяет исследовать своеобразную мини-модель общества, построенного на началах христианской морали и строгой социальной и половозрастной иерархии.

Ключевые слова: Московская Русь, «Домострой», идеальная семья, быт, муж, жена, дети, слуги.

Важную роль в изучении той или иной исторической эпохи играет исследование быта ее представителей. Быт является своего рода отражением жизни всего общества. Семья – микромир, органическая часть мира большого, и процессы, протекавшие внутри отдельно взятой семьи, тесно связаны с процессами, происходившими в данном обществе в определенный период времени. Изучение быта средневекового русского человека позволяет глубже осознать суть эпохи и характерных для нее явлений. Ценным источником для исследования быта обитателей средневековой Московской Руси по праву считается «Домострой».

«Домострой» – один из самых известных памятников русской средневековой литературы, окончательная редакция

которого датируется серединой XVI века и связывается с именем протопопа Сильвестра. «Домострой» является, по сути, сборником наставлений по всем основным аспектам жизни средневекового человека и его семьи. В этом литературном памятнике тесно сплелись глубокая религиозность и прагматизм, нравственные требования священных текстов применяются здесь к явлениям повседневности, «христианская мораль в отточенных определениях накладывается на бытовые подробности жизни»¹.

Несомненно, «Домострой» дает нам идеализированные представления об устройстве быта и отношений в семье средневековой Руси, а идеалов, как известно, в реальности не найти. Тем не менее, «Домострой» отражает взгляды людей данной эпохи на то, к чему нужно стремиться каждому в повседневной жизни, изобличает пороки, которых следует избегать, и учит, как с этими пороками бороться. «Идеал – это, конечно, не реальность. Но идеал – великий и бесценный регулятор жизни. А если этот регулятор доведен до дома, до семейной жизни, входит во все мелочи быта, личного поведения в семье и в доме и во всем требует „знать меру“, – то идеал, им проповедуемый, становится уже почти реальностью»² – так говорил о «Домострое» академик Д.С. Лихачев. Для нас этот источник ценен, прежде всего, тем, что рисует идеальные модели устройства семьи и ведения домашнего хозяйства. Именно на основе этих моделей можно воссоздать образ идеальной семьи Московской Руси.

«Домострой» был предназначен именно для главы семьи, на него возлагались все обязанности по воспитанию домочадцев и спасению их душ: «самому себѣ государю и жену и дѣтей и домочадцовъ своихъ учити не красти не блясти не со-

¹ Колесов В.В. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой: 3-изд. СПб., 2007. С. 306.

² Лихачев Д.С. Литература «государственного устройства» (середина XVI века) // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 13.

лгати не оклеветати, не завидѣти, не обидети, не клепати, чю-жаго не прѣтися, не осужатися, не бражничати, не просмѣивати, не помнити зла, не гнѣватися ни на кого, к болшимъ быти послушну, и покорну, к средьнимъ любовну, к меншимъ и убогимъ привѣтну и милостиву»³. Хозяин дома должен был верить во Святую Троицу, Иисуса Христа и Богородицу, поклоняться кресту Христову и иконам. Должен был он любить Господа Бога и ближних своих, не быть алчным к пьянству и жадным к обжорству, не стремиться к власти земной и злату, быть кротким и милостивым.

Глава семьи должен был собственным поведением подавать пример всем своим домочадцам и духовными беседами наставлять их. Но не только добром следовало ему поучать жену, детей и слуг, но и спасать страхом божьим, т. е. подвергать телесному наказанию: «аще жена по тому научению и наказанию не живетъ, и такъ того всего не творить и сама того не знать и слугъ не учить ино достоить мужу жена своя наказывати, и ползовати страхомъ наедине и понаказавъ и пожаловати и примолвити, и любовию наказывати и разсужати а мужу на жену не гневатися, а жене на мужа всегда жити в любви и в чистосердии и слуги и дѣти, такъ же посмотри по вине и по дѣлу наказывати и раны возлогати да казнивъ пожалоти»⁴.

Но можно ли на основании этого указания утверждать о жестокости главы семьи по отношению к остальным ее членам? «Домострой» отражает, прежде всего, реалии того времени, в которое он был создан, и зачастую эти реалии идут вразрез с представлениями современных людей о справедливости и человечности.

Наказание должно было быть соразмерно с виной и исполняться наедине: «плетью постегать по вине смотря, а побить не передь людьми наедине поучити да примолвити и пожаловати»⁵. Это раскрывает саму суть наказания: его цель не уни-

³ Домострой: 3-изд. СПб., 2007. С. 99.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Там же.

зять или обидеть провинившегося, а наставить его на верный путь, тем самым спасти его душу.

Хозяин своими действиями подает пример домочадцам. Его нравственными качествами, тщательностью выполнения божьих заповедей по воспитанию членов семьи, определяется поведение жены, детей и слуг. Иными словами, муж моделирует идеальную семью. В то же время, «Домострой» показывает, что не все зависит от мужчины, ибо хорошая жена сама способна устроить порядок и принести благополучие в дом. Таким образом, благодаря личным качествам жены и стараниям мужа получается идеальная супруга, мать, хозяйка.

Идеальная хозяйка должна была «мужу угодити, и домъ свои добре строити и во всемъ ему покарятися, и что мужъ накажетъ то с любовью приимати и творити по его наказанию, пѣрвие имѣти страхъ Божий и телесная чистота яко же впреди указано бысть воставъ отъ ложа своего предпочистивъ себѣ и молебная совершивъ женамъ и дѣвкамъ дѣло указати дневное всякому рукодѣлию»⁶. При этом государыне следовало и самой быть обученной рукоделию, следить за всем пристально и о хозяйстве докладывать мужу.

Стоит отметить, что женщине в «Домострое» отводится весьма значительная роль. Только вместе муж и жена составляют дом, только вместе они могут воспитывать детей, слуг и вести хозяйство. Хозяин вмешивается в дела супруги только тогда, когда она сама не справляется.

Следовало хозяйке вставать раньше всех в доме, слуг будить и работу им указывать. Молитвам и делу учить должна была она слуг своих и сама день в молитве и трудах проводить: «николи же бы слуги государыни не будили государыня бы слугъ будила, а ложася бы спать всегда отъ рукодѣлия молебная совершивъ»⁷.

Во всем должна была жена советоваться с мужем: «по вся бы дни у мужа жена спрашивалася и совѣтовалася о вся-

⁶ Там же. С. 104.

⁷ Там же. С. 105.

комъ обиходе и воспоминала что надобеть а в гости ходити и к себѣ звати ссылатца с кемъ велить мужь а гостѣи коли лучится или самой гдѣ быти за столомъ сѣсти лучшее платье переменить, отнюдь беречися отъ пьяного пития пьяный мужь дурно, а жена пьяна в миру не пригоже, а з гостѣями бесѣдовати о рукодѣльи и о домашнемъ строении»⁸. Помимо пьянства запрещалось жене слушать, вести и пересказывать мужу дурные речи, а также предаваться пустому веселию.

Таким образом, жизнь идеальной жены заключалась в заботах о доме и хозяйстве, молитвах, воспитании детей и слуг, беспрекословном послушании доброму и мудрому супругу. Такая жена была наградой мужчины, залогом его благополучия: «жены ради добры блаженъ мужь и число днии его сугубо, жена добра веселитъ мужа своего и лѣта его исполнитъ миромъ»⁹.

Помимо регламентации супружеских отношений в «Домострое» строго определены и отношения между родителями и детьми.

Следовало заботиться отцу и матери о чадах своих, обеспечивать их и учить страху Божьему и всякому порядку, а со временем и рукоделию: «А пошлетъ Богъ у кого дѣти сынове или дщери, ино имѣти попечение отцу и матери о чадехъ своихъ снабдити ихъ и воспитати в добре наказании и учити страху Божию и вѣжству и всякому благочинию и по времѣни и дѣтемъ смотря и по возрасту учити рукодѣлию матери дщери а отцу сынове кто чево достоинъ»¹⁰. Родители должны были любить своих чад, но растить их в строгости, не смеяться много, играя с ними, не жалеть, наказывая, чтобы они выросли людьми добрыми и смогли жизнь свою устроить по закону Божьему.

Если же дети воспитаны в страхе божьем и добром наставлении, и научены всякому знанию и порядку, и ремеслу и рукоделию, то такие дети вместе с родителями будут помилованы, и добрыми людьми благословлены, а вырастут – добрые

⁸ Там же. С. 108.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Там же. С. 95.

люди женят сыновей своих на девицах этих или дочерей своих выдадут за таких юношей.

Для дочери же с рождения следовало готовить приданое, откладывая с каждой прибыли в сундук понемногу, чтобы свадьба не была в убыток родителям, когда придет время дочь замуж выдавать.

Детям же «Домострой» завещал следующее: «любите отца своего и мать свою и послушайте их, и повинитесь имъ по Божѣ во всемъ, и старость ихъ чтите, и немощь ихъ и скорбь всякую отъ вся души понесите на своей выи, и благо вамъ будетъ и долготлѣтны будете»¹¹.

Таким образом, если воспитаны дети были с любовью и строгостью, то, повзрослев, станут заботиться о родителях, отдавая долг им, любить их, слушаться и повиноваться им во всем, старость отца и матери чтить, не оскорблять их и не бить, делом и словом угождать им.

Следовало заботиться хорошим хозяевам и о младших членах семьи – слугах.

Слуги должны были быть обучены ремеслам, страху Божьему, смирению, доброй заботе и домашней работе; во всем подчиняться хозяевам, служить верой и правдой. Следовало слугам выглядеть опрятно, самим жить в чистоте телесной и душевной: «промеж бы себя не крался, чюжево бы отнюдь не хотѣли ни коими дѣлы а государьского бы берегли все за одинь, а государю бы и государыни не лгали и не клеветали ни на кого ни в чемъ»¹², «женатые с своими женами законно бы жили по духовнаго отца наказанию, отъ женъ бы своихъ не блудили а жены отъ мужей»¹³.

Хозяева должны были кормить, одевать своих слуг и выступать для них в качестве наставников: «указывати которымъ вмѣстно к церкви Божий всегда ходити и по празникомъ или во дворе пѣтя слушати, и особъ наедине молитися, чистота

¹¹ Там же. С. 96–97.

¹² Там же. С. 99.

¹³ Там же. С. 100.

телесная хранити отъ всякаго блуда, и пьянства, и лакомства, и отъ безвременнаго пития и ествы, и объядения и пьянства воздержатися, и отцовъ бы духовныхъ и з женами своими имѣти и на покаяния приходили».

Надобно было спасать слуг вразумлениями и наказанием телесным, судить их по справедливости, чтобы знали они: не зла хозяин желает им, но добра, и к добру тянулись.

Таким образом, перед нами зажиточная семья русского общества, представляющая, согласно идеалу, выраженному в «Домострое», мини-модель общества, построенного на началах христианской морали и, освящаемой ею, строгой половозрастной и социальной иерархии. Муж в такой семье – основа, он отвечает за всех своих домочадцев, он учит их добрым делам, в первую очередь своим примером и наставлениями, прибегая, в случае необходимости, и к телесному наказанию. Жена находится в подчинении мужа, однако «Домострой» признает, что благополучие в доме во многом зависит и от ее собственных моральных качеств. Это показывает особую роль женщины в семье по отношению к детям и слугам: пусть она послушна мужу, но отвечает за весь домашний порядок, вместе с мужем формирует идеальную семью. Воспитание детей основывается на строгости: она закаляет в чадах хорошие качества и истребляет дурные, способствует спасению душ и детей, и родителей. Взращенные в строгости дети превращаются в людей добрых и создают благополучные, крепкие семьи, заслуживают уважение и одобрение соседей, почитают Бога и родителей своих, заботясь о них в старости. Слуги же находятся на положении младших домочадцев, и хозяин несет за них ответственность не только перед людьми, но и перед Богом, поэтому должен воспитывать их не только ради своей выгоды, но и ради спасения их души.

Муж, отвечающий перед Богом за все деяния домочадцев, жена, неустанно следящая за хозяйством, детьми и слугами, дети, беспрекословно подчиняющиеся воле родителей, и слуги, преданные хозяевам и верно служащие им, – вот идеал семьи, который представляет нам «Домострой».

А.А. Преображенская
г. Москва (Россия)
Высшая школа экономики

**«И НЕПРАВЕДНОЕ МОЕ ЕСТЬ СОБРАНИЕ НЕПРАВЕДНО
ПОГИБНЕТ»: МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ
ПЕРВОГО ПРИДВОРНОГО ПОЭТА
СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО**

Первый придворный поэт Симеон Полоцкий является одной из тех фигур в истории русской культуры раннего Нового времени, биография которых известна достаточно хорошо. Однако на ряд вопросов о повседневной жизни поэта в московский период до сих пор нет ответов. Неизвестно его участие в жизни Заиконоспасского монастыря, круг общения, деятельность помимо придворной. В статье предлагается краткое описание материального благосостояния поэта на материале его духовной грамоты и частной корреспонденции.

Ключевые слова: Симеон Полоцкий, духовная грамота, придворный поэт, повседневность, деньги

XVII век – век «бунташный», век «тишайшего» царя Алексея Михайловича, век моды «на польское дело»¹, век, подготовивший почву для реформ Петра Великого. XVII век богат самыми разными источниками, в том числе и такими, которые рассказывают о повседневной жизни. Разумеется, речь идет прежде всего о московских государях, о жизни царского двора² и

¹ См.: *Черная Л.А.* Образец «на польское дело» в русской культуре XVII века // Текст славянской культуры. К юбилею Л. А. Софроновой. Сб. статей. М., 2011. С. 344–355.

² См. напр.: *Черная Л.* Повседневная жизнь московских государей в XVII веке. М., 2013; *Заозерский А.И.* Царская вотчина XVII в.: Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайло-

системы приказов³. Значительно меньше освещена жизнь придворных, в особенности тех, кто по тем или иным причинам занимал необычное, уникальное положение в феодальной системе московского общества. Таким был первый в истории Московского государства придворный поэт царя Алексея Михайловича, а затем и Федора Алексеевича монах-белорус Симеон Петровский-Ситнянович, известный как Симеон Полоцкий (1629–1680).

На первый взгляд Симеон Полоцкий принадлежит к тем фигурам русской культуры, чья биография изучена достаточно подробно. Еще в XIX в. вышла монография Иерофея Татарского «Симеон Полоцкий: Его жизнь и деятельность»⁴, включающая в себя сведения о родителях поэта, его образовании, переезде в Москву и деятельности в столице. Многие данные биографического характера были впоследствии уточнены в работах И.А. Подтергеры⁵, Л.И. Сазоновой⁶, А.Н. Робинсона⁷, П.А. Ролланда⁸ (Peter Rolland). Тем не менее, на ряд вопросов о повседневной жизни Симеона в Москве еще нет ответов: был ли Симеон настоятелем или строителем Заиконоспасского монастыря на Никольской улице, в котором он жил? жил ли Симеон в келье или для него было построено отдельное здание?

вича. М., 1937; *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1862 и др.

³ См. напр.: *Белокуров С.А.* Дневальные записки приказа тайных дел 7165–7183 гг. М., 1908.

⁴ *Татарский И.А.* Симеон Полоцкий: (Его жизнь и деятельность): Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII в. М., 1886.

⁵ *Подтергера И.А.* Письмо и послания Симеона Полоцкого: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

⁶ *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

⁷ *Робинсон А.Н., Сазонова Л.И.* Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого // *Русская литература*. Л., 1988. С. 134–141; *Робинсон А.Н.* Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.

⁸ *Rolland Peter.* «Dulce est et fumos videre Patriae» – Four Letters by Simiaon Polacki. Harvard Ukrainian Studies. 1985. Vol. 9, No ½. P. 166–181.

где жили родственники Симеона, находившиеся вместе с ним в Москве? каков был круг общения Симеона и что связывало поэта с целым рядом монастырей, упомянутых в духовной грамоте Симеона? из чего складывался «заработок» поэта? Для ответа на эти вопросы необходимо подробное исследование, намного превышающее объемы статьи. В этой же работе я вкратце остановлюсь только на денежном аспекте повседневной жизни Симеона Полоцкого, основываясь на его духовной грамоте и частных письмах.

Источников, освещающих повседневную жизнь Симеона, не так уж и много. Значительный вклад поэта в развитие русской литературы и стихосложения во многом определил направление исследований его жизни и деятельности. «Творческая биография» поэта вышла на первый план, оставляя в тени другие, не менее любопытные стороны его деятельности⁹. И если придворная жизнь Симеона была подробно описана Л.И. Сазоновой¹⁰, то частная жизнь поэта осталась практически неизученной.

К первой группе источников относится частная корреспонденция Симеона из трех рукописных сборников: Синодальное собрание (далее – Синод. собр.) Государственного Исторического музея (далее – ГИМ) № 130; Российская национальная библиотека (далее – РНБ) F.XVII.83 и Российский архив древних актов (далее – РГАДА) Ф. 381. № 390. Эпистолярный корпус Симеона довольно обширен и включает в себя письма самых разных жанров, от челобитных до писем-благословений и патриарших грамот. Челобитные Симеона были впервые опубликованы в XIX веке в «Вестнике Европы»¹¹. Следующую группу составляют различные упоминания о Симеоне и его деятельности в разнообразных документах: например, в «Двор-

⁹ Известно, что Симеон составлял и читал проповеди; составлял документы (возможно, за плату); учил царских детей; помогал своим соотечественникам; активно участвовал в книгоиздательской деятельности.

¹⁰ Сазонова Л.И. Литературная культура России...

¹¹ Письма Симеона Полоцкого // Вестник Европы. 1828. № 162. Ч. 17.

цовых разрядах»¹², сборнике «Остен»¹³, вышедшем уже после смерти Симеона, грамматике Г. Лудольфа¹⁴, в «Moscowitischer Kauffmann» авторства P.J. Marperger¹⁵. За исключением «Дворцовых разрядов», эти источники содержат довольно скудную информацию о жизни поэта, но важны уже тем, что располагают отзывами современников. И, наконец, наиболее важный, на наш взгляд, источник, проливающий свет на повседневную жизнь Симеона и его положение в московском обществе XVII века, — духовная грамота поэта, известная на данный момент в двух списках по рукописям собрания графа А.С. Уварова ГИМ¹⁶.

Источники позволяют очертить круг общения Симеона, сделать некоторые предположения о его жизни в Заиконоспасском монастыре. Материал о финансовом положении Симеона довольно обширен, поэтому я остановлюсь подробно именно на нем. Материальное благосостояние поэта складывалось из нескольких «статей дохода». Как придворный поэт, он получал годовой оклад в 54 рубля (5 алтын в день), сопоставимый с окладом некоторых стольников¹⁷. Сумма вполне солидная, учитывая, что все необходимое для жизни поэт получал с царского двора¹⁸.

¹² Дополнения к Тому III-му дворцовых разрядов. СПб., 1854. Стб. 474.

¹³ Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. М., 1856.

¹⁴ Лудольф Г.В. Русская грамматика. Л., 1937. С. 114.

¹⁵ Marperger P.J. Moscowitischer Kauffmann. Böckmann, 1705. P. 138.

¹⁶ ГИМ Увар. собр. № 1674 (Л. 28–32) и № 247–4 (Л. 9–17). Обнаруженный нами второй список завещания Симеона (№ 167) представляет собой черновую копию, сделанную в самом конце XVII — начале XVIII века. О завещании Симеона см. Преображенская А.А. «Прежде смерти наипаче внезапныя и напрасныя»: духовная грамота Симеона Полоцкого // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 2. С. 115–132: URL: http://www.drevnyaya.ru/vyp/2015_2/part_10.pdf.

¹⁷ См. напр. оклады стольников князя Петра Семеновича Прозоровского и Григория Даниловича Долгорукого: Рогожин Н.М. Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 24.

¹⁸ См., напр., челобитную Симеона: РГАДА Ф. 381 № 390. Л. 116 (дата неизвестна).

За представленные ко двору вирши Симеон также получал награды: «дорогие подарки, полученные автором, стимулировали его дальнейшую работу в том же направлении»¹⁹. Однако, нужно сказать, что эти награды не всегда означали деньги. Так, из «Дворцовых разрядов» становится известно содержание «награды», которую Симеон получил от царя по случаю крещения царевича Петра: «учителю старцу Симеону да учителю ж Мелетию: четыре головы сахару, весом по три фунта голова; по два блюда сахаров узорочных, по полфунту; сахаров леденцов и конфетов по два блюда, по полфунту; сахаров зеренчатых по блюду; ягод винных, фиников, по фунту на блюде; по трубочке корички, весом против блюд троицкого и чудовского архимандритов»²⁰. Указание на вес блюд «против блюд троицкого и чудовского архимандритов» говорит о том, что Симеону было пожаловано столько же, сколько и архимандриту, что подчеркивает его уникальное, высокое положение при дворе.

Приветственные и поздравительные вирши Симеон составлял не только для себя – «для князя Федора Юрьевича Ромодановского» были написаны вирши «с хлебом ко государю царю приходяшу в день аггела его»²¹. Также Симеон составлял проповеди и поучительные речи, получателями которых были митрополит Павел (поэт составил для него приветственные речи на встречу восточных патриархов²²). Можно предположить, что такая работа каким-то образом оплачивалась, однако сведений об этом не сохранилось.

Духовная грамота Симеона позволяет сделать предположение, что поэт занимался ростовщичеством. «Заставы аще кия обрящутся у мене, – писал Симеон в духовной грамоте, – отдавати туне. Денги филиппа тарасова у мене в

¹⁹ Черная Л.А. Образец «на польское дело» в русской культуре XVII века... С. 204.

²⁰ Дополнения к Тому III-му дворцовых разрядов. Стб. 474.

²¹ Черная Л.А. Образец «на польское дело» в русской культуре XVII века... С. 207.

²² Татарский И.А. Симеон Полоцкий... С. 109.

положении червонных золотых двадесять слишком, ефимков неколико, при них мое есть писемце, отдати ему в целости»²³. В целом однозначно оценить завещанную Симеоном сумму в 700 рублей серебром и 600 червонных золотых довольно сложно: известно, например, что Троицкий архимандрит Вонифатий Янушковский завещал 1000 золотых на постройку алтаря в церкви²⁴, и, помимо этого, оставлял также некоторые суммы на более мелкие расходы.

Распорядительная часть духовной грамоты содержит любопытную ошибку в расчетах. Если сложить все завещаемые Симеоном суммы в червонных золотых, то неожиданно получается 765 золотых, а не указанные ранее 600. Можно предположить, что Симеон просто ошибся в расчетах или не учел какие-то средства. Возможно, он должен был получить какую-то сумму с должников, о которых, однако, не упоминается в завещании. Но также можно предположить, что червонные золотые имели хождение в Москве и что их можно было обменять на рубли и обратно. В таком случае оставшиеся незадействованными 198 рублей серебром можно было обменять на золотые и получить недостающие 165 червонных²⁵.

Источники, содержащие сведения о повседневной жизни первого придворного поэта Симеона Полоцкого, прямо подтверждают необычное положение поэта в московском обществе: пожалования от царя, равные пожалованиям боярам и архимандритам; большие для поэта суммы, завещанные им своим родственникам и в монастыри; вполне вероятное получение платы за литературную деятельность. Формат статьи не позволяет подробно остановиться на других достойных внимания аспектах жизни Симеона в Москве. Одной из любопытнейших и наименее исследованных сфер частной жизни Симеона мне представляется его участие в

²³ ГИМ Увар. собр. № 247. Л. 14 об.

²⁴ Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов. Вильна, 1908. Т. 11. С. 233–235.

²⁵ Курс червонного золотого взят из: *Котляр М.Ф.* Нариси історії обігу й лічби монет на Україні XIV–XVII ст. Киев. 1981. С. 239.

книгоиздательской деятельности и активная помощь своим соотечественникам. Дальнейшее исследование повседневной жизни придворного поэта позволит по-новому взглянуть на характер его деятельности и на то влияние, которое он оказал на московское общество второй половины XVII века.

*Н.А. Федонников
г. Москва (Россия)
Высшая школа экономики*

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ DE ORDINE PALATII ХИНКМАРА РЕЙМСКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

В 882 году Хинкмаром, архиепископом Реймса, было составлено Наставление, адресованное юному королю Карломану, а также епископам Западного королевства франков. Цель наставления, по словам самого архиепископа, заключалась в предоставлении ценных советов по управлению королевством и, в частности, двором¹. Хинкмар упомянул, что при написании работы он использовал прочитанный и переписанный им труд Адальгарда, родственника и советника Карла Великого, по совместительству Корвейского аббата. Впоследствии в историографии за наставлением Хинкмара утвердилось название *De ordine palatii*, так сам архиепископ именовал труд Адальгарда. Наставление стало объектом весьма длительных научных дискуссий и споров, связанных в первую очередь с ролью описанных выше церковных деятелей в его написании. Данное исследование посвящено сложившимся в историографии взглядам и подходам к изучению *De ordine palatii* как исторического источника и его использованию в исследованиях по политической истории королевства франков эпохи правления Каролингов.

Ключевые слова: Хинкмар Реймский, Королевства франков, *De ordine palatii*, историография, политическая структура, Каролингское Возрождение.

De ordine palatii, ввиду развернутого описания в нем управления королевством, был неоднократно использован для

¹ Hincmarus Remensis. *De ordine palatii*. Prol.

изучения политической системы в империи франков, в том числе и отечественными исследователями². Как правило, наставление Хинкмара считали источником, передающим информацию о политическом устройстве королевства при ранних Каролингах, аргументируя данное допущение именно ссылкой на текст Адальгарда. Однако, в связи с постановкой вопроса о существовании труда Корвейского аббата, не дошедшего до нас в оригинальном виде, невозможно быть уверенным в корректности данного вектора исследований.

Говоря о проблеме использования Хинкмаром Реймским труда Адальгарда Корвейского, мы можем выделить два противоположных полюса полемики. С одной стороны, существовало мнение, что Хинкмар на самом деле выдумал историю с существованием труда *De ordine Palatii*, написанного Адальгардом. Все главы, в которых архиепископ Реймса ссылается на Корвейского аббата, считаются на деле текстом Хинкмара, в то время как текста Адальгарда или не существовало, или он не был использован архиепископом. С другой стороны, предполагается существование труда, на который ссылается Хинкмар, однако стоит вопрос о степени его заимствований.

Сомнения по поводу существования труда Адальгарда и его применения архиепископом Реймским высказал французский медиевист Луи Альфан в своем эссе в 1938 году, утверждая, что труда Адальгарда не существовало, а Хинкмар мог основываться на разговорах с Адальгардом, но так тщательно их пересмотрел, что в его наставлении высказаны скорее мысли архиепископа Реймского, чем слова Корвейского аббата³. По мнению Альфана, Хинкмар приукрасил свое наставление ссылкой на труд Адальгарда с целью усилить его авторитетность, связывая себя с придворным советником Карла Великого и Людовика Благочестивого. Однако, Альфан не дает конкретных

² Колесницкий Н.Ф. Аппарат власти и управления в варварском государстве // Власть и политическая культура в Средневековой Европе. М., 1992. С. 65–77.

³ Halphen L. LE «DE ORDINE PALATII» D'HINCMAR // Revue Historique. 1938. Т. 183. Р. 1–9.

ссылку на имеющуюся традицию изучения *De ordine palatii*, и его труд скорее напоминает вольное эссе, чем научное исследование, за что впоследствии он неоднократно критиковался. Однако, заслуга данного историка заключается в том, что он впервые поднял вопрос подлинности труда Адальгарда в тексте Реймского архиепископа.

С другой стороны, возвращаясь к 80-м годам XIX века, Морис Пру, французский историк, переводчик и издатель *De ordine palatii*, первый решил поделить труд Хинкмара на две части, то есть на труд Хинкмара и труд Адальгарда⁴. Он утверждал, что в работе Хинкмара присутствуют вкрапления труда Адальгарда, хотя и не отрицал возможности свободных интерпретаций Хинкмаром первоисточника⁵. Скептицизм относительно аргументации Альфана был поддержан также такими историками, как Ж. Кальмет, Т. Майер и Х. Лёвэ, которые согласились с тем, что *De ordine palatii*, безусловно, принадлежит перу Хинкмара Реймского, однако с опорой на текст Адальгарда и его интерпретацией⁶. Пру впервые отметил важную проблему, которая заключалась в пересмотре *De ordine palatii* не только как источника по истории политических структур, но документа, отражающего политические взгляды Хинкмара.

Немецкий историк Якоб Шмидт в 1962 году, основываясь на стилистическом анализе труда Хинкмара, вывел новое деление по главам, в соответствии с которым, части 1–12 и 37 были самостоятельной работой Хинкмара, части 13–28 основаны на работе Адальгарда, но в значительной степени переработаны архиепископом Реймским, а главы 29–36 – практически нетронутый текст Корвейского аббата⁷. Иными словами, он

⁴ Prou M. *Hincmari epistola De ordine palatii* // *Hincmar De ordine palatii* traduit et annoté par Maurice Prou. Paris, 1884. P. 3–41.

⁵ *Ibid.* P. 18–20.

⁶ Bachrach B. *Adalhard of Corbie's De ordine palatii: Some Methodological Observations Regarding Chapters 29–36*. P. 5

⁷ Schmidt J. *Hincmars "De ordine palatii" und seine Quellen: Inaugural Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Hohen Philosophischen Fakultät. Univ. Bibliothek Munster, 1962. S. 58.*

поддержал Альфана и Пру в том, что первые 12 глав были написаны именно Хинкмаром, но уточнил деление Пру, разделив *De ordine palatii* на три части. Его исследования в дальнейшем были приняты на вооружение американскими и немецкими историками, например Ричардом Салливаном, Йозефом Флекенштейном, Гансом Антоном и Карлрихардом Брюлем, на основании его методологической концепции были созданы труды по политической системе королевства франков⁸. Все эти труды были основаны на концепции Шмидта, то есть на принятии факта существования текста Адальгарда и на использовании данного текста Хинкмаром. Немецкий историк Хайнц Лёве в дальнейшем подверг сомнению факт возможности поделить труд Хинкмара на разделы, написанные самим архиепископом и главы, скопированные с труда Адальгарда. Так, основываясь на исследовании должности апокрисиария, он пришел к выводу что главы 13–16, до этого причисляемые к записям Корвейского аббата (с оговорками на вмешательство Хинкмара), на деле принадлежат Реймскому архиепископу⁹. Также Лёве, сравнивая текст *De ordine palatii* с другими источниками, отражающими политическую историю королевства франков, в частности с анналами, указывает на тот факт, что собрания узких кругов знати, как один из видов собраний, описанных Хинкмаром, впервые упоминается лишь в 818 году, то есть вряд ли мог считаться регулярной практикой во времена жизни Адальгарда. Иными словами, главы, считавшиеся заимствованными из текста Корвейского аббата, могли быть также переработаны или дополнены Реймским архиепископом.

⁸ Anton. *Fürstenspiegel und Herrscherethos in der Karolingerzeit*. Bonn. 1968. P. 288–356; Fleckenstein J. *Die Struktur des Hofes Karls des Grossen im Spiegel von Hinkmars De Ordine Palatii* // *Zeitschrift des Aachener Geschichtsvereins*. 1976. № 86. S. 5–21; Brühl C. *Hinkmar und die Verfasserschaft des Traktats "De ordine palatii"* // *Hinkmariana | Aufsätze | Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. S. 48–54.

⁹ Löwe. H. *Hincmar von Reims und der Apocrisiar Beiträge zur Interpretation von De ordine palatii* // *Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte*. 1972. № 36-III. S. 198–225.

Не все историки-медиевисты впоследствии стали придерживаться концепции, согласно которой в наставлении Хинкмара можно выделить части принадлежащие перу Адальгарда. Так, английский медиевист Дж. Нельсон, описывая в 1986 году систему управления Западного королевства франков полагает, что *libellus* Адальгарда мог существовать, а Хинкмар мог его читать и использовать, однако, приведенный им труд не является источником по политической системе ранних Каролингов, поскольку Реймский архиепископ описал систему, релевантную для времени правления Карла Лысого¹⁰. Нельсон подтверждает свою позицию тем, что описанные в *De ordine palatii* королевские собрания не существовали при Карле Великом в описанном виде, но были актуальны для времени правления его внука. Розамонд МакКитерик полностью поддерживает точку зрения Нельсон, считая, что устройство генеральных собраний и их работа над капитуляриями (описанные в пунктах 29–36, которые считаются копией текста Адальгарда) не была характерна для времени правления Карла Великого¹¹.

Впоследствии в 2001 году, историк военного дела франков Бернард Бахрах отверг все аргументы Нельсон и МакКитерик, указывая на то, что генеральные сеймы не были нововведением Карла Лысого. Он утверждает, что подобная форма правления королевством появилась при Пипине Коротком и, хотя, она постепенно трансформировалась из военного органа в общеполитический, пункты 29–30 указывают именно на функции «войны и мира»¹². К тому же, он утверждает, что не стоит недооценивать сами намерения Хинкмара, а именно передачу

¹⁰ *Nelson. J* "Legislation and Consensus in the Reign of Charles the Bald, " *Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society: Studies presented to J. M. Wallace-Hadrill / ed. By Patrick Wormald with Donald Bullough and Roger Collins. Oxford, 1983. P. 202–227.*

¹¹ *McKitterick R.* *The Frankish kingdoms under the Carolingians, 751–987.* New York, 1983. P. 414.

¹² *Bachrach B.* *Adalhard of Corbie's De ordine palatii: Some Methodological Observations Regarding Chapters 29–36 // Cithara. 2001. № Volume XLI. Number 1. P. 3–34.*

знаний о системе управления королевством при Карле Великом и Людовике Благочестивом. Бахрах апеллирует в основном к военным функциям королевских собраний, говоря, что при Карле Лысом военная функция собраний потеряла свою актуальность.

Подводя итоги, данного исследования, консенсуса относительно степени заимствования и переработки текста Адальгарда в наставлении Хинкмара Реймского так и не возникло. С одной стороны, радикальная позиция Альфана, который считал ссылку на Адальгарда ложной, была отвергнута. С другой стороны, вопрос о том, какие главы в тексте *De ordine palatii* принадлежали Корвейскому аббату, а какие архиепископу не поддается точному исследованию, несмотря на предложенные историками методы изучения данного источника. Однако вопрос о происхождении текста теряет свою актуальность в том случае, если использовать содержащуюся в нем информацию не как описание политической системы королевства франков на том или ином периоде его развития, но как подробно изложенные политические взгляды самого Хинкмара, что было предложено Моррисом Пру и отчасти продолжено Хайнцом Лёвэ.

Л.Р. Кафарзаде

г. Баку (Азербайджан)

Ин-т истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ВИЗАНТИЙСКО-САСАНИДСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ЗА АЗЕРБАЙДЖАН (ПО МАТЕРИАЛАМ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

С провозглашением христианства государственной религией в Римской империи римско-сасанидский конфликт вышел на новый уровень. Ввиду выгодного геостратегического расположения Азербайджана каждая из сторон стремилась включить его в сферу своего идеологического влияния. Насколько значимой была религия в византийско-сасанидском геополитическом противостоянии демонстрирует религиозная политика сасанидских шахов, стремившихся насильно навязать зороастризм народам Южного Кавказа, исповедовавшим в тот период христианство, с целью предупредить возможный союз их с Византией. В зависимости от международной ситуации и под влиянием Сасанидов албанская церковь то придерживалась диофизитского учения, принятого в Византии, то отрекалась от него, как на Двинском соборе в 506 и 551 гг. Христианизация Византией совместно с албанскими священнослужителями гуннских племен в 528 г. доказывает, что опасения Сасанидов возможного союза Византии с кавказскими народами на религиозной основе были не напрасны.

Ключевые слова: византийско-сасанидская борьба, Азербайджан, Албания, религиозный аспект, Сасаниды, христианство, зороастризм, Южный Кавказ, англоязычная историография

Как видно из этимологии самого слова (от лат. *religare* — воссоединять), религия выполняет организационно-политическую функцию. На всех этапах истории религия, как средство идеологического манипулирования и идейного

воздействия на человека и на общество, была вовлечена в политику, т. е. связана с властью и авторитетом. Религия оказала огромное влияние на социально-политическую жизнь общества. Мировые религии постоянно стремились подчинить своему влиянию населения целых государств и регионов мира. Не случайно возникли такие понятия, как христианская Европа, православная Русь, мусульманский Восток, Святая Земля. Не удивительно, что Византия в качестве одного из основных инструментов борьбы с Сасанидами выбрала именно религию.

Борьба между Византией и Персией отразилась в стремлении каждой из них включить Азербайджан в сферу своего идеологического влияния. Поворотным пунктом в религиозной политике Сасанидов стало именно обретение христианством статуса государственной религии Римской империи при Константине Великом (306–337). Если ранее, спасаясь от преследований в самой языческой Римской империи, христиане могли беззаботно существовать в Сасанидской империи, то отныне они – «друзья кесаря» и потенциальные союзники римлян – стали объектом религиозных гонений со стороны Сасанидов. Начало военных действий, нарушивших 40-летнее перемирие, установленное Нисибинским миром 298 г., неслучайно одновременно сопровождалось и началом долгих и жестоких преследований христиан в Сасанидской империи, ибо, как указывают Б. Дигнас и Э. Уинтер¹, с провозглашением христианства государственной религией в Римской империи римско-сасанидский конфликт вышел на новый уровень. Однако следует отметить, что были и периоды относительной толерантности. Именно попытку шаха Йездигерда I (399–421) нормализации положения христиан² С. МакДонаф³ назовет угрозой социо-

¹ *Dignas B., Winter E. Rome and Persia in Late Antiquity: Neighbours and Rivals. Cambridge, 2007. P. 218.*

² В 409 г. христианам Сасанидской империи было разрешено свободно исповедовать свою религию, а в 410 г. было оформлено устройство христианской церкви Сасанидской империи. Кроме того, Йездигерд I был назначен опекуном малолетнего сына византийского императора Аркадия – Феодосия II.

политическому порядку в империи, наиболее ярко проявившейся в восстании южнокавказских народов в 450–451 гг.

Указ Йездигерда II в 449 г. насильно навязать зороастризм народам Южного Кавказа, главным образом исповедовавшим в тот период христианство, неизбежно привел к широкомасштабному антисасанидскому восстанию, которое вскоре превратилось в совместную борьбу албан, армян и грузин 450–451 гг. Однако, как подчеркивает С. МакДонаф⁴, данный указ не следует связывать с религиозным фанатизмом шаха, одержимым идеей распространить зороастризм. Шах вовсе не преследовал миссионерские цели. Автор связывает попытку Йездигерда II насильно обратить христианскую знать Кавказа в зороастризм *en masse* с необходимостью обезопасить свою империю: учитывая стратегическую значимость региона в продолжительных войнах Персии с Римской и Византийской империями, распространение зороастризма по всему Кавказу было направлено на обеспечение политического повиновения южнокавказских народов. Следовательно, согласно С. МакДонафу, причины религиозных преследований в Сасанидской империи следует искать именно в ее политике централизации. Как отмечает Р. Гиршман⁵, религиозная общность всех подвластных провинций содействовала политическому единению Сасанидской империи. Как в эллинистический период Персия была враждебно настроена по отношению к космополитизму Греческой цивилизации, так и сейчас в Сасанидской империи антагонизм между возродившимся «национализмом» и международным миром, представленным Византией и ее христианской церковью, имел место быть. Зороастризм, находясь в статусе офи-

³ *McDonough S.* The Legs of the Throne: Kings, Elites, and Subjects in Sasanian Iran // *The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspective* / ed. by J. Arnason, K. Raaflaub. West Sussex, 2011. P. 304–305.

⁴ *McDonough S.* A question of faith? Persecution and centralization in the Sasanian Empire of Yazdgerd II (438–457 CE) // *Violence in Late Antiquity: Perceptions and Practices* / ed. by H. Drake. Hampshire, 2006. P. 68, 73, 77.

⁵ *Ghirshman R.* Iran: From the Earliest Times to the Islamic conquest. London, 1954. P. 318.

циального культа, поддерживал государство в его борьбе с Византией во имя «защиты» Востока. Общеизвестно, что религия испокон веков являлась мощнейшим инструментом манипуляции государством своего народа. Соседство государств, исповедующих единую с заклятым врагом религию, конечно же, представлялось для Сасанидов большой опасностью. Следовательно, Р. Фрай⁶, Б. Дигнас и Э. Уинтер⁷ правы в своем утверждении, что религиозная политика Сасанидов носила исключительно политический характер. Так, в условиях многовековой римско-сасанидской борьбы за установление гегемонии на Южном Кавказе сасанидский шахиншах Йездигерд II путем насаждения зороастризма среди подвластных ему народов данного региона стремился предупредить возможный союз их с Византией. Как отмечает Р. Фрай⁸, в условиях возрастающего влияния христианства в близлежащих территориях христианизация Южного Кавказа в IV в. представляла для Сасанидской империи большую опасность, нежели само римско-сасанидское противостояние за установление здесь своего влияния. В целом, К.Л. Туманов⁹ характеризует христианский Кавказ неотъемлемой частью христианского Средиземноморского мира. С. Рапп¹⁰ указывает, что христианизация южнокавказских стран, несомненно, способствовала дальнейшему усилению взаимоотношений между ними и Римской империей, формированию *Первого Византийского Содружества наций* и *Восточно-христианской ойкумены*. Согласно исследователю, именно с

⁶ Frye R. The Heritage of Persia. London, 1965. P. 224.

⁷ Dignas B. P. Op. cit. P. 218–219.

⁸ Frye R. Op. cit. P. 224.

⁹ Подр. см.: Toumanoff C. Introduction to Christian Caucasian History. The formative centuries (IV–VIII) // Traditio. 1959. Vol. XV. P. 1–106.

¹⁰ Rapp S.Jr. Caucasia and the First Byzantine Commonwealth: Christianization in the Context of Regional Coherence. An NCEEER Working Paper: URL: http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2012_826-5g_Rapp1.pdf#xml=http://ucis-db.cssd.pitt.edu/cgi-bin/tehis/webinator/search/pdfhi.txt?ery=rapp&pr=nceeer&prox=page&rorder=500&rprox=500&rdfreq=500&rwfreq=500&rlead=500&rdepth=0&sufs=0&order=r&q=&id=4f1f23b811

боязнию Сасанидов упустить Южный Кавказ из-под своей власти и связано упразднение царской власти в «Армении» в 428 г. Такая же участь постигла и Албанию в 463 г., апостольская церковь которой являлась одной из ранних «национальных» христианских церквей. Именно в Албании, в селе Гис (ныне г. Шеки) еще в I в. по инициативе апостола Елисея была построена первая церковь на Южном Кавказе.

Кроме того, в условиях обостренных византийско-сасанидских противоречий Сасаниды умело пользовались существующими в Византии противоречиями между христологическими концепциями. В противовес халкидонству, широко распространенному в Византии, Сасаниды способствовали распространению монофизитства, несторианства, оппозиционных официальному учению византийской церкви. В 424 г. персидская церковь провозгласила независимость от византийской церковной организации, а в результате синода в Бет Лапате в 484 г. несторианство было распространено на все христианские общины Сасанидской империи. Так, несторианство фактически превратилось во вторую «государственную церковь» после зороастрийского храма. Хотя именно в самой Атропатене, культурно-религиозном центре Сасанидской империи, родине Зороастра, находилась зороастрийская святыня – храм Адургушнасп и были кодифицированы зороастрийские священные тексты Авесты, здесь находилось 10 епископств восточно-сирийской церкви. В зависимости от расстановки политических сил на международной арене албанская церковь то придерживалась диофизитского учения, широко распространенного в Византии, то отрекалась от него. Как утверждает, К. Хитчин¹¹, именно под влиянием Сасанидов Албанская церковь совместно с армянской и грузинской на Двинском соборе в 506 г. приняли монофизитское учение, тем самым отделившись от византийской церкви. Уже в I половине VII в. в связи с усилением политического влияния Византии на Южном Кавказе Албанская церковь стала придерживаться диофизитства, хотя ранее на Двинском Соборе

¹¹ *Hitchin K.* History of Iranian-Georgian Relation: URL: http://www.cais-soas.com/CAIS/History/iranian_georgian_relation.htm

в 551 г. она приняла монофизитство. В результате походов Ираклия I в Албанию в 628 г. гардманский князь Вараз-Григор, подпавший под вассалитет Ираклия, был крещен и принял монофелитство, что носило исключительно политический характер, т.к. ранее, в 614 г., Хосров II объявил монофизитство официальным вероисповеданием христиан подвластных ему областей.

Тот факт, что после указа Йездигерда II о насильственном насаждении зороастризма среди народов Южного Кавказа из 700 проповедников маздеизма 300 были отправлены именно в Албанию, говорит о боязни Сасанидов упустить из-под своего влияния Албанию, являвшуюся естественным «буфером» для предупреждения вторжений северных народов в подвластные империи территории. Следовательно, попытка культурно-идеологической ассимиляции южнокавказских народов, в частности же албан, была важным элементом борьбы Сасанидов с Византией в условиях сложной внешнеполитической ситуации.

Христианизация же Византией гуннских племен в 528 г., причем, проповеднической миссией на земле гуннов и подготовкой крещения гуннского царя Грода занимались именно албанские священнослужители во главе с епископом Кардостом, отправка еще одной миссии во главе с албанским епископом Израилом в страну гуннов в 682 г. доказывает, что опасения сасанидских шахов возможного союза Византии с местными кавказскими народами на религиозной основе были не напрасны.

Итак, на основе материалов англоязычной историографии было показано, что одну из основных ролей в геополитической борьбе Византии с Сасанидами за Азербайджан играла именно идеологическая стратегия.

Т.В. Гимадеев

г. Казань (Россия)

Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ЯН ГУС И ГУСИТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918)

В статье анализируется изучение гуситского движения в отечественной историографии периода Первой Мировой войны. Большинство авторов в этот период не пользовалось первоисточниками при написании своих работ, а опиралось на предыдущие достижения отечественной историографии, предпочитая черпать информацию из литературы славянофильского направления. Большинство работ имело панславистский, антинемецкий характер, однако полностью славянофильскую концепцию середины XIX в. (неотъемлемой частью которой является утверждение неких устремлений гуситов к сближению с восточным, православным христианством в ходе церковной реформы) приняли далеко не все авторы. Некоторые историки рассматривали гуситское движение в контексте западной реформации.

Ключевые слова: Первая мировая война, гуситское движение, история Чехии, историография, славяноведение.

В период Первой мировой войны отечественная историография гуситского движения прошла через весьма серьёзную трансформацию, равно как и вся интеллектуальная, общественная жизнь. Всё русское общество в период войны ощутило на себе её влияние. Исключением не стало и историческое сообщество России.

На примере историографии гуситского движения эти изменения видны ещё более отчётливо. Как известно, родина гуситства, Чехия, находилась тогда в составе Австро-Венгрии – противницы России в Мировой войне. Усилия русской дипло-

матии и пропаганды, равно как и чешского национального движения, были направлены на дезинтеграцию Двойственной монархии, с отпадением от неё славянских территорий, в том числе и Чехии. Второе дыхание переживал и панславизм. В этих условиях работы по истории Чехии стали в России достаточно популярными – как среди авторов, так и среди читающей публики. Особый интерес вызвал гуситский период – очень яркий, драматический и насыщенный этап чешской истории.

В историографических работах по гуситскому движению работы 1914–1918 гг. практически не рассматривались. Возможно, это было связано с отношением к Первой мировой войне в советский период, когда она воспринималась лишь как «империалистическая война», прелюдия к Октябрю и к Гражданской войне. Исключением стали труды Л.П. Лаптевой, автора монографии «Русская историография гуситского движения». В ней она охарактеризовала работы этого периода как «остатки славянофильского освещения» этого периода, упрекая авторов работ данного периода в дилетантизме, опоре на устаревшие уже труды историков славянофильского направления¹.

И некоторые основания утверждать это у неё были. Одной из первых после начала войны вышла работа М.А. Богдановича (1891–1917), известного белорусского поэта. Брошюру под названием «Братья-чехи» он посвятил в основном истории Чехии. Начинал он свою работу с рассуждений о том, что «победа явственно склоняется на сторону России»², что и задавало его тон. Его взгляды на гуситское движение, однако, были далеки от славянофильства: он называет его частью «начавшегося в других европейских странах умственного подъёма», вписывая его в контекст реформации. В социальном плане гуситство, по его мнению, было лишь восстанием недовольных «государственных порядком», вдохновлённым проповедью Гуса, истово верующего человека, недовольного злоупотреблениями иерархов церкви. Богданович считал, что гуситское движение в це-

¹ *Лаптева Л.П.* Русская историография гуситского движения. М., 1978. С. 162–165.

² *Богданович М.А.* Братья-чехи. М., 1914. С. 1.

лом проиграло, однако сумело добиться некоторых свобод для чешского дворянства и мещанства, на основе которых и выросло процветание Чехии, её «золотой век» в XVI в.³

Другой автор, по всей видимости, тоже не профессиональный историк – А.И. Содомов, сведений о котором найти не удалось, в своей брошюре про Чехию смело утверждает, будто святой Вацлав «крестил чехов по православному обряду». Само гуситское движение он, однако, трактовал не в славянофильском духе «возвращения к православию», а как национальную борьбу, возглавленную Гусом – «народным вождём в борьбе и против церкви, и против немцев». В гуситах он видел «великие образцы борцов за национальную свободу» для всех славян⁴. Содомов, таким образом, лишь частично принял славянофильскую точку зрения.

С более близкой славянофильству трактовкой гуситского движения выступил уже профессиональный историк, впрочем, далёкий славяноведению – впоследствии профессор древней истории в Казанском пединституте С.П. Сингалевич (1887–1954). Он посвятил Яну Гусу брошюру, приуроченную 500-летию его казни и опубликованную в 1915 г., в Казани. В ней он говорил о наличии в «религиозной системе Гуса» неких элементов, «сближающих её с православием», хотя значение гуситского движения он видел проявлении в нём «нравственной мощи славянства», церковная же реформа Гуса была, по его мнению, продиктована скорее «общими национальными задачами», а не «стремлением к православию»⁵.

Ещё ближе к старой славянофильским воззрениям стоял В.Н. Кораблёв (1873–1935), ученик знаменитого В.И. Ламанского. В работе под названием «Славянский мученик Ян Гус из Гусинца» он, ссылаясь на работы славянофильских авторов середины XIX в., пишет уже о том, что «в основу этого [гуситского – прим. Т.Г.] движения легло православие», а

³ Там же. С. 10–13.

⁴ Содомов А.И. Чехия. М., 1915. С 5, 11–13.

⁵ Сингалевич С.П. Ян Гус и возрождение Чехии в XIV в. Казань, 1915. С. 8–9.

также утверждает, что его итогом была «торжество, хотя бы временное, славянской стихии над германской»⁶. В.Н. Кораблёв принял как постулат о некоей православной исторической основе гуситства, так и восходящий ещё ко временам Ф. Палацкого тезис о том, что гуситское движение стало высшим проявлением «борьбы двух стихий» – немецкой и славянской – в истории Чехии. Он также утверждал, что Гус не был реформатором церкви, «ничего не создавал и не разрушал» в церковной догматике, хотя и не мог отрицать его влияние на Лютера, Цвингли и Кальвина⁷. Во многом взгляд Кораблёва был продиктован политической ситуацией – ещё в самом начале работы он называет Мировую войну «титанической борьбой славянской расы с германской».

Московский историк, специалист по истории войны 1812 г., В.Е. Романовский в своей «юбилейной» работе заходит ещё дальше. По его мнению, главной целью Яна Гуса было «возродить и утвердить православие», также он утверждает, Иероним Пражский принял православие во время его поездки в западнорусские земли⁸. Похоже, что Романовский при написании своей работы следовал за историками середины XIX в., в основном – за учениками О.М. Бодянского, которые некритично восприняли сведения о связях гуситов и православия чешских авторов XVII в., а также материалы Констанцского собора. Однако, В.Е. Романовский испытал также очевидное влияние московского историка-«всеобщника» В.И. Герье, и вслед за ним утверждал, что Гус был также и борцом за свободу развития «независимой человеческой мысли», не затрагивает и тему «борьбы двух стихий» в чешской истории, равно как и тему продолжающейся Мировой войны⁹. Его подход можно охарактеризовать как эклектичный.

⁶ *Кораблёв В.Н.* Славянский мученик Ян Гус из Гусинца. Пг., 1915. С. 17–18.

⁷ *Там же.* С. 50–52.

⁸ *Романовский В.Е.* Ян Гус. М., 1915. С. 1.

⁹ *Там же.* С. 66–70.

Историк-педагог А.В. Белгородский издал свою юбилейную брошюру «За что боролся и пострадал Ян Гус» уже в 1916 г. Он начал свою работу со ссылки на текущую «тяжёлую борьбу с исконным врагом славянства – германизмом», чем и задаёт тон работе. Белгородский утверждал, что целью Гуса было «религиозное, национальное и культурное освобождение» от германизма и католицизма. А.В. Белгородский также заявлял, что в своём трактате «De Ecclesia», отсылающем к одноимённой работе Д. Уиклифа, Гус объявил что «считает истинной только одну православную греко-восточную церковь»¹⁰. В общем и целом он воспринял славянофильский взгляд.

Под влиянием войны несколько изменил свою точку зрения на гуситское движение критиковавший ранее славянофилов историк церкви И.С. Пальмов (1855–1920). В статье под названием «Исторический образ Иеронима Пражского», опубликованной в 1916 г. он заявил, что Иероним Пражский был осуждён на Констанцком соборе в том числе и высказывание «чехи происходят от греков», которое И.С. Пальмов трактовал в духовном смысле – как преемственность к кирилло-мефодиевской традиции. Однако, он всё же призвал не принимать эти слова Иеронима за «акт перехода в православную церковь». Пальмов приближается к славянофильской точке зрения с другого края, утверждая, что принятие многими пленными чехами, «потомками древних гуситов», православия являет собой акт «возвращения к той церкви, которую искали их предки на Востоке», т.е уже прямо объясняет гуситское движение как попытку унии с восточной церковью, а не просто возвращения к неким апостольским идеалам¹¹.

В качестве характерных черт отечественной историографии гуситского движения на данном этапе можно выделить:

- Относительная краткость работ – все рассмотренные нами труды (за исключением газетной статьи Пальмова)

¹⁰ *Белгородский А.В.* За что боролся и пострадал Ян Гус. Пг., 1916. С. 3, 13, 20.

¹¹ *Пальмов И.С.* Исторический образ Иеронима Пражского // Славянские известия. 1916. Кн. 2. С. 42–43.

представляют собой небольшие брошюры, объёмом от 7 до 88 страниц.

- Политическую ангажированность – в большинстве содержится прямая отсылка к обстоятельствам Первой Мировой войны, воспринимаемой как продолжающаяся «борьба двух рас».

- «Дилетантизм» значительной части авторов – сфера научных интересов большинства из них до войны лежала за пределами славяноведения, некоторые авторы и вовсе не были историками.

Однозначно же говорить о сугубо «славянофильской» направленности авторов периода Мировой войны, на наш взгляд, несколько сложнее. Скорее, их работы по своему направлению были эклектичными, сочетающими как славянофильские подходы к гуситскому движению, так и более поздние достижения исторической наук.

Мировая война серьёзным образом повлияла на развитие отечественной историографии гуситского движения. Усилилась политическая ангажированность и панславистская, анти-немецкая направленность авторов. Объём работ сократился, а сами работы стали компилятивными, опирающимися на прошлые достижения отечественной историографии – как в силу и их популяризаторско-пропагандистского характера, так и в силу того, что чешские архивы, находящиеся во враждебной для России Австро-Венгрии, стали попросту недоступны русским авторам. Схожим образом война и её условия повлияли и на развитие всей историографии в целом. В заключение необходимо отметить, что этот – военный – этап стал последним этапом в развитии всей досоветской историографии в России.

А.А. Александрова
г. Орехово-Зуево (Россия)
Гос. гуманитарно-технологический ун-т

ЖЕНСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПИСЬМО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ

В статье проводится анализ двух историографических источников – «женских» текстов, представленных национальной историей Екатерины II и учебным пособием по национальной истории Е.Д. Кушелевой. Подчеркивается, что исследование женских исторических текстов становится наиболее актуальной проблемой современной исторической науки. Поставив цель определить гендерные роли российских женщин-историописателей последней четверти XVIII в. в их исторических произведениях, автор обратил внимание на присущий им исторический дискурс. Компаративный анализ позволил сделать вывод, что две современницы использовали не только разные модели историописания, но и выбрали себе разные гендерные роли: мужчина – «сочинитель» истории для подданных – Екатерина II, писательница истории для девочек – Е.Д. Кушелева.

Ключевые слова: гендерная история, женское письмо XVIII века, историографический источник, Кушелева Е.Д., Екатерина II, историописание.

Историописание второй половины XVIII в. согласно принятой в интеллектуальной истории традиции мы относим к периоду раннего нового времени или раннего модерна¹. В этот период и вплоть до второй половины XIX в. женщины были ис-

¹ См.: *Bod R. Introduction: The Dawn of the Modern Humanities // The Making of the Humanities: in 3 vols. Vol. 2: From Early Modern to Modern Disciplines / eds by R. Bod, J. Maat, Th. Weststeijn. Amsterdam, 2012. P. 9.*

ключены из научной и образовательной (университетской) практик. Чаще всего они выступали любителями, авторами исторических романов и непрофессиональных исторических произведений².

В настоящее время женская историческая литература еще не стала объектом специального исследования, в первую очередь это относится к текстам немногочисленных российских женщин-историописателей второй половины XVIII века и выявления их гендерного поведения в исторических текстах.

Целью работы является определение гендерных ролей российских женщин-историописателей – последней четверти XVIII века – Екатерины II и Е.Д. Кушелевой.

Исследование осуществлено при помощи метода источниковедения историографии с использованием компаративного подхода в предметном поле интеллектуальной истории.

Произведение Екатерины II «Записки касательно российской истории» первоначально публиковались в журнале «Собеседник любителей русского слова» (№№ I–XV, СПб., 1783–1784; издание осталось незаконченным). В 1787–1794 гг. произведение Екатерины II было издано в Санкт-Петербурге в шести частях и важно отметить, что издание не имело в подзаголовке имени автора³. Однако роль анонимного писателя большого сочинения по национальной истории была определена самой императрицей – «собиратель сих записок».

Мне представляется, что многие представители культурной элиты русского общества, догадывались об авторстве «Записок», но выяснением этого вопроса не является задачей моего исследования. Дело в том, что именно анонимные «Записки» выполняли свою функцию в историографическом процессе конца XVIII века и маркировали гендерную роль их авто-

² См.: *Burke P. Lay History: Official and Unofficial Representations, 1800–1914 // The Oxford History of Historical Writing: in 5 vols. New York, 2011. Vol. 4: 1800–1945 / eds by S. Macintyre, J. Maignushca, A. Pók. P. 130.*

³ *Екатерина II. Записки касательно российской истории: в 6 ч. СПб., 1787–1794.*

ра. Не случайно историописатель Н.С. Ильинский (1760–1846), рассказывая о новгородских и псковских посадниках в «Историческом описании города Пскова и его древних пригородов с самого их основания» в 2 ч. (СПб., 1790), сделал сноску на «Сочинителя записок Российской истории», указал: «господин сочинитель изъясняет...». При этом, указанный им «господин сочинитель» (Екатерина II) на самом деле, с небольшими изменениями заимствовала этот отрывок из «Истории Российской» В.Н. Татищева. Этот неприметный без глубокого изучения факт является важным для исследования историографического процесса, – Ильинский дал указание на «Записки касательно российской истории», причем, он сделал ссылку на их «сочинителя», а не на «государыню императрицу» и, что не менее важно, как-бы «не заметил» известной работы В.Н. Татищева⁴. Это свидетельствует о том, что принятая в тексте «Записок» роль историка как мужчины признается представителями русского общества и историописателями.

Анализируя дискурс «Записок касательно российской истории», можно сделать вывод о характере присущего императрице исторического письма. Ретроспектива жизни российского государства рассматривается в ее работе с точки зрения социального аспекта. В «Записках» императрица старается выстроить национальную память россиян, используя позитивные примеры их истории, защищая национальное прошлое от «злых толков». Автор основной функцией своей истории видел воспитание юношества – «она учит добро творить и от дурного остерегаться»⁵.

Екатерина II и Е.Д. Кушелева были современниками и прекрасно знали друг друга, так как вторая являлась фрейлиной императрицы. Они писали почти в одно и то же время, но в их исторических произведениях мы находим не только разные мо-

⁴См.: Маловичко С.И. Отечественная историческая мысль XVIII в. о возникновении и социально-политической жизни древнерусского города (от киевского «Синописа» до «Нестора» А.Л. Шлецера). Ставрополь, 2001. С. 209.

⁵Екатерина II. Записки касательно российской истории. Ч. 1 С. 1.

дели историописания, а в первую очередь различие дискурсивного характера. Императрица приняла на себя роль привычного для читающей публики историописателя – мужчины, Е.Д. Кушелева выбрала иную роль – писательницы истории, т. е. автора-женщины.

Е.Д. Кушелева пояснила, что многие материалы она брала из сочинений российских историописателей, а также из «Российской истории» французского историка П.Ш. Левека, которая вышла во Франции в начале 80-х гг. XVIII в. в пяти томах⁶.

Интерес представляет, тот факт, что Е.Д. Кушелева в своем сочинении прямо указала на автора, который не был популярен в окружении Екатерины II. Императрица еще в 1783 г. отзывалась о П.Ш. Левеке и его ученике Н.Г. Леклерке совсем нелицеприятно: «оба скоты..., скоты скучные и гнусные»⁷.

В работе Е.Д. Кушелевой мы не найдем того, за что невзлюбила П.Ш. Левека Екатерина II, но удивляет само невнимание автора «Исторической и хронологической поколенной росписи» к настроению петербургского двора⁸.

Е.Д. Кушелева обращает большее внимание на черты семейного быта, даже в том случае, когда в своих историографических источниках о последних ничего не находит. Например, характеристику князя Игоря Рюриковича, она заканчивает словами: «Уповают, что он имел много супруг, но неизвестна ни одна, выключая Ольги»⁹.

Внимание Е.Д. Кушелевой к семейной жизни российских правителей настолько очевидное, что во многих случаях характеристика супругов и детей по объему занимает не мень-

⁶ Кушелева Е.Д. Историческая и хронологическая поколенная роспись всех в России владеющих Великих князей, царей. Императоров и Императриц. СПб., 1785.

⁷ Цит. по: Шанский Д.Н. Из истории русской исторической мысли. И.Н. Болтин. М., 1983. С. 26.

⁸ Александрова А.А., Маловичко С.И. Женский учебный текст по истории Е.Д. Кушелевой // Вклад современных молодых ученых в науку будущего: Сб. трудов Междунар. молодежной мультидисциплинарной науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2015. С. 18–19.

⁹ Кушелева Е.Д. Указ. соч. С. 6–7.

ше места в тексте интересующего нас историографического источника, чем характеристика какого-либо князя. Так, в структуре текста описание Святослава Игоревича занимает три страницы, причем характеристика его наложницы Малуши, а также перечисление сыновей заняли ровно половину этого объема.

Остается отметить, что у Е.Д. Кушелевой был определенный вкус и чувство меры относительно того, что является более-менее рациональным в историческом тексте.

Таким образом, Е.Д. Кушелеву-историописателя интересует именно семейные стороны жизни венценосцев в прошлом страны. Если она и взяла на себя роль историописателя, то все равно осталась женщиной и мне представляется, что историю она позиционирует, в первую очередь, представительницам того пола, к которому принадлежала сама. Ее работа предназначена для обучения девушек, которых (как считала автор) более всего в истории интересуют те вопросы, которые она постаралась актуализировать в своем тексте.

Исторические произведения двух женщин – историописателей принадлежат к разным видам историографических источников. «Записки касательно российской истории» Екатерины II являются национальной историей, «Историческая и хронологическая поколенная роспись» Е.Д. Кушелевой – учебное пособие по национальной истории. Однако, не надо забывать, что целью акта историописания обоих авторов было воспитание молодых россиян.

В исторических произведениях Екатерины II и Е.Д. Кушелевой, мы находим разные модели историописания. Е.Д. Кушелева ориентировала свой текст исключительно на женскую публику, в то время как Екатерина ставила перед собой куда более важные цели – конструирования рационального исторического примера для будущих подданных. Поэтому императрица взяла себе роль наставника – историописателя – мужчины. Е.Д. Кушелева выбрала более «скромную» роль наставницы читателей девочек и не скрыла от них авторство исторического произведения.

С.С. Бытко
г. Нижневартовск (Россия)
Нижневартровский гос. ун-т

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СБОРНИКИ И ТРАДИЦИИ ИХ СОСТАВЛЕНИЯ: НАСЛЕДИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье автор прибегает к анализу рукописного полемического старообрядческого сборника из собрания Научной библиотеки Томского государственного университета. Изучение фолианта имеет большое значение для современной исторической науки, поскольку позволяет установить структуру компиляции, её специфические особенности и приемы построения. Другим важным результатом исследования следует считать то, что автор попытался проследить влияние средневековой кириллической традиции на книжников более поздних веков.

Ключевые слова: старообрядчество, кириллическая книжность, сборник, компиляция, структура.

Важную роль в истории старообрядчества играла духовная литература. Книги регламентировали как религиозную, так и бытовую жизнь староверов. Особое место занимали сборники текстов, специфическая структура которых вызывает значительный интерес в современной исторической науке. На примере одного из них мы попытаемся проследить некоторые идеологические формулы, регламентировавшие состав и архитектуру старообрядческих компиляций.

Интересующий нас книжный экземпляр хранится в Отделе редких книг Научной библиотеки Томского государствен-

ного университета под расстановочным шифром В-27238¹. Фолиант занимает 144 листа и датируется 50–70 гг. XIX в.

Сборник открывается широко распространенным в старообрядческой рукописной традиции «Святого Максима Исповедника сказанием к любящим Бога»². Причиной помещения в начале компиляции именно этого произведения послужило желание составителя с первых строк «привязать» книгу к святоотеческой духовной традиции. Подобный прием был весьма распространен среди старообрядцев и имел своей главной целью доказательство соответствия содержания книги традиционному церковному учению³. Таким образом автор защищал свой труд от обвинений в вольнодумстве и «греховном мудрствовании». Одновременно с этим открывающая сборник глава устанавливает характер всей компиляции, выдвигая на первый план нравоучительные мотивы.

В произведении называются «дела», туманящие умы иноков. Так, на трех листах представляются грехи, разбитые на группы (по четыре в каждой). Необходимо отметить, что в этой части компиляции автор не прибегает к обсуждению последствий грехов или способов борьбы с ними, а ограничивается лишь их подробным перечислением.

Вторую главу сборника составляет «Иное сказание о образе греховном. По четырем образам всяк грех являет»⁴. Уже само название главы дает исследователю богатый материал. Очевидно, что употребление определительного местоимения «иное» имеет здесь смысл лишь при наличии фиксированного контекста. Контекстом при этом выступает первая глава сборника. Обе части в результате оказываются соединены общей смысловой «нагрузкой». Необходимо отметить, что взаимодей-

¹ Старообрядческий сборник назидательного характера. Б.м., Б.г.

² Там же. Л. 1–3.

³ Карпов С.П. Научное и педагогическое значение археографических исследований Московского университета // Мир старообрядчества. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М., 1998. Вып. 4. С. 8.

⁴ Старообрядческий сборник назидательного характера. Л. 3–7 об.

полнение произведений было наиболее устойчивым элементом старообрядческой компилятивной традиции и присуще подавляющему большинству книжных памятников⁵.

Рассуждения о «четырех образах», являющих всякий грех, также семантически связывают вторую главу со «Сказанием Максима Исповедника...». Четыре образа в данном случае противопоставляются Святой Троице и выступают символом человеческого греха. Именно этот мотив звучит в первой главе, разбивающей грехи на «четырёхсоставные» группы. В дополнение к этому необходимо указать, что идея о четырех греховных образах, вероятнее всего, берет свое начало из старообрядческой критики «трегубой» аллилуйя. Недаром именно в результате этих догматических рассуждений в полемике староверов закрепилось убеждение в том, что оглашение троекратной аллилуйя имеет своей сутью прославление антихриста взамен трех образов Троицы.

«Иное сказание...» продолжает развивать нравоучительные мотивы, подробно разбирая такие грехи, как пьянство и чревоугодие. Автор произведения тщательно устанавливает причины, порождающие человеческий грех. Заключительным лейтмотивом второй главы становится побуждение читателя к исповеди собственных грехов. Таким образом, мы можем наблюдать последовательное развитие содержания сборника, заключающееся в методичном углублении его содержания в каждой последующей главе.

Третья глава⁶ открывается искусно выполненной заставкой и представляет собой компилятивную подборку нравоучительных текстов и молитв, соединенных вместе, по всей видимости, самим составителем сборника. Основным мотивом главы становится противостояние искушениям дьяволам, приходящим человеку во сне. Молитвы здесь выступают как действенное средство борьбы с осквернением от дьявола. Среди

⁵ *Никаноров И.Н.* Постановление легендарного старообрядческого собора и сборник «Отеческие завещания» // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 70.

⁶ Старообрядческий сборник назидательного характера. Л. 8–31 об.

предлагаемых читателю молитв представлены «Молитва святого Василия Великого», две «Молитвы Иоанна Златоуста», «Молитва искушающегося во сне», «Молитва Пресвятой Богородице от ночного искушения».

Немаловажным можно считать и месторасположение главы в общей структуре произведения. Необходимо заключить, что одной из её целей было дополнение второй части сборника, а именно – её заключения, побуждавшего исповедовать грехи. Приведение в книге полного текста молитв взамен лишь краткого их перечисления побуждало читателя к их практическому использованию. В общем контексте второй и третьей глав их употребление должно было наставлять аудиторию в убеждении, что церковная жизнь не должна носить отвлеченный характер, а обязана пронизывать весь повседневный быт человека.

Четвертая глава сборника также представлена нравоучительной компиляцией, на этот раз – выборкой правил из «Первого послания к Амфилохию, епископу Иконийскому» Василия Великого⁷. Первоначально составитель резюмирует основные положения посланий, рассуждая о принципиальных различиях еретиков и раскольников, а также возможности принятия от них крещения. Развиваются темы о необходимости покаяния еретиков и способах их возвращения в русло Церкви. За этим следует критика древних ересей.

Даже старообрядческие сборники, не относящиеся к полемическому жанру, пронизаны в своей основе полемическими мотивами. Не стал исключением и сборник из собрания НБ ТГУ. Так, в соответствии с устоявшейся традицией старообрядцы воспринимали свой протест как аналогичный противостоянию Церкви с первыми христианскими ересями. Благодаря этому, избегая прямой полемики с никонианами, автор представляет сторонников церковной реформы продолжателями дела марконитов или валентиниан.

Одновременно стоит обратить внимание на умеренность взглядов составителя сборника. Так, в третьей главе книжник

⁷ Там же. Л. 32–38 об.

говорит о недопустимости осуждения грешника. Взамен этого он предлагает осуждать сам грех⁸. Столь редкая для старOVERия тактичность, несомненно, выделяет нашего составителя из общего числа старообрядческих идеологов. Относительно соблюдения традиций старообрядческой книжности, он, напротив, проявляет себя последователем строгого канона. Последнее наиболее отчетливо наблюдается в характере приведения цитат из сочинений отцов Церкви. Автор не позволяет себе исказить оригинальный текст композиции даже в случае её явного противоречия с личными убеждениями. Так, составитель не решается исключить из текста слова Василия Великого о браке⁹, даже будучи, как мы позже выясним, явным противником семейных отношений.

Следующая глава представлена правилом Петра Александрийского «О отвергшихся во время гонений и паки кающихся»¹⁰. Эта часть сборника оказывается логически связанной с предшествующей ей главой и продолжает развивать проблематику возвращения вероотступников в лоно истинной Церкви. Интересен и полемический подтекст данного правила. В контексте всей компиляции правило святого Петра продолжает ассоциативный ряд (старообрядцы – первые христиане, никониане – древние еретики), обеспечивая необходимую критику идеологических противников старOVERия, не превращая при этом «душеспасительную» книгу в полемический трактат.

Крайне интересной представляется нам шестая глава сборника, включающая предисловие «Послания к Летоию, епископу Мелитинскому» Григория Нисского¹¹. Основной идеей данного отрывка, не играющего заметной роли в общем контексте компиляции, стал призыв «избегать грехов и желаний». Ввиду малой информативности, а также незначительного объема отрывка можно заключить, что, несмотря на соответствие предисловия общей назидательной направленности сборника,

⁸ Там же. Л. 34 об.

⁹ Там же. Л. 35 об.

¹⁰ Там же. Л. 39–40.

¹¹ Там же. Л. 40–41 об.

включение его в состав компиляции произошло лишь с целью обеспечения необходимого символизма. Использование трудов *трех* святых отцов должно было оказать дополнительный эмоциональный эффект на читателя. В свою очередь, выбор третьего святителя (Григория Нисского) обуславливался, вероятнее всего, его общим, совместно с Василием Великим, трудом по обработке церковного догмата Святой Троицы.

В седьмой части сборника читатель находит «О завещаниях Божественных на Апостол и о жительствах святых отцов предание»¹². Сочинение устанавливает нормы христианской жизни и призвано служить практическим руководством для устройства религиозно-бытовой жизни староверов. В частности, оговариваются постулаты богослужения и канонических праздников, проповеди, таинств, а также повседневного питания. Необходимо отметить суровый характер предписаний. Правила регламентируют каждый день старовера и напоминают собой устав скитской жизни.

Для большинства старообрядческих толков была характерна жесткая догматизация норм религиозной и бытовой жизни. Потому, как необходимо отметить, что включение данной главы явилось следствием свойственного старообрядческому менталитету стремления к идеализации повседневности и достижению жизненного идеала¹³.

Кстати, в ряде случаев основой для структурного оформления старообрядческих сборников выступал принцип «идеального старообрядца», предполагавший развитие у читателя комплекса ценных для староверия качеств. Среди них готовность к мученичеству, полемическая одаренность, образованность, высокая нравственность, безоговорочное исполнение религиозных догматов. Подобная система наблюдается в сборнике В-27238. Каждое отдельное сочинение вносит вклад в формирование у

¹² Старообрядческий сборник назидательного характера. Л. 42–57 об.

¹³ Мальцев А.И. Статьи Никиты Семенова (1860 г.) и раскол страннического согласия // История Церкви: изучение и преподавание. Материалы науч. конф., посвященной 2000-летию христианства. Екатеринбург, 1999. С. 193.

читателя конкретных личностных качеств, в то время как специфика сборника соединяет их в целостную структуру, формируя идеальный с точки зрения старообрядчества тип личности.

Продолжением этой части сборника становится догматический трактат «О коленопреклонении. Яко не подобает правоверному не радеть о них»¹⁴. Как и следует из заголовка, текст сочинения регламентирует богослужебные нормы и полностью вписывается в содержательный контекст центральных глав сборника, посвященных установлению предписаний и контролю за их соблюдением.

Более интересной оказывается девятая часть компиляции, также не выпадающая из оговоренной ранее тематики. Она представлена сочинением «О том, что не презирати иноку [...] своего истинного правила»¹⁵. Содержание главы сводится к размышлениям о необходимости соблюдения всей совокупности догматов и правил христианской жизни. Авторские соображения подкрепляется осуждением духовной лени и иноков «не внимающих своему спасению»¹⁶. Данная глава имеет чрезвычайно важное значение в общем построении произведения. В частности, именно она главным образом обеспечивает контроль за соблюдением религиозных норм, установленных в предыдущих главах. За счет развернутой экспансивной аргументации составитель воздействует на читательскую аудиторию, побуждая сохранять стойкость и исполнять обременительные положения из предыдущих частей книги.

После приведенного отступления составитель вновь обращается к установлению норм религиозной жизни. На этот раз он пользуется «Правилем христианского паче иноческого жития», регламентирующим церковное пение и порядок молитвы. Кроме регулирования церковного устава, сочинение также развивает морально-нравственную риторику, подвигая читателя к чтению, воздержанию, снисхождению, ожиданию Второго пришествия.

¹⁴ Старообрядческий сборник назидательного характера. Л. 58–62.

¹⁵ Там же. Л. 62–81 об.

¹⁶ Там же. Л. 66 об.

Десятая глава оказывается заключительной в «блоке» произведений, посвященных нравоучительной тематике. Следующие сочинения приобретают отчетливую полемическую ориентацию и открываются «Кратким объявлением. В чем наше состоит разделение с вами»¹⁷. В отличие от «Правила...» Петра Александрийского, использованного составителем сборника для полемики с никонианами, «Краткое объявление...» имеет своей целью критику смежных старообрядческих согласий.

Отсутствие в данном и последующем произведениях развернутой критики сторонников церковной реформы дает исследователю богатый материал. Из авторской концепции, в частности, следует, что полемика с никонианством не была главной задачей составителя компиляции, уделявшего, как видим, преимущественное внимание внутренним разногласиям старообрядческих толков. Вторым важным наблюдением становится очередное подтверждение устойчивой и строгой структуры, присутствовавшей в старообрядческих сборниках. Несмотря на развернутую полемику староверов с представителями официальной Церкви во второй половине XIX в., все полтора десятка представленных в сборнике произведений исключают или допускают крайне ограниченный объем прений с «нововеерами», что, конечно же, не может быть случайностью.

Возвращаясь к «Краткому объявлению...», необходимо отметить, что данное сочинение, безусловно, является авторским текстом и изначально создавалось как часть изучаемой нами компиляции. На это указывает несколько значимых аргументов. Первый – отсутствие широкого хождения текста в старообрядческой книжной культуре; второй – жесткая привязка сочинения к конкретному старообрядческому согласию, не наблюдаемое в других частях книги.

В произведении отражены догматические взгляды старообрядческого автора и осуждаются ношение немецкого платья, снисхождение христиан до блуда, а также, что наиболее показательно, брачные отношения. В тексте широко представлена критика как «новоженства», так и «староженства». Последнее окон-

¹⁷ Старообрядческий сборник назидательного характера. Л. 88–108 об.

чательно убеждает нас в приверженности автора одному из наиболее радикальных беспоповских согласий – филипповству, отрицавшему брак ввиду его греховности после «наступления последних времен». Развитие эсхатологических настроений также обнаруживает себя в тексте, что было обусловлено, по всей видимости, намерением автора отвратить читателей от более лояльных к староженам поморцев и федосеевцев.

Сочинение критикует отцов и матерей, «живущих в блуде» и приобщающих своих детей ко греху. Вслед за этим говорится о недопустимости совместного моления с грешниками и возможном наказании для юношей, «восхищающих» молодых девиц¹⁸. Данный текст в противоположность предыдущим частям книги, носит весьма агрессивный характер, не допуская компромиссов в отношении вероотступников большего или меньшего порядка. Исходя из этого, место для помещения сочинения было выбрано очень удачно. Радикальная критика убеждений в самом начале сборника, отличных от филипповских, могла внушить антипатию приверженцам других толков или сомневающимся, не успевшим полноценно влиться в среду безбрачников, в то время как ближе к заключению книги читатели успевают увериться в обстоятельности убеждений книжника-составителя и более лояльно относятся к специфическим особенностям мировоззрения его согласия.

Вслед за этим составитель помещает в сборнике фрагменты из Большого Катехизиса¹⁹, подробно разъясняющие наиболее актуальные для старообрядцев проблемы православного богословия, в частности, естество ангелов, таинства крещения и покаяния.

Немаловажным стоит считать тот факт, что заключительные полемические части сборника являются самыми объемными произведениями в книге. Это в очередной раз подтверждает, что элемент диспута в старообрядчестве играл значительную, а иногда преобладающую роль даже в книжных па-

¹⁸ Там же. Л. 108 об.

¹⁹ Там же. Л. 115–129 об.

мятников, не относящихся напрямую к жанру полемических сочинений.

Сборник завершает фрагмент «Из книги летописной. Повесть о последних летах»²⁰, где приводятся легендарные свидетельства исторического характера, способствующие развитию эсхатологических ожиданий у читателя и оставляющие последнего после ознакомления со сборником с чувством надвигающегося апокалипсиса.

Выявляемая система построения произведений внутри компиляции дает нам право высоко оценивать полемические таланты составителя книги и говорить о соответствии сборника В-27238 традиционным канонам построения старообрядческих сборников.

Доказательством эффективности устоявшихся принципов составления сборников также могут служить «читательские отзывы», расположенные на завершающем листе памятника: «Воистину, ныне все отменяют святое крещение; лукав всех ведет в преисподней ров»²¹.

В ходе проведенного исследования мы приходим к выводу, что страннический сборник из собрания НБ ТГУ является типичным образчиком старообрядческой компилятивной традиции второй половины XIX в. Можно заключить, что разные главы сборника выполняли в произведении отличные друг от друга функции (обеспечение эмфатического или догматического доказательства истинности староверия). Между тем, смежные друг с другом произведения взаимодействовали между собой и часто развивали схожую полемическую тематику. Общая «концепция» сборника по замыслу составителя должна была окрашивать борьбу староверов с никонианами в яркие эмоциональные тона, а вслед за этим плавно переходить к богословским произведениям, предоставляющим читателю убедительные доводы для ведения самостоятельной полемики.

²⁰ Там же. Л. 130–144.

²¹ Там же. Л. 144.

А.С. Ошонков
г. Пермь (Россия)

Пермский гос. гуманитарно-педагогический ун-т

ПРАКТИКА «ОБЪЯВЛЕНИЯ ВНЕ ЗАКОНА» И ФЕНОМЕН ИЗГНАНИЯ В НОРВЕЖСКОМ И ИСЛАНДСКОМ ОБЩЕСТВАХ VIII–XIII ВЕКОВ

Статья посвящена анализу древней скандинавской правовой практики «объявлению вне закона». Этот вопрос раскрывается в контексте правовых и ментальных структур исландского и норвежского обществ. Особое внимание уделяется проблеме восприятия «объявленного вне закона» внутри социума. Такой человек большинством членов статусного общества понимался как изгой, потерявший человеческий облик. Последний в таком случае лишался защиты своих родичей. Его мог убить кто угодно, а ответной реакции можно было не опасаться. Представленный в мифологических и эпических текстах изгой, принадлежащий к нечеловеческому миру, теряет свою связь с сакральным и перестаёт существовать как человеческое существо. Он приобретает черты волка, представителя мир хаоса. Кроме того, автор подчёркивает генетическую связь скандинавской практики изгнания с правовыми практиками франкского и древнерусского государств.

Ключевые слова: «Эпоха викингов», норвежское и исландское общества, правовые практики, объявление вне закона, изгнание

Экспансия скандинавских народов в VIII–XI вв. вошла в историю под названием «Эпоха викингов». Волны грабителей и переселенцев из Норвегии, Швеции, Дании и Исландии способствовали появлению новых государств, формированию торговых путей, развитию феодальных отношений. Причина такому временному всплеску заключается в социально-экономическом развитии скандинавских народов. Начиная с VIII в. происходит постепенное разрушение родовой общины, появляются ранне-

феодалы, увеличивается население, а вместе с этим уменьшается количество сельскохозяйственных угодий. И как следствие растут противоречия внутри общества. Поэтому менее зажиточные и социально незащищённые отправляются на поиски новых земель. К незащищённым нормами индивидам относились и так называемые «объявленные вне закона», то есть люди, ставшие «изгоями». Многие из них, скрываясь от правосудия, отправлялись в походы в чужие страны и на поиски новых земель. Не случайно одним из наиболее известных «путешественников» стал убийца Эйрик Рыжий, изгнанный из Норвегии, а затем из Исландии.

Общества Исландии и Норвегии в IX–XIII вв. обладали схожей правовой системой. В IX в. норвежское право проникает в Исландию вместе со скандинавскими переселенцами. Не последнюю роль в его распространении на острове сыграли конунги из Норвегии.

Институт «объявления вне закона» нашел свое отражение в различных источниках: судебных книгах, сагах, эпических поэмах. К памятникам права относятся следующие: исландский судебник середины XIII в. «Gragas» (древнеисл. *Серый Гусь*) и два норвежских судебника, названные по областям их применения «Gulating» конца XI–начала XII в. и «Frostating» (район Трондхейма) первой половины XII в. Как во многих памятниках традиционного права в них отражены напластования разных эпох. Можно утверждать, что институт «объявления вне закона» носил универсальный характер для дофеодалного общества. Кроме памятников скандинавского права он зафиксирован и в других «варварских правдах», таких как «Салическая Правда» (конец V – начало VI в.), «Русская Правда» (середина XI в.), «Законы Альфреда» (конец IX – начало X в.), Законы Кнута (начало XI в.) и т. д.

В исландских и норвежских исторических источниках XI–XIII вв. практика «объявления вне закона» предстаёт важным социально-правовым институтом. В его задачу до середины XI в. (время усиления королевской власти в Норвегии) входило устранение из общества нежелательных элементов. Объявленный вне закона исключался из социальных связей, лишался

ся правовой защиты и становился изгоем, его не мог приютить ни один человек. Человек, лишённый социальных связей, практически обрекался на смерть, таким образом наказывали только самых опасных преступников, например, совершивших позорное убийство (*morg*).

Исландское и норвежское право, исходя из понимания общественной опасности, знает различные виды «изгнания». К двум основным относятся: высылка на три года – неполное изгнание (*fiorgaugsgarfr* древнесканд. «*двор платы за жизнь*») и окончательное изгнание (*skoggangr* древнесканд. «*поход в лес*»), которое представляло собой полное удаление индивида из социума. Оба приговора предполагали изъятие потерпевшей стороной имущества преступника. Если человек в течение трёх лет не уезжал из страны, то малое изгнание автоматически превращалось в окончательное. Ещё одним видом (не упоминаемым в судебнике «Сером гусе») был *heradssekt* (древнесканд. «*изгнание из округа*»). Общим для всех форм «объявления вне закона» было то, что для этого требовалось самое широкое, почти общенародное (в рамках альтинга) согласие.

Существовала масса оговорок при вынесении данного приговора. Например, А.А.Сванидзе указывает, что если изгнанный на три года не мог уехать в другую страну из-за непогоды, задержка ему в вину не ставилась¹. Также, если по какой-то причине преступник, приговоренный к неполному изгнанию, получал еще одно, то он автоматически приговаривался к полному изгнанию. Кроме того, для смягчения положения «изгоя» исландский законодательный совет годи (законоговоритель) на альтинге – Лёгретта, в некоторых случаях мог разрешить покинуть страну².

На древность и распространенность в раннесредневековой Европе данного института указывают исторические параллели. Например, Древнерусское право (XI в.) и право салических франков (V–VI вв.) знают схожие с «объявлением вне закона»

¹ Сванидзе А.А. Викинги – люди саги: жизнь и нравы. М., 2014. С. 658.

² Байок Д.Л. Исландия эпохи викингов. М., 2012. С. 355–356; Буайе Р. Викинги История и цивилизация. СПб., 2012. С. 293.

институты. В пространной редакции Русской Правды сходное с изгнанием наказание отражено в словосочетании «поток и разграбление». Последнее применялось за самые опасные преступления: конокрадство, поджог и беспричинное умышленное убийство. У Салических франков как минимум с конца V в. в силу более развитого института королевской власти и синтеза романо-германской правовой системы за особо опасные уголовные преступления вместо изгнания была уже введена смертная казнь. По-видимому, смертная казнь была призвана заменить институт «объявления вне закона». Тем не менее, его признаки в некоторых случаях сохранились. Например, в статьях «за неявку в суд», «об ограблении трупов» и за брак женщины с рабом главным наказанием становилась изоляция человека от общества. Причём в статье о «неявке в суд» говорится о конфискации имущества преступника, – всё это напоминает одну из форм «объявления вне закона», уже упомянутое неполное изгнание.

«Объявление вне закона» также оказалось тесно связано с институтом «кровной мести». В Исландском и норвежском обществе институт «кровной мести» способствовал поддержанию мира. Убийство члена одного коллектива членом другого вызывало ответную реакцию, поэтому скандинавы старались улаживать свои дела мирными путями. Если всё-таки распрю не удавалось предотвратить, то провинившегося человека можно было объявить вне закона. Последний в таком случае лишался защиты своих родичей. Его мог убить кто угодно, а ответной реакции можно было не опасаться. Понятно, что этим правом пользовались в основном родичи потерпевшего. В обществе салических франков V–VI вв. данный институт практически не функционировал, однако отголоски, связанные с ним, в Салической правде существуют. Так в статьях «об ограблении трупов» и о браке женщины с рабом», сами потерпевшие родственники (!) решали, что делать с преступником. В первом случае женщину могли убить, во втором родственники должны были решить оставить преступившего закон жить «среди людей» или же обречь на одинокое существование. Таким образом, для поддержания стабильности в обществе институт «объявления вне закона» как бы сдерживал кровную месть.

Изгой, отторгнутый от общества, в том числе от своих родственников в источниках часто называется как «uheilagr» (древнесканд. *не сакральный, не священный*) или «ut-lagr» (древнесканд. *стоящий вне закона*). Следует отметить, что в германской семантической картине мира право было тесно связано с космогоническим актом творения³. Поэтому человек, переступивший закон, посягал на мировые устои и таким образом терял свою связь с сакральным. Приставка «ut» указывает на его исключённость из мира людей (Midgard). Ut-lagr понимался как существо, представляющее силы хаоса (Utgard). Кроме того в источниках таких людей часто называли Skoggangsmadr (букв. с древнесканд. *«бродящий по лесам»*) или vargr (*волк, преступник*). Видимо, с потерей социальных связей человек переставал отождествляться с человеческим существом и приобретал черты «волка».

Пример отождествления волка и изгоя представлен в «Видении Гюльви», одной из глав Младшей Эдды, сборнике мифологических сюжетов, записанных в XIII в. Снорри Стурлусоном. Вкратце он выглядит так: волк Фенрир, представитель мира хаоса (сын великанши и вана Локи), оказывается в жилище богов Асгард. Верховный бог Один оставляет Фенрира у себя, считая его слишком слабым. Несмотря на свой неукротимый нрав и угрозу богам, волк Фенрир, остаётся жить в Асгарде, дожидаясь часа Рагнарёка как изгой скованный волшебной цепью, то есть лишённый социальных связей. На наш взгляд в данном мифологическом сюжете отразились реальные социальные взаимоотношения внутри скандинавских обществ. О том, что миф в традиционном обществе представляет идеальный прообраз взаимодействий, писал ещё М.Е. Мелетинский⁴. Поэтому можно заключить, что сюжет волка Фенрира отражает взаимодействия изгоя в среде полноправных общинников.

Специфический образ «изгоя», связанный с образом «волка», представлен в Саге о Беовульфе, записанной англосак-

³ *Топорова Т.В.* Семантическая структура германской модели мира. М., 1994. С. 87.

⁴ *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1975.

сами в VIII–IX вв., где рассказывается о борьбе Беовульфа с Гренделем. Интерес вызывает то, что автор саги описывает нечеловеческое существо Гренделя как человека. Упоминаются его предки: 1) рождённый от «двух матерей»: *brimwulf* – волчицы моря и *grundwerzenne* – чудовища-волчицы на дне озера⁵. 2) Местность, на которой он проживает, схожа с той, которую описывает автор Саги о Греттире, где герой вынужден скрываться от своих недругов. 3) Автор наделяет Гренделя, помимо вышеназванных признаков, характеристиками недостойными германца. Во-первых, он не умеет пользоваться оружием, что считалось величайшим пороком для германца, во-вторых, у него нет отца, в-третьих, он не желает уплачивать вергельд за убитых им датчан, наконец, он убивает во мраке ночи, когда люди спят, такое убийство у скандинавов носило название позорного и каралось изгнанием. Не стоит, также забывать, что он существует в полном одиночестве и изоляции⁶. Как отмечает А.Я. Гуревич, в его образе сплелись разные ипостаси зла. Одно из них это отверженный, поставленный вне закона человек. Показательно, что в самой поэме, под влиянием христианства, Грендель был назван потомком Каина⁷.

Представленный в мифологических и эпических текстах изгой, принадлежащий к нечеловеческому миру, теряет свою связь с сакральным и перестаёт существовать как человеческое существо. Он приобретает черты волка, представителя мира хаоса.

Таким образом, институт объявления вне закона выполнял важную задачу по устранению наиболее опасных элементов из исландского и норвежского обществ. Связанный с обычаем кровной мести он способствовал сохранению социальной стабильности. Глубокие мифологические корни данного института

⁵ *Иванов В.В.* Реконструкция европейских языков и текстов, отражающих культ волка // *Литература и язык.* 1975. Т. 34. № 5. С. 403.

⁶ *Мельникова Е.А.* Меч и Лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987. С. 94.

⁷ *Гуревич А.Я.* Беовульф (вступительная статья) // *Беовульф.* Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 5–26.

открываются при анализе, связанного с ним феномена «изгойничества». Объявленный вне закона терял не только защиту закона, но и человеческий облик. Став изгоем, своего рода «волком одиночкой», он практически полностью терял возможность восстановить свой статус и вернуться в социум. Распад родовой общины и развитие социально-экономическое дифференциации у скандинавов способствовали увеличению числа изгоев, которые пополняли отряды «северных» грабителей и захватчиков, потрясших западный мир в VIII–XI вв.

А. А. Белькова
г. Москва (Россия)

Высшая школа экономики

ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются ключевые черты ведения таможенного делопроизводства в Российском государстве в XVII – начале XVIII вв. Автором приводятся основные виды и разновидности таможенной документации. Кроме того, в работе освещаются особенности правового регулирования таможенного делопроизводства в заявленный период.

Ключевые слова: Российское государство, XVII в., начало XVIII в., Соборное уложение, Генеральный регламент, таможенное делопроизводство, таможенные книги, таможенные выписи.

Централизованная система таможенных учреждений в Российском государстве стала складываться к началу XVII века с одновременным становлением и таможенного делопроизводства. Безусловно, данный процесс был неслучайным, расширение торговых связей Московского государства требовало соответствующего документального учета и, следовательно, организации работы органов, осуществляющих его. И здесь большое значение для регулирования таможенного дела имело Соборное уложение, принятое в 1649 г.¹ Несмотря на то, что механизму

¹ Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / подг. текста Л.И. Ивиной; коммент. Г.В. Абрамовича, А.Г. Манькова, Б.Н. Мирнова, В.М. Панеяха. Л., 1987.

таможенного регулирования посвящалось всего 20 статей в IX главе, были достаточно полно обозначены права и обязанности таможенных «служителей» – мытчиков, перевозчиков и мостовщиков, определены их контрольные функции по перемещению товаров и провозу людей, а также установлены нормы должного исполнения обязанностей и ответственность за ослушание – совершение правонарушения.

В XVII веке таможенным делом одновременно ведали Разрядный Приказ, Приказ Большого прихода, Сибирский Приказ и Приказ Казанского дворца, а также приказ Большой казны. В XVIII веке этими органами стали Коммерц-коллегия и Камер-коллегия. Столь обширное многообразие руководящих органов было связано и с самими широкими функциями таможни, в которые входили не только обложение внешней и внутренней торговли, но и все косвенное налогообложение, включая, например, кабацкий сбор (государственная торговля спиртными напитками) и даже банный сбор.

В соответствующие приказы (коллегии), по вмененным им компетенциям, поступали таможенные сборы и отчетные документы. На эти же органы были возложены и обязанности по изданию соответствующих распоряжений и направлений их в таможенные органы. На местах же в большинстве своем документированием и учетом таможенных сборов занималась таможенная (приказная) изба (с XVIII века – таможня, таможенная контора), находившаяся в ведение губернской, комендантской или воеводской канцелярии².

Основными таможенными документами на протяжении XVII–XVIII веков были разнообразные таможенные книги, фиксирующие сбор тех или иных таможенных поступлений. Каждая из таких книг заводилась на один хозяйственный год. Так как в XVII веке год начинался с 1 сентября, то поэтому в

²Белькова А.А. Организация учета подушного налога в Тюменском уезде в первой половине XVIII века // Грани гуманитарного знания: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. стипендиатов Оксфордского Российского Фонда 15–16 ноября 2012 г. Ярославль. Ч. 1: Историческое знание. Ярославль, 2012. С. 12.

таких книгах имелись двойные заголовки – «Книга приходная таможенному сбору Тюменского уезда 1673/74 гг.»³.

В 1700 году произошел переход к современному летоисчислению с началом года 1 января, поэтому таможенные книги стали датироваться только одним годом. В течение года велось множество (до десяти наименований)⁴ таможенных книг, в которых отражались определенные статьи таможенного дохода (например, «Книга приходная таможенной десятинной пошлины»⁵, «Книга приходная записная хлебного и кунного ясака»⁶, «Книга кабацких, таможенных, гербовых сборов»⁷). Особый таможенный учет велся при уплате пошлины с так называемого «малоценного товара». Размер пошлины с таких товаров составлял менее 20 копеек. Ее уплата вносилась в специальные «Книги мелочного сбора», в которой отражалась лишь только общая сумма взысканной пошлины, в то время как в других приходных книгах содержались сведения о наименовании, мере или единице обложения, владельце и месте происхождения товара⁸.

Что касается правового регулирования порядка ведения таможенного делопроизводства, то до 1720 г. оно в большинстве своем регламентировалось разрозненно – различными грамотами, наказами, причем весьма неполно и по каким-то конкретным и частным случаям (сбор таможенных платежей в определенной местности, назначение должностных лиц в таможню и пр.). Характерно и то, что такая ситуация была присуща для постановки всего делопроизводства в государстве.

В ряде основополагающих актов государства также затрагивались вопросы оформления конкретных видов докумен-

³ Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). Ф. И–29. Оп. 1. Д. 1. 24 л.

⁴ Таможенные книги Московского государства XVII в. / под ред. А.И. Яковлева. Северный речной путь: в 3 т. Т. 3. М.; Л., 1951. С. 137–264.

⁵ ГБУТО ГАТО. Ф. И–29. Оп. 1. Д. 6. 4 л.

⁶ Там же. Д. 10. 6 л.

⁷ Там же. Д. 983. 11 л.

⁸ *Шемякин А.И.* История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль, 2000. С. 83.

тов, общие вопросы документирования. Так, в десятой главе Соборного уложения – «О суде», – присутствовали статьи, обозначающие некоторые особенности работы с документами (стоит заметить, что глава следует сразу после девятой «таможенной» главы), что в целом было очень незначительно и недостаточно.

Безусловно, единые правила таможенного делопроизводства складывались постепенно. Многие исследователи при изучении таможенных документов XVII–XVIII вв. пришли к выводу о наличии разности (иногда даже существенной) в ведении делопроизводства различных таможен, что объяснили спецификой местных условий, а также «требованиями курирующих» органов⁹. Подобное было замечено и нами при проведении аналогичных изысканий. Поэтому, на наш взгляд, мы можем говорить о том, что вплоть до принятия в 1720 г. «Генерального регламента»¹⁰ весь процесс документирования фактически осуществлялся исходя из сложившейся практической деятельности таможенных служащих.

В «Генеральном регламенте» были изложены принципы внутренней организации деятельности служащих канцелярий. Согласно этому акту, составлением документов занимались канцеляристы, а переписыванием отправляемых набело – копиисты. Общее руководство и распределение дел между канцеляристами выполнял секретарь. Кроме того, он сверял ответный документ с черновиком (делал «справу») и расписывался («скреплял») по листам¹¹.

⁹ Булгаков М. Б. О составе таможенных книг первой половины XVII в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.: сб. материалов междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2011 г.). СПб., 2011. С. 243.

¹⁰ Генеральный регламент или устав, по которому Государственные Коллегии, також и все оных принадлежащих к ним Канцелярий и Контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 6. № 3534. С. 111–160.

¹¹ Там же.

По аналогичной схеме организовывалось делопроизводство и в таможенных книгах. Так, таможенные книги велись в двух экземплярах – «черновики» и «беловики». Внесение данных по таможенным платежам, было преимуществом в цифровой форме, что требовало изначально точного подсчета товаров, верного определения всех его количественных показателей. Соответственно информация могла вноситься неправильно, поэтому все сведения о приходе и расходе таможенных денег заносилась в «черновые» таможенные книги. Именно эти книги в большинстве своем оставались во внутренних архивах таможни и сохранились в архивных учреждениях до наших дней.

В вышестоящие органы направляли уже «беловики» таможенных книг, где вся информация о приходе и расходе таможенных сборов была выверена и перепроверена. «Беловики» составлялись на основе черновых книг по завершению года таможенным дьяком или подьячим, причем под непосредственным контролем руководителя местного таможенного органа – таможенного головы. Как отмечает исследователь В. Г. Балковская, «беловые таможенные книги за год готовились одним, максимум двумя почерками»¹². В качестве подтверждения подлинности «беловика» ставилась «скрепа» – «подпись всего личного состава таможни в отчетном году»¹³.

Таможенные книги представляют собой весьма значимые источники о торговой и финансовой деятельности государства, поскольку содержат в сводном виде информацию обо всех таможенных сборах, поступивших в «приход», и о характере «расхода» этих таможенных денег.

Не менее важным документом в таможенном делопроизводстве XVII–XVIII веков можно считать выписи – документы, подтверждающие, что с товара была взята таможенная пошлина или же напротив товар не был «обложен» по определенной причине.

¹² Балковская В. Г. Организация таможенного делопроизводства в Российской империи в XVIII веке // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5. С. 11–17.

¹³ Там же.

Такие выписи содержали информацию о владельце товара – его имя, фамилию, отчество, а также его сословную принадлежность, данные о товаре, месте прибытия товара (или убытия), а также, о сумме полностью или частично уплаченных таможенных пошлин.

Такая выпись выдавалась на руки владельцу товара, о чем вносилась информация в специальную таможенную книгу выписей. Также существовала процедура заверения подлинности выписей – таможенный голова (или иногда ларечный целовальник) ставил свою подпись.

Поскольку составление таможенных выписей подтверждало многие таможенные процедуры, то имелась большая разновидность таможенных выписей – обычные отпускные, зачетные отпускные, заявочные, привозные оборотные и отъездные¹⁴. В большинстве своем выписи удостоверяли место происхождения товара, а также подтверждали факт уплаты таможенной пошлины. Интересным является следующее, если владелец товара терял данную выпись, то он должен был снова уплатить таможенную пошлину в полном объеме.

Помимо таможенных книг и выписей в таможенном делопроизводстве велась и внутренняя переписка – составлялись отписки, доношения, рапорты, а также оформлялись иные отчетные документы. Но, несмотря на историческую давность осуществления различных торговых сделок, как таковое документирование таможенных процедур появилось лишь только в Московском централизованном государстве. Причем нормативно-правовая регламентация таможенного документирования окончательно сложилась и приобрела черты единообразия в период коллежского делопроизводства. Что касается сохранившихся до наших дней документов таможенного делопроизводства, то они являются ярким источником реконструкции социально-экономической истории России и практической организации деятельности таможенных органов.

¹⁴ *Шемякин А. И.* Указ. соч. С. 85–87.

Отв. ред. и сост. В. В. Пузанов

**Европа в Средние века и Раннее новое время:
Общество. Власть. Культура**

*Компьютерная верстка Ф. Н. Сайфутдинова
Дизайн обложки В. В. Долгов
Авторская редакция*

Подписано в печать 20.05.2016. Формат 60×84¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5. Уч. изд. л. 10,1.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Заказ № 16-39.
АНО «Ижевский институт компьютерных исследований»
426034, г. Ижевск, ул. Кооперативная, 5
E-mail: mail@rtd.ru Тел./факс: +7 (3412) 50-02-95

Для заметок
